
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ТУМАННОСТЬ
ОРИОНА

Annotation

3782 год.

Вадим Полуэктов капитан внешней разведки Земли по долгу службы был готов к любым неожиданностям. Однако он даже не подозревал в какую переделку попадет, выполняя задание начальства по исследованию древнего колониального транспорта. Полуэктов оказывается втянут в невероятную историю среди участников которой не только алчные и кровожадные фанатики с планеты Ганио, но и древний разум, когда-то породивший Предтеч, а вместе с ними — нашу биологическую форму жизни.

Андрей Ливадный Туманность Ориона (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 27)

Пролог

2201 год по летосчислению Земли. Окраина Солнечной системы.
За границей Плутона

Космический корабль был огромен.

Он вобрал в себя всё — все знания, весь опыт и все надежды Человечества.

…Последняя независимая передающая камера прибыла в заданную точку пространства за шесть месяцев до грядущего события, и вот она заработала, транслируя видеосигнал к Плутону, откуда он будет переизлучен дальше, в глубь Солнечной системы, на колонизированные спутники Юпитера, оттуда к Марсу и, наконец — к Земле.

Общее запаздывание сигнала составляло несколько суток, но для миллиардов людей технические проблемы не казались чем-то существенным — главное увидеть, как это произойдет…

— Внимание, десять секунд до включения… Пошел обратный отсчет…

В черноте космоса на фоне далеких колючих звезд медленно поворачивался передатчик сигнала. Он был смонтирован на прямоугольной платформе и издали казался гигантским ажурным насекомым.

Вспышка…

Разом заработало два десятка мониторов, повторяя одну и ту же картинку: на фоне вселенского мрака растет, укрупняется *нечто*, щедро осыпанное искорками разноцветных габаритных огней.

— Минута передачи. Сигнал устойчивый. Объект в фокусе. Вся аппаратура в норме.

— Отлично. Начинаем!

На контрольных мониторах изображение продолжало медленно увеличиваться.

— Дамы и господа! Несколько минут назад начал свою работу последний независимо расположенный следящий видеокомплекс. Он находится всего в пятистах километрах от точки, где произойдет включение двигательных установок основной тяги. Я, Александр Шаповалов, буду вместе с вами затаив дыхание следить, как первый в истории Человечества межзвездный колониальный транспорт покинет границы Солнечной системы.

…Одна из установленных на платформе видеокамер повернулась,

поймала приближающийся корабль и начала «наплыв».

Зрелище потрясало.

Колониальный транспорт увеличивался, все четче и четче проступая на фоне мрака.

Его размеры, конструкция, формы — все поражало взгляд, казалось настолько необычайным, мощным, что не сразу укладывалось в сознании, заставляя миллионы людей вздрагивать у своих сферовизоров, испытывая при этом неведомый доселе трепет и гордость.

Наплывающая камера показывала обтекаемый нос корабля, по серебристому покрытию которого шли буквы:

«Земля. Колониальный транспорт „Альфа“»

Это был миг, когда миллиарды разных, совершенно незнакомых людей, по-прежнему разделенных условностями границ, расовыми и религиозными предрассудками, вдруг начали по-настоящему осознавать себя Человечеством.

По крайней мере те, кто понимал значимость происходящего, замерли сейчас у своих экранов.

Эмоции людей, их побудительные мотивы были самого разного толка, но мало кто остался равнодушным к репортажу о назревающем событии. Так или иначе, но этот день должен был отпечататься в памяти миллиардов граждан Солнечной системы, еще немного приблизив их сознание к идеям общечеловеческих ценностей.

Казалось, вот он, реально наступающий миг, когда станет понятно: Прорыв осуществлен, первые колонисты покидают Солнечную систему, и в сознании новых поколений будет зреть понимание того, насколько бесконечен окружающий космос, как чудовищно велики межзвездные расстояния, и какое уникальное по своей природе чудо все мы — разумные существа, сумевшие подчинить себе законы мироздания…

Буквы, нанесенные черным на серебристую поверхность, укрупнялись, пока не настал миг, когда надпись уже не помещалась в фокусе объектива…

…Кадр сменился, теперь ракурс съемки стал немного иным, показывая медленное, величественное скольжение исполинской конструкции.

Диаметр носовой части колониального транспорта составлял пятьсот метров. По своей форме управляющий модуль походил на серебристую полусферу, обращенную выпуклостью в космос.

— Все мы знаем историю возникновения колониального транспорта, — раздался из-за кадра голос Шаповалова. — Но помнит ли кто-нибудь историю преемственности, связанную с его названием? Позволю напомнить, что в последние годы далекого двадцатого века на орбиту Земли была выведена первая международная станция, которая носила именно такое имя — «Альфа»…

Камера продолжала наплывать, ее фокус опять переместился, показывая колониальный транспорт под иным углом, — теперь он был виден во всю свою семикилометровую длину.

Сразу за полусферой управления начинался так называемый «вращающийся корпус». Он имел полтора километра в поперечнике, и с носовой частью его соединяла соответствующих размеров коническая муфта, поверхность которой серебрилась ажурным лесом антенн. Внутри этой муфты размещалась система ориентации корабля.

— Как мы знаем, колониальный транспорт состоит из трех основных частей: отсеков управления, вращающегося корпуса и двигательных секций, — продолжал комментировать поступающее изображение Шаповалов. — Во вращающемся корпусе расположены отделяемые криогенные модули, склады с техникой, биологические хранилища, содержащие образцы земной флоры и фауны, а также системы жизнеобеспечения «Альфы», включающие в себя огромные гидропонические комплексы, призванные участвовать в процессе регенерации кислорода и служить основным источником пищи для двух сменных экипажей космического корабля…

Голос из-за кадра на время смолк, предоставляя зрителям возможность самим оценить всю новизну проплывающей на экранах межзвездной конструкции, ее *неадекватность* прошлым образцам космической техники.

Камера продолжала свое неторопливое историческое движение вдоль вращающегося корпуса, показывая миллиардам людей протяженность его надстроек и постепенно приближаясь к двухкилометровому трезубцу ходовых секций.

Эта часть корабля, так же как носовая полусфера, не вращалась. Нос и корма были соединены между собой конструктивным валом, который являлся осью симметрии колониального транспорта и совершал медленные обороты в сторону, противоположную вращению внешней обшивки, позволяя тем самым носу и корме корабля оставаться неподвижными.

Три секции ходовых установок располагались под углом в сто двадцать градусов, образуя симметричную пространственную вилку.

Каждая секция оканчивалась тусклым коническим соплом, названным так по аналогии с древними выходными отверстиями жидкотопливных ракетных двигателей.

Разница между ними заключалась в том, что современные дюзы имели порядка двухсот метров в поперечнике, и истекать из них должны были не продукты химического сгорания, а плазма, образованная в результате управляемой термоядерной реакции синтеза гелия, что позволяло «Альфе» достичь околосветовых скоростей

Топливом кораблю служил водород. Не секрет, что понятие «вакуум» применительно к межзвездной среде неверно и давно превратилось в анахронизм — на самом деле пространство между звездами не является пустотой, оно наполнено разреженными атомами водорода, частичками пыли, различными формами излучений. Поэтому двигательные секции «Альфы» были снабжены электромагнитными уловителями, которые после окончания разгона могли собирать некоторую часть водорода прямо из космического пространства.

И, наконец, главное: колониальный транспорт нес на своем борту пятьсот тысяч человек, подавляющее большинство из которых в данный момент спали, погруженные в низкотемпературный сон.

Программа полета была рассчитана на пятнадцать лет. Ровно столько потребуется «Альфе», чтобы достичь системы Проциона.[1] Полвека ушло на ее разведку и еще столько же на экспериментальные поселения. Теперь туда отправлялся первый транспорт с планетопреобразующей техникой и переселенцами.

Никогда еще люди не отправляли за границы Солнечной системы такой огромный и такой совершенный корабль. Пятьсот тысяч человек — на первый взгляд эта цифра кажется внушительной… Но то была лишь капля, ничтожная часть непомерно разросшегося Человечества, которое затаив дыхание следило сейчас за последними минутами «свободного полета» «Альфы».

Слишком много надежд было связано с этим кораблем.

По сути, он должен был решить проблему выживания для перенаселенной Солнечной системы.

И он ее решил.

Одним из людей, следивших за стартом «Альфы» из Солнечной системы, был молодой ученый, астрофизик. Он носил двойную фамилию Иванов-Шмидт, а звали его Йоган.

Ему повезло — он находился в системе Юпитера, в

приемопередающем центре Ганимеда, куда поступал сигнал с ретранслятора Плутона, и таким образом мог наблюдать полный, необрезанный вариант трансляции событий.

Остальные зрители никогда не видели истинного старта «Альфы». Для них был смонтирован специальный ролик.

Исполинский корабль проплыл мимо парящей в космосе платформы.

Волнение операторов на станции Плутона достигло пика наивысшего напряжения.

На борту «Альфы» уже шел обратный отсчет. Истекали последние секунды до включения маршевых двигателей.

Последние секунды до того момента, когда земным кораблем будет осуществлен первый гиперпространственный переход.

В корме удаляющегося корабля внезапно вспыхнули три ослепительных, нестерпимых для глаза солнца.

Это заработали термоядерные реакторы «Альфы».

Три столба истекающей со световыми скоростями плазмы ударили в пространство; боковая камера платформы, предусмотрительно снабженная фильтрами для съемок солнечных вспышек, продолжала передавать изображение на Плутон.

— Вот он, исторический момент!.. — синхронно с изображением воскликнул Александр Шаповалов, вместе со всеми вставая со своего кресла, не смея оторвать глаз от экранов, и…

Восторженные, заготовленные заранее фразы замерли на его губах…

Три столба ослепительного света, которые должны были толкнуть вперед исполинский семикилометровый корабль, внезапно потеряли свою параллельность, по непонятной, необъяснимой причине искривились, словно на них начало воздействовать некое поле тяготения, и секунду спустя сошлись в одной точке позади «Альфы»!..

На экранах, в том месте, где соприкоснулись, слились воедино три плазменных столба, полыхнула ослепительная вспышка, центр которой был… *черным*.

— Мой бог… — хрипло выдавил Александр, не в силах как-то иначе прокомментировать протекающий процесс. Он был недоступен его пониманию, но Шаповалов не мог усомниться в своем рассудке: вокруг него сейчас находились десятки людей, в том числе и физики, напрямую связанные с исследованиями космического пространства, которые, как и он, в немом, смертном оцепенении смотрели на непонятный, непостижимый с точки зрения современных знаний процесс…

Уже никто не сомневался — с «Альфой» происходит что-то ужасное,

но события развивались намного стремительнее, чем это можно описать.

…Вспышка погасла также внезапно, как зародилась, а в месте скрещения плазменных столбов уже явственно всколыхнулось, нечто, более глубокое, более черное, чем обычный мрак, и это образование словно бы отсекло своим телом световые потоки, не пропуская, не отражая, а *поглощая* их. Колониальный транспорт, вместо того чтобы, набирая скорость, рвануть вперед, к призывно сияющим звездам, вдруг замедлил свое движение, остановился, а потом…

Его потянуло назад, в тот ком черноты, где без следа тонули потоки рукотворной плазмы!..

Кто-то не выдержал и закричал, не в силах осознать, перенести это сумасшедшее, непостижимое зрелище.

Все произошло в считанные секунды.

Черное марево, всколыхнувшееся в пространстве за кораблем, поглотило «Альфу»…

* * *

Спустя мгновение после катастрофы лишь звезды кружили по экранам станций слежения, сливаясь в холодные серебристые полосы.

Это беспорядочно вращалась удаляющаяся от места страшного события передающая платформа с закрепленной на ней видеоаппаратурой.

Первый гиперсферный прыжок состоялся, но никто из свидетелей еще не осознал данного факта.

Гиперсферу еще только *предстояло открыть*, и катастрофа «Альфы» станет толчком к исследованиям в области космической аномалии, поглотившей исполинский земной корабль.

Среди людей, которые стали свидетелями этой чудовищной катастрофы, краха всех человеческих надежд на медленную, но неуклонную экспансию к звездам, находился и молодой Йоган. Его, как и других, колотила в этот момент нервная дрожь. Будущий автор гиперсферного привода испытал в эти секунды свой первый в жизни шок…

* * *

…Через девять лет, когда лимит ожидания сигналов от «Альфы» будет окончательно исчерпан, он подарит людям теорию гиперсферы и тем самым откроет эру Великой Экспансии — безумного броска Человечества к далеким звездам.

Потом будет более тысячи лет истории, которые включат в себя две галактические войны, колонизацию ста семидесяти кислородных планет,

истории, в которой ключевую роль сыграют уже не десятки или сотни, а *тысячи* колониальных транспортов-невозвращенцев, рассеянных по Галактике капризной гиперсферой, но за всеми этими перипетиями, трагедиями, победами и поражениями нет-нет да и будет всплывать так и не нашедший своего ответа вопрос: что стало с первым в истории Человечества невозвращенцем, который унес в пучину гиперсферы пятьсот тысяч колонистов? Вышел ли он из аномалии космоса? И если вышел, то где?

Его искали, но не нашли. Вопрос так и остался открытым.

Часть первая

Глава 1

Тяжелый орбитальный перехватчик «МАГ», натужно ревя перегруженным двигателем и высоко задрав тупой, обтекаемый нос, карабкался вверх из фиолетовой бездны стратосферы к черному, истыканному колючими точками звезд, мраку высоких орбит, где погибала, взывая о помощи на всех частотах связи, орбитальная станция…

— Маг-3, прошу помощи!.. Мы больше не можем держаться!.. Силовые экраны сбиты!.. Умоляю, Маг-3, где же ты?!

Голос хрипел, смешиваясь с помехами несущей частоты, истончался, рвался, но все равно возникал опять и опять, бился в коммуникаторе шлема, взывая, но уже почти не надеясь на чудо…

— Слышу вас… иду… на перехват… — губы пилота едва шевелились, выговаривая эти слова. Перехватчик вибрировал от перегрузки, и мышцы на лице пилота под кислородной маской отекли, стали чужими и непослушными…

На радаре четко просматривалась свора алых точек — каперские космические истребители, которые, словно осы, вились вокруг прикрывающей планету станции, жаля ее истончившуюся защиту режущим глаз лазерным огнем. Лучи когерентного света вспыхивали во мраке ослепительными росчерками, и там, где силовые экраны не выдерживали, обшивка станции начинала вспухать вишнево-красными рубцами перегретого, готового сдаться металла…

— БОС,[2] мне нужен курс к их базовому кораблю… — хрипло и отрывисто проговорил в коммуникатор Ричард Меркулов, командовавший высланной на перехват каперским истребителям эскадрильей орбитальных перехватчиков «МАГ».

— Рассчитываю… — ответил коммуникатор внутренней связи. На правом дисплее загорелись данные для ввода.

— Звено один, приготовиться! — передал он ведомым. — Залповый огонь по моему сигналу! Бить в район двигательных секций!

Два звеньевых, чьи тройки следовали справа и слева от возглавляемого Меркуловым крыла, явно не одобряли столь самоубийственной атаки на каперский корабль-матку, который висел на почтительном отдалении от огрызающейся огнем станции и координировал действия беснующихся истребителей, но спорить с командиром никто не решился.

— Первый, готов… — пришел доклад от командира правого ведомого звена.

— Второй?! — резко спросил Ричард, увеличивая мощность двигателей, чем вызвал запредельную вибрацию каждого узла, каждой переборки перегруженной машины.

— В чем дело, командир?! — раздался в ответ взволнованный, срывающийся голос молодого лейтенанта, лидировавшего в третьем звене эскадрильи — Это безумие, мы не можем пойти на крейсер!

— Можем и пойдем! — отрезал Ричард. — Иначе он успеет сориентироваться для прыжка и опять ускользнет!

— Сэр, мы получили приказ защищать станцию! Это бессмысленный риск! Сейчас подойдут силы планетарной обороны — пусть они разбираются с носителем!..

— Продолжать атаку! — гневно вырвалось у Меркулова. Он едва не добавил чего покрепче, мысленно пообещав, что разберется на земле с ведущим третьего.

Секундная тишина.

— Есть, сэр… — наконец донеслось по связи. И уже едва слышно: — Псих долбанный…

Меркулов промолчал, только стиснул зубы так, что заломило челюсть.

Много злых, нехороших мыслей пронеслось в его голове за эти секунды.

Он защищал свою планету, и ему уже давно было плевать на риск. Он знал — «МАГ» выдюжит. За годы службы в военно-космических силах он сжился с этой машиной до полного, интуитивного взаимопонимания. Но уверенность, равно как и опыт, не передашь по коммуникационному каналу. Меркулов и без расчетов БОС видел, чувствовал: сегодня его день — он успеет достать базовый корабль каперов, прежде чем тот нырнет в гиперсферу…

* * *

Генерал Покровский откинулся в кресле. Пальцы Андрея Георгиевича машинально постукивали по подлокотнику, взгляд был направлен на экран компьютерного терминала, в глубинах которого затаилось смазанное, нечеткое изображение, снятое с носовых камер орбитального штурмовика.

В самом углу сильно увеличенного, расплывчатого стоп-кадра просматривалась некая тень.

Палец генерала коснулся сенсора. Картинка послушно увеличилась, но изображение стало еще хуже. Покровский сместил окно поиска, ввел в

него размазанные по краям очертания некоего предмета, который присутствовал на снимке, и одним касанием запустил программу детальной проработки изображения.

Пока машина выполняла полученный приказ, он грузно поднялся с кресла. Подойдя к окну, Покровский уловил, как непрозрачная преграда, отреагировав на приближение человека, теряет свой матовый глянец, становится полупрозрачной, и на фоне коричневатой мглы начинают проступать урбанистические контуры сверхвысотных построек.

— Милочка, принеси мне кофе… — не оборачиваясь, произнес он.

Сзади пискнул сигнал. Машина закончила обработку изображения, но Покровский не спешил назад, к рабочему месту. Он стоял и смотрел в тускло-коричневую даль, где громоздились, цепляясь за каркасы опустевших небоскребов, ядовитые кучевые облака.

«Да, запустела Земля», — подумал он. — «Загадили, превратили в свалку, а ведь все равно боятся, стерегут».

Взгляд Покровского скользнул выше, в небеса, где, невидимый отсюда, висел неумолимый страж прародины Человечества — Орбитальный комплекс Совета Безопасности Миров, стальной гарант необратимости истории.

Губы Покровского исказила усмешка.

«Это мы еще посмотрим, господа, посмотрим…»

Сорок нет назад, начиная свою карьеру разведчика, молодой, полный наивных амбиции Андрей Покровский не подозревал, что львиную долю операций, часть которых в буквальном смысле заставит сотрясаться в конвульсиях целые планетные системы, он проведет именно так — сидя за терминалом компьютера.

Нет, покидая стены заурядной гидропонической фермы, под прикрытием которой много лет назад функционировала школа подготовки офицеров внешней разведки, он предвкушал иную судьбу — новоиспеченный офицер всерьез грезил о подвигах, схватках, мгновенных рейдах, когда под огнем противника придется ползти по гнилым болотам чуждых миров.

Все это оказалось сказкой для дефективных малолеток.

Реальность сегодняшнего дня настойчиво опровергала грубые, наивные, романтические иллюзии. Век высоких технологий предлагал нечто иное, но можно представить, каково оказалось разочарование молодого офицера, не сумевшего вовремя оторваться от мира романтических грез, когда его, едва народившегося *спеца*, со светлой шевелюрой, мужественными чертами лица и стальной поволокой

пронзительных глаз, готового на любые испытания ради своей родины, внезапно разместили в самой обыкновенной, ничем не примечательной квартире, усадили за терминал компьютера и заставили лопатить горы информации, свободно протекающей по сети Интерстар, которая связывала между собой далекие в реальном пространстве звезды.

Надежды юношей питают. Лейтенант Покровский не думал, что это надолго и всерьез, — разведка казалась ему чем-то запредельно жестким, циничным, расчетливым и никак не сочеталась в уме молодого человека с той рутиной, что была предложена ему в обмен на романтику.

После первого года такой службы он ходил мрачный, недовольный жизнью, чувствовал себя чуть ли не униженным… пока не грянул Эригонский кризис.

Это было лихое время для доброй половины обитаемых миров. Никто не предполагал, что ниточки межпланетного кризиса, столкнувшего лбами старую Конфедерацию и молодые промышленные миры Окраины, дотянутся в том числе и сюда, на Землю.

Лихорадка политических и экономических крахов корежила целый сектор пространства, гигантские, солидные, благополучные корпорации впадали в ступор и заканчивали банкротством, правительства планет менялись, как шлюхи в дорогом борделе, — часто и по определенному заказу, а за всем этим… За всем этим стояли люди, которых никто не знал ни по именам, ни в лицо — тихие, добропорядочные… корпящие день и ночь перед таинственно мерцающими мониторами межзвездной сети Интерстар…

Молодому Покровскому не хватало именно этого *наглядного откровения*, чтобы понять: информационная война, противостояние сверхдержав на уровне умов — это намного более жесткая, запредельная по своей циничности, напряженности и цифрам конечных потерь схватка, которая стоит неизмеримо выше, чем тривиальное перерезание глотки вражескому агенту в темном полуподвальном этаже мегаполиса.

Теперь за спиной генерала лежало сорок лет кулуарных операций подобного толка… Из молодого волчонка он превратился в старого, битого, седого зверя, умудренного опытом и годами борьбы с тенетами, опутывавшими Землю с той поры, как на далекой отсюда планете Элио были подписаны параграфы капитуляции Земного Альянса.

В комнату тихо вошла молоденькая секретарша.

Покровский не обернулся, по-прежнему глядя в окно, только произнес, не отрывая глаз от плавающих в пластах тумана удивительно красивых в этот час вершин городских небоскребов:

— Спасибо, ты свободна.

Запах свежесваренного кофе приятно пощекотал ноздри.

Генерал вернулся за стол, грузно опустился в кресло, с наслаждением сделал несколько маленьких глотков и только тогда позволил себе взглянуть на детально прорисованное машиной изображение.

— Черт… — Чашка с кофе дрогнула в руке старого генерала. Несколько коричневых пятнышек расплылось по безупречному, белоснежному манжету рубашки, но он не обратил внимания на такую мелочь. Медленно опустил руку, не смея оторвать глаз от конструкции, в которую превратилось обработанное компьютером расплывчатое пятно, поставил чашку и застыл, глядя в экран.

Он знал, что увидит нечто подобное, подозревал, предвкушал, но все равно состоявшийся факт явился для него потрясением.

Три дня назад аналитики информационного отдела выудили из сети Интерстар нечто действительно стоящее, любопытное, грозящее большими переменами.

На первый взгляд файловый пакет выглядел совершенно безобидно. Эмоциональность переговоров между ведущим звена орбитальных штурмовиков и его молодыми ведомыми, равно как и сам факт дерзких налетов каперских кораблей на некую товарную станцию в системе Оргелейн, не могли вызвать того возбуждения, которое сейчас испытывал Покровский.

Зерно истины оказалось зарыто глубже — в том и состояла задача информационной разведки, чтобы среди вереницы обыденных фактов отыскать нечто экстраординарное, не замеченное другими.

«Ладно, господа, я долго готовил почву, так пусть теперь на нее упадет первое зерно…»

Палец Покровского вновь коснулся сенсорной клавиатуры.

Сбоку от него едва слышно зашуршал графический пластпроектор.

Сердце старого генерала стучало глухо и неровно.

Когда в лоток упала первая пачка отпечатанных снимков, он взял их, медленно перебрал, просматривая различные ракурсы изображения, потом отчего-то недоверчиво покачал головой и вновь обернулся к терминалу компьютера.

Прежде чем принять окончательное решение, он должен был еще раз взвесить все сопутствующие обстоятельства дела. Точно ли он единственный, кто верно истолковал значение снимка? Ему ли одному пришла в голову мысль о действительной информационной ценности смутно узнаваемого контура, который смазанным пятном мелькнул на

грани угловой разрешающей способности объективов орбитального штурмовика «МАГ»?

«Сейчас мы это проверим…»

На экране монитора промелькнули грифы секретности, знакомые Покровскому по некоторым архивам почившей Конфедерации Солнц, затем появился и сам текст.

Генерал посмотрел в нижний угол экрана. Текст был «скачан» с архивного сервера Совета Безопасности Миров. То, что данный протокол оказался рассекреченным, ничуть не смутило Покровского. Кому как не ему было знать, сколь стремительно устаревает и обесценивается информация в современном мире, где события одновременно протекают на двухстах семнадцати населенных мирах…

Старый, никому не нужный протокол допроса десятилетней давности, сопровождаемый записями радиопереговоров да несколькими смазанными снимками космического пространства, сделанными с автоматических камер орбитального штурмовика.

Следователь:

— Господин Меркулов Ричард Эдуардович, капитан военно-космических сил системы Оргелейн, должность — командир истребительно-штурмовой эскадрильи «МАГ-3». Я верно изложил ваши данные?

Меркулов:

— Да.

Следователь:

— Ричард Эдуардович, месяц назад, а именно, 3 сентября 3960 года, по универсальному летосчислению, вы, командуя вверенной вам эскадрильей орбитальных перехватчиков «МАГ», поднялись с аэрокосмической базы в Шлугарде. Что послужило причиной старта?

Меркулов:

— На высоких орбитах планеты в районе станции защиты появился каперский носитель класса «Армада». Им был произведен запуск двадцати космических истребителей, которые атаковали базу, намереваясь пробить брешь в орбитальном щите планеты. Нас подняли по тревоге в шесть утра, и моя эскадрилья стартовала на перехват нападающих. Это был приказ командующего базой Шлугарда, полковника Хлудова.

Следователь:

— Ричард Эдуардович, вы атаковали истребители?

Меркулов:

— Нет. Я отдал приказ атаковать базовый корабль каперов.

Следователь:

— Какими соображениями была вызвана такая вольная трактовка полученного вами приказа? Ведь полковник Хлудов отдал распоряжение расчистить подступы к нашей орбитальной базе и патрулировать район до прибытия подкреплений. Это зафиксировано в записи сеансов радиосвязи.

Меркулов:

— Я знал, что зенитные батареи станции справятся с атакой вражеских истребителей. Поэтому моей целью стал базовый носитель, который, обнаружив наше появление, начал готовиться к гиперпространственному переходу.

Следователь:

— То есть вы вопреки приказу полковника Хлудова самовольно повели свою эскадрилью в атаку на пытавшийся ускользнуть базовый корабль каперов?

Меркулов:

— Да. Я хотел покончить с периодически повторяющимися набегами этого пирата раз и навсегда.

Следователь:

— Хорошо, Ричард Эдуардович, расскажите, что случилось позже.

Меркулов:

— Бортовой компьютер моего «МАГа» рассчитал, что атака на носитель будет завершена, прежде чем тот сориентируется для направленного гиперперехода. Угроза риска оставалась минимальной, так как в момент подготовки к прыжку носитель должен был свернуть все внешние системы локации и загерметизировать оружейные порты. Он оставался уязвимым. Но когда первое звено, которое возглавлял я лично, оказалось на дистанции прицельного огня лазерных комплексов, носитель начал спонтанный гиперпереход…

Следователь:

— Чем можно объяснить такие действия со стороны каперского корабля?

Меркулов:

— У пилота не выдержали нервы.

Следователь:

— Хорошо, Ричард Эдуардович. Что было дальше?

Меркулов:

— Неизбежное. Мое звено из трех «МАГов» оказалось в зоне действия низкочастотных генераторов каперского корабля, и нас затянуло в гиперсферу вслед за ним.

Следователь:

— Это был так называемый Слепой Рывок?

Меркулов:

— Естественно. Пиратский корабль не закончил ориентацию по точкам — значит, его навигаторы не могли знать, где их вышвырнет гиперсфера. Это был самый настоящий Слепой Рывок, совершенный в надежде на чудо.

Следователь:

— Вы видели этот корабль впоследствии?

Меркулов:

— Да. Мое звено покинуло гиперсферу вслед за ним.

Следователь:

— То есть вы всплыли в одной и той же точке трехмерного космоса, ориентируясь при обратном переходе по гравитационному следу каперского носителя?

Меркулов:

— Да.

Следователь:

— Приборы вашего штурмовика определили точку выхода?

Меркулов:

— Приблизительно. После первого выхода ориентация оказалась невозможной — нас вышвырнуло в районе плотных газопылевых скоплений. Капер тут же ушел в новый прыжок, мы последовали за ним.

Следователь:

— Второй выход был более удачен?

Меркулов:

— Да. Бортовая киберсистема закончила предварительное опознание ориентиров, когда мой «МАГ» подвергся атаке со стороны каперского носителя. В результате я лишился систем локации и всей внешней видеозаписывающей аппаратуры.

Следователь:

— Вы прекратили преследование?

Меркулов:

— Нет. Приблизившись к вражескому кораблю, я совершил еще два прыжка, сознательно оставаясь в зоне действия его низкочастотных генераторов. На третьем я его потерял и был вынужден прекратить преследование. Выбросив стандартный аварийный буй, мой «МАГ» восемнадцать суток дрейфовал в точке выхода. Затем я был подобран.

Следователь:

— С вами было еще две машины. Они не вернулись. Вы понимаете, что несете ответственность за их экипажи?

Меркулов:

— Да.

«Ничего… Никакого намека на анализ видеоизображений…»

* * *

Закончив чтение протокола, Покровский встал, подошел к объемной карте, занимающей собой всю стену его рабочего кабинета, и несколько минут стоял, пристально вглядываясь в чернь пространства, в глубинах которого были прихотливо разбросаны узоры звезд.

Между ними пульсировали схематические алые точки — так на карте были отмечены станции Гиперсферной Частоты.

Обитаемые миры выглядели в данной схеме несколько иначе — они часто, слишком часто за последнее время меняли свой цвет, перекочевывая из одной категории условных обозначений в другую.

Десять лет назад бескровно распалась победившая Землю Конфедерация Солнц. Молодые планеты Окраины, отстоящие отсюда на многие десятки парсек, пытались скроить новую политическую реальность обитаемой Галактики, основанную на суверенитете планет. Человечество в который раз дробилось, отторгая какую бы то ни было централизованную власть, и на этом фоне все созданное Конфедерацией тускнело, становилось неким набором атрибутов — памятником уходящей эпохе

Единственное, чего не могли коснуться никакие потрясения внутренней и внешней политики планет, — были сотни станций Гиперсферной Частоты, продуманно рассредоточенные в пределах освоенного космоса. Они представляли собой не просто систему оперативной межзвездной связи — с некоторых пор станции ГЧ стали проводниками компьютерной сети Интерстар, без которой Человечество уже не могло бы существовать как единая Цивилизация.

Значение станций ГЧ и связанных с ними комплексов трудно переоценить. Это была единственная постоянно действующая, необрывная нить, протянутая между полутора сотнями обитаемых миров, нить, связующая различные культуры и типы мышления, а сеть Интерстар с ее принципом безграничной анонимной свободы еще более углубила эту связь, стала неким нивелиром человеческого сознания, средством взаимного проникновения антагонистических культур, источником информации о мирах, которые по тем или иным причинам считали друг друга чуждыми.

Станции ГЧ и существующую на их носителях сеть Интерстар можно было сравнить с широко открытым окном в обитаемую Галактику.

В любое время, с самого момента их возникновения, станции ГЧ являлись неприкосновенными конструкциями. Их персонал обычно составляли машины, а каждая из планет — неважно, была она богата или бедна, проповедовала космополитизм или же узость национальных взглядов — непременно заботилась о техническом состоянии своей станции Гиперсферной Частоты и связанных с ней гиперсферных маяков.

Любое, даже самое узколобое планетарное правительство понимало важность станций ГЧ. Никто не мог вообразить себе последствий, связанных с ее поломкой или разрушением.

Опыт Экспансии явственно свидетельствовал в пользу того, что изоляция, одиночество — это деградация и смерть.

…Год за годом, столетие за столетием мы расширяемся, растем, и темп нашего продвижения в Галактику не снижается… Мы, как горсть пыли, брошенная под порыв ветра Вечности. Нас слишком мало… Мы теряемся на Галактическом просторе, между нами световые годы расстояний, но пока тянутся тонкие нити от одной станции ГЧ к другой, пока трепещут подле них крохотные маяки, служащие ориентирами для кораблей в великом Ничто гиперсферы, мы, при всех своих различиях, расовой неприязни и культе планетных суверенитетов, были и остаемся Человечеством…

Генерал Покровский вздрогнул.

Все это было наваждением, чушью…

«Общечеловеческие ценности…» — неприязненно подумал он, продолжая разглядывать карту. — «А где в системе этих ценностей ваша истинная родина, господа продажные историки? Растоптать Землю вам удалось, смешать ее с грязью, с прахом забвения тоже…»

Покровский с тяжелым чувством отвернулся от карты. Он жил на Земле, принадлежал ей, и всю свою жизнь посвятил служению интересам прародины Человечества.

Земля не просто проиграла две войны.

Тысячелетие изоляции лежало на ней тяжким бременем. Почти тысячу лет в пространстве царила Конфедерация Солнц, но теперь она распалась, а что пришло взамен?

Сколько бы ни кричали новоявленные политики о культе планетных суверенитетов — это была лишь очередная сказка, миф, за которыми

скрывались чьи-то конкретные интересы. Разобщенное Человечество становилось драчливым, буйным, непредсказуемым. Грань дозволенного быстро стиралась, а это чаше всего вело к катастрофам.

Образовался вакуум власти, а природа, как известно, не терпит пустоты. Этот вакуум должен быть заполнен, но кем?

Этот вопрос не давал покоя не только пожилому генералу.

Об этом думали тысячи людей на сотнях планет. Людей, облеченных властью или просто алчущих ее.

Скоро, очень скоро начнется крупный дележ Галактического пирога, и тогда все условности, моральные ценности, которые оставила в наследство почившая Конфедерация, полетят к Дьяволам Элио — это Покровский знал наверняка.

Власть в пространстве получит тот, кто окажется готовым принять и нести ее бремя.

Генерал вернулся за терминал. Он больше не испытывал сомнений. Пора было начинать действовать, но прежде чем он сделает свой первый шаг, следовало поставить последнюю точку над «i».

На осветившемся мониторе возник объемный контур космического корабля, изображенного на смазанных моментальных снимках.

Покровский смотрел на него и думал:

«Неужели вот так, в виде случайно попавшей в твои руки информации, приходит Судьба? Сколько человек видело эти снимки и не придало им должного значения, не остановило кадр, не попыталось поймать ускользающий контур чего-то до боли знакомого…»

Генерал знал ответ на заданный самому себе вопрос.

Иваны, родства не помнящие, никогда не выстроят новую реальность. Вся кичливая тысячелетняя история Конфедерации начиналась отсюда, с Земли, но об этом не принято вспоминать.

Ни следователь, беседовавший с Меркуловым, ни сам пилот орбитального штурмовика не помнили *настоящего прошлого*.

Им хватало своих кладбищ кораблей, оставшихся после двух галактических войн. Кладбищ, за которыми наследники Конфедерации и уследить-то толком не могут. Они погрязли в узких рамках своих планетных интересов, а общечеловеческая история сегодня уже не волнует умы людей, она считается дурным тоном, областью отвлеченных, оторванных от реальности знаний…

Действительно, что за смысл обращать внимание на мертвый артефакт, промелькнувший где-то на границе кадра, даже не захваченный фокусом зрения этого Меркулова? Люди уже привыкли, что в некоторых

секторах космоса, куда ни ткни, попадешь в какие-нибудь останки человеческой деятельности.

Для того чтобы обратить внимание на корабль, сфокусироваться именно на нем, нужно было *знать* этот контур.

Сотрудники Покровского его не знали, но имели четкую директиву — не упускать ничего, ни малейшей странности, способной иметь какую-то информационную ценность.

Ну а сам генерал этот контур знал. Он жил историей, дышал ею, для него она являлась не только прошлым, в котором слово «Земля» звучало как нетускнеющий символ цивилизации, — эта история помогала ему сберечь надежду на будущее. Именно потому он и не упустил зерно истины в потоке информационных плевел…

Пальцы генерала легли на сенсорную клавиатуру.

Умная программная оболочка, отреагировав на касание, ожила, услужливо укрупняя модель, затем разделила экран на два оперативных окна.

В одном медленно вращалось объемное изображение артефакта, а в другом появилась компьютерная модель некоего космического корабля, такого, каким он был заснят когда-то давным-давно, еще до старта.

Сходства осталось немного — время и космос нещадно и бесцеремонно поработали над ним, но Покровский уже не сомневался — это был ОН.

Повинуясь воле генерала, глянцевитая модель прекратила свое вращение. Касание сенсора — и борт корабля взорвался, отстреливая сотни спускаемых модулей, плиты обшивки встали на ребро, открыв продолговатые щели вакуум-створов, да так и остались торчать, до неузнаваемости обезобразив внешний вид конструкции.

Еще касание — и исчез лес ажурных антенн. Потом видоизменилась корма, сложив пространственную вилку двигательных секций в непривычное, но принципиально возможное положение.

Теперь и в правой, и в левой части монитора медленно поворачивались вокруг своей оси две одинаковые конструкции.

Без сомнения, кораблем со снимка являлась «Альфа» — первый колониальный транспорт Человечества, канувший в неизвестность более тысячи лет назад.

Теперь оставалось найти его, узреть воочию, узнать, что творится на его борту и какова судьба пятисот тысяч человек, которые были заключены в узилища низкотемпературных усыпальниц.

* * *

Для встреч с оперативниками у Покровского было несколько излюбленных мест.

В этот раз он выбрал старый промышленный район разрушенного временем мегаполиса. Для такой конспирации имелись веские причины.

Хотя Конфедерации Солнц, некогда победившей Землю, более не существовало, но в пространстве остался царить порожденный ею монстр — Совет Безопасности Миров. Конечно, после развала единого экономического пространства он уже не являл собой той силы, какой обладал несколько десятилетий назад, но большинство межпланетных договоров все еще действовало. В том числе и пресловутые параграфы Элианского Протокола, где были четко прописаны границы суверенитета планеты Земля.

Если следовать по пунктам упомянутого документа, то становилось ясно, что прародина Человечества, инициировавшая некогда вторую волну Экспансии и связанную с ней Галактическую войну, лишалась права на обладание армией, военно-космическим флотом и любыми видами вооружений, основанных на технологиях, запатентованных после 2750 года. Чтобы Земля не осталась беззащитной перед агрессией извне, ее противокосмическую оборону строил и контролировал Совет Безопасности Миров.

Вот так. Не больше и не меньше. Под благовидным предлогом «защиты» прародину человечества заточили в кандалы орбитальных станций, действующих и поныне. За века, прошедшие после подписания этих позорных документов, на Землю никто не покушался — кому нужна загаженная планета с умирающими мегаполисами и исчерпанными внутренними ресурсами?.. Так что боевые службы планетарной обороны, вольготно раскинувшиеся за синью стратосферы, столетия подряд маялись не у дел, а вот базирующиеся там же подразделения разведки явно не страдали от безделья. Покровский точно знал, что вся поверхность Земли перекрыта орбитальными средствами электронного контроля. Современная аппаратура имела огромные возможности. Любой участок поверхности можно было не только «увидеть» из космоса, но и «услышать». Именно поэтому учебное заведение, которое окончил генерал внутренних сил самообороны Андрей Георгиевич Покровский, размещалось глубоко под водами Всемирного океана…

…Свернув с широкой автострады, Покровский вывел свой внедорожник на узкую, захламленную улицу, больше похожую на мрачное

ущелье. По обе стороны возвышались облупившиеся фасады нежилых небоскребов, между домами царил густой сумрак, где-то под напором ветра натужно поскрипывала отставшая облицовка, под колесами похрустывало выдавленное из рам полимерное стекло.

Старого генерала всегда удручали эти картины обнищания и запустения родной планеты. Покровский не любил созерцать падение мира, где родился и вырос. Однако от мрачных, уродливых пейзажей за окном не убежишь, не спрячешься… Приходилось молча терпеть и ждать своего часа.

Многовековая блокада Земли казалась ему тем более унизительной и несправедливой, поскольку она давно потеряла свой первоначальный смысл и продолжалась уже по инерции, в силу некоторых имперских амбиций правившей до недавнего времени Конфедерации Солнц… И даже с падением Конфедерации суть вещей осталась прежней — Землю не желали выпускать из состояния упадка и забвения, справедливо опасаясь, что в новой политической реальности кое-кто может опереться на старые, потускневшие символы, смахнуть с них накипь времен… Так что контроль со стороны Совета Безопасности в последние десять лет стал едва ли не жестче, чем раньше.

«Ну, ничего, господа, до поры…»

…Проехав несколько сот метров, он свернул на неприметный пандус, который серым языком асфальтобетона уводил на заброшенную развязку подземных уровней.

Резкое эхо захламленного тоннеля сделало отчетливым едва слышный звук двигателя машины. Покровский включил фары, и их лучи прорезали мрак, осветив шеренги выбитых осветительных панелей, обрывки свисающей со свода проводки, мусор и грязь.

Мощный внедорожник едва полз, расталкивая широким бампером скопившиеся тут обломки времени. Старый тоннель, экранированный от орбитальной слежки десятиметровым антирадиационным перекрытием, был идеальным местом для встречи, которую планировал провести Андрей Георгиевич.

…Вадим Полуэктов ждал его у второй транспортной развилки.

Покровский остановился, подождал, пока оперативник сядет к нему в машину, потом включил дистанционный контроль, погасил фары и осмотрел плотный, воцарившийся вокруг мрак в инфракрасном свете.

Все было чисто. Никого вокруг, только крысы, эти вечные обитатели человеческих помоек, нет-нет да и мелькали на границе восприятия

прибора. Датчик электронного присутствия спокойно моргал зеленым индикатором.

Покровский включил тусклый внутренний свет и протянул на заднее сиденье пачку привезенных с собой снимков:

— На, Вадим, посмотри пока… — произнес он, прикуривая первую за день сигарету.

* * *

Какую информацию можно извлечь из двух десятков нечетких, смазанных по краям видеоизображений?

Генерал откинулся на спинку водительского кресла, исподволь наблюдая за капитаном Полуэктовым, который медленно просматривал снимки, закладывая один листок за другой.

— Ну, что скажешь?

Вадим еще несколько секунд смотрел на особо приглянувшийся отпечаток, потом поднял взгляд и произнес:

— Космический корабль, очень старый, давно покинут, экипаж отсутствует, внешние повреждения незначительны, бортовая сеть, вероятнее всего, либо обесточена полностью, либо введена в энергосберегающий режим.

— Почему ты решил, что экипаж покинул его? — спросил Покровский.

Вадим взял один из снимков, развернул его изображением к генералу, показал на длинные ряды прямоугольных прорезей, которые тянулись по обшивке цилиндрического корпуса, и пояснил:

— По моему мнению, это стартовые шлюзы. Для обычного корабля их слишком много, значит, перед нами колониальный транспорт, причем, судя по нестандартной конструкции, один из первых. Огней навигации нет. Внешние створы стартовых отсеков никто не потрудился закрыть. Отсюда я делаю вывод: люди эвакуированы, корабль брошен. — Вадим поднял взгляд на Покровского, но тот лишь кивнул, мол, продолжай, капитан, слушаю.

Полуэктов не торопился. Разговаривать с Покровским всегда было сложно — генерал не любил пространных речей и нечетких формулировок.

— Отсутствие значительных скоплений мусора и кристаллизованных газов вокруг обшивки свидетельствует о герметичности корпуса. А вот это повреждение, — он указал на кратер с закругленными температурой краями, который выделялся светлой язвой на более темном фоне брони, — след удара крупной метеоритной частицы. Значит, корабль дрейфует в

пределах звездной системы, причем уже не одну сотню лет. — Вадим чуть отдалил выбранный снимок, прищурился и внезапно добавил:

— Фон странный, Андрей Георгиевич, не находите? Похоже на мощное газопылевое облако. — Вадим чиркнул ногтем по светлому, похожему на едва заметный нимб пятну, которое выделялось в верхней части черно-белого снимка. — Облака газа, а сквозь них просвечивает звезда.

«Умно», — мысленно похвалил капитана Покровский. Он знал Вадима уже более десяти лет и был доволен тем, что Полуэктов в очередной раз блестяще подтвердил свою состоятельность, сделав абсолютно те же выводы из снимков, к которым пришел он сам, рассматривая изображения несколько часов назад.

Ладно… Пора было бросать фокусы и переходить к делу. Покровский сел вполоборота, посмотрел на капитана. Игра начиналась большая, жесткая, и на одной армейской субординации тут не проскочишь.

— Старые гиперсферные аппараты когда-нибудь водил?

— Нет. Теорию в принципе знаю, но практики никакой, — сознался Полуэктов.

— Скверно. А если возникнет такая необходимость? Справишься?

Трудно предугадать, какого ответа ждал Покровский, но Вадим не стал кривить душой, вытягиваясь во фрунт. Просто пожал плечами.

— Не боги горшки обжигают, Андрей Георгиевич. Если иного выхода нет, то…

Покровский внимательно посмотрел на него и признал:

— Иного выхода действительно нет, Вадим. Сейчас я коротко обрисую тебе оперативную обстановку, а там прикинем, что к чему. Итак, ты уже понял, что меня интересует этот старый корабль?

Вадим кивнул. Что же тут непонятного?

Покровский вынул из кармана прозрачный, герметично запечатанный пакет с заключенным внутри микрочипом.

— Это микропроцессор модулятора частот аварийной связи, — пояснил он, взвесив на ладони запаянный в пластик кусочек кремния. — Тебе необязательно знать все нюансы, достаточно того, что в области, где дрейфует интересующий нас корабль, десять лет назад побывал некий орбитальный штурмовик. Он двигался в режиме слепых рывков. При этом каждый выход в трехмерный континуум обязательно маркируется гиперсферным источником сигналов. Этот чип настроен на частоты связи той планеты, к которой был приписан штурмовик. С его помощью можно запеленговать сброшенный автоматический маяк, то есть в нашем случае

получить координаты искомой области пространства.

Вадим кивнул.

— Можно уточнить?

— Давай.

— Аварийные маяки очень невелики по мощности. Чтобы обнаружить его сигнал, нужно погружаться в гиперсферу достаточно близко от вероятного местонахождения прибора.

— Верно… Тут вступают в игру вторичные, косвенные данные. Ты сам отметил газопылевое облако, в котором просматривается аура звезды. Следуя методу исключения, я отбросил разреженные облака межзвездного газа и оставил для рассмотрения только очень плотные, относительно близко расположенные к Земле туманности, причем такие, в которых идут процессы новообразования звезд. Теперь место действия уже не кажется таким загадочным, верно?

— Туманность Ориона? — полувопросительно предположил Вадим.

— Она самая, — кивнул генерал. — По моему мнению, либо искомый объект дрейфует именно там, либо я промахнулся в своих рассуждениях и данное место находится где-то в иной части Галактики, недостижимо далеко от нас…

Вадим вовсе не собирался комментировать логику Покровского, но он чувствовал, генерал что-то недоговаривает, а потому спросил, тасуя в руках снимки:

— Я бы прежде всего допустил вероятность худшего исхода. Мало ли подобных газопылевых облаков? Если следовать статистике, то Туманность Ориона лишь один из сотен вариантов.

— Верно… Но есть один нюанс, который заставляет искать достаточно близко к Земле… — Покровский прищурился, глядя на Вадима. — Почувствовал, что недоговариваю, да?

Вадим пожал плечами. И он, и Андрей Георгиевич носили форму сил планетарной самообороны, попросту говоря, — полиции. Отсюда соответственно вытекали и рамки подчиненности.

— Это «Альфа», — взвесив все «за» и «против», произнес Покровский.

Вадим внутренне напрягся.

Вот это новость… Он постарался не выдать волнения случайной мимикой — генерал наблюдал за ним, наверняка оценивая, как подчиненный держит информационные удары.

Покровский достал сигареты, но стекла оставил закрытыми наглухо — его машина имела свою защиту от несанкционированного

подглядывания и подслушивания, поэтому не стоило нарушать замкнутый контур. Включив систему кондиционирования, он прикурил, протянул Полуэктову початую пачку и произнес:

— Твоя задача заключается в том, чтобы проверить, действительно ли это первый колониальный транспорт Земли, и если да, то в каком он состоянии. Ты понял?

Дождавшись утвердительного кивка, генерал включил бортовой компьютер машины, откинул небольшой голографический экран и указал на возникшую внутри карту.

— Теперь по оперативной обстановке. Выдать тебе гиперсферный аппарат я не могу, У нас их попросту нет. Придется на первом этапе воспользоваться подручными средствами. Самый удобный для такой экспроприации пункт — это станция «Гамма» — старый форпост, плюс ремонтная база времен первой галактической… Брошенные рудники, исследовательский орбитальный комплекс, ГЧ-генератор, что исключительно ценно в нашем случае… Небольшой персонал, отдаленность, заброшенность — в общем, условия внедрения вполне подходящие. От нее до интересующего нас района туманности всего пара световых лет. Твое появление на «Гамме» будет подготовлено в ближайшие сутки.

— В какой роли я должен буду выступить на станции? — задал Вадим свой первый вопрос по поводу предстоящего задания.

Покровский усмехнулся.

— Сам подумай. Огласка нам не с руки, шума не должно быть никакого. Противоправные действия исключены, по крайней мере, на данном этапе операции…

Вадим задумался, но ненадолго. В глазах Полуэктова мелькнула и тут же пропала искорка понимания. Задание начинало ему нравиться. В деле присутствовала не только изрядная доля риска, сдобренная мистикой древних артефактов, но и некое творческое начало.

А также возможность крепко поквитаться с людьми, которые держат Землю в нищете и разрухе вот уже несколько веков подряд.

— Думаю, что на «Гамме» полно старого, дышащего на ладан оборудования, — высказал он свои соображения. — А путевые техники вряд ли горят желанием попасть в такую дыру.

Покровский кивнул.

— Мои ребята уже «прокачали» сервер станции и выяснили, что должность инженера там относится к категории вечных вакансий. Кстати, знаешь, чем забиты их ангары? — с нехорошим юмором поинтересовался

Покровский и, не дождавшись ответа, сказал: — Старыми штурмовиками «Гепард» со снятым вооружением.

Эта модель была абсолютно незнакома Вадиму.

— Они в рабочем состоянии?

— Откуда… — махнул рукой генерал. — Говорю же, — путевого инженера на станцию не могут заманить уже много лет.

Полуэктов покачал головой, выражая сомнение по поводу такой схемы внедрения.

— Я не специалист по старой гиперсферной технике. Водил современные «Тайфуны», но генератор низкой частоты знаю чисто теоретически.

— Не волнуйся. Моя контора на что? — опять криво усмехнулся генерал. — У тебя будет несколько дней про запас, а пока суд да дело, соберем тебе карманный тестер.

— Диагностический компьютер?

— Ну да. Ты мнемоническую обработку проходил?

— Естественно. Навыки рукопашного боя, теория информационной войны…

— Пройдешь еще раз, — перебил его Покровский. — По теории ремонта штурмовиков «Гепард», — сухо добавил он. — Пусть о технических деталях у тебя голова не болит, ладно?

— Я понял.

— Вот и славно. Произведешь мелкий ремонт наиболее «живой» из пяти имеющихся на борту «Гаммы» машин, — продолжал развивать свой план Покровский. — Соответственно потребуются испытания. Когда погрузишься в гиперсферу, вставишь полученный микрочип на место стандартного. Если я не ошибся и маяк действительно был сброшен в том районе, то у тебя появятся координаты для прыжка.

— А чем занимается «Гамма»?

— Научный центр, — скупо ответил Покровский. — Филиал института исследований космоса, базирующегося на Элио. Станция, как я уже сказал, старая, дохлая, отдана на откуп ученым за полной практической ненадобностью. Единственную ценность представляет ГЧ-генератор, из-за него орбитальный комплекс и не законсервировали, как другие поселения сектора.

Вадим мысленно кивнул, соглашаясь. Станции Гиперсферной Частоты являлись слишком ценными конструкциями, чтобы попросту бросать их или допускать простой в работе.

— Что я должен буду искать, попав на место?

— Я хочу, чтобы ты детально осмотрел этот корабль. — Палец Покровского выразительно прижал стопку снимков.

— Как должен выглядеть прыжок? — Вадим уже начал мысленно свыкаться с заданием, и его вопросы отличались лаконичной скупостью. — Я должен буду вернуть «Гепард»?

— Желательно. Трудно предугадать, какой оборот примут события. Возможно, твое пребывание на «Гамме» потребуется и дальше. Два световых года — невелико расстояние, оттуда выйдешь на связь по аварийному каналу ГЧ, доложишь, что обнаружил очередную поломку в приводе. Помочь они тебе не смогут, предложат ремонтировать на месте. На этом этапе главное — обеспечить полную секретность. Любое слово, действие — все должно выглядеть естественно и не вызывать подозрений. Понял?

Вадим кивнул. Ему в свою очередь стало любопытно: что это Покровский так плохо владеет собой? Генерал явно волнуется. Бросив косой взгляд на снимки, Полуэктов спросил:

— Какого рода информация должна быть извлечена из «Альфы»?

Андрей Георгиевич понял подоплеку его вопроса. Он сам только что напирал на секретность, а она подразумевает быстроту, короткий срок проведения акции — если Полуэктов станет болтаться там неделю, то на «Гамме» обеспокоятся за своего сотрудника, начнут искать способы, как ему помочь.

«Двое суток… а то и меньше, — прикинул про себя генерал. — За этот срок много не накопаешь, учитывая размер корабля…»

— Бортовой компьютер, — произнес он, обдумав вопрос. — Снять с его носителей всю доступную информацию по системам «Альфы». Целостность обшивки, наличие энергии, критические разрушения…

— А экипаж? Возможные пассажиры?

— Это меня пока не интересует, — отрезал Покровский. — Те, кто летел на нем, либо мертвы, либо сумели решить собственные проблемы много веков назад. Меня интересует исключительно корабль. Ты понял, Вадим?

— Да. Я могу запросить оперативный отдел о дополнительных деталях?

— Нет. — Покровский отрицательно покачал головой. — Оперативный отдел тебе не поможет. Детали операции разрабатываю я сам. Сейчас потихоньку выберемся отсюда, я отвезу тебя на квартиру, там у меня установлен защищенный от любопытных глаз и ушей терминал. Я тебе дам всю доступную информацию по «Гамме». Познакомься, набросай

список необходимого оборудования… — Покровский помолчал, обдумывая, не упустил ли чего.

— Да, вот еще… Дела незаконченные остались? Свидания, там, подружки?

Вадим кивнул.

— Женщина?

— Нет, товарищ. Собирались вместе…

— Несущественно, — перебил его Покровский. — Дай координаты, ему сообщат.

Вадим знал, что спорить в данном случае бесполезно. Вытащил из внутреннего кармана электронный блокнот, набросал несколько строк записки и протянул Покровскому. Тот пробежал глазами по строкам, кивнул.

— На, забирай кристалл, капитан, и начнем работать. — Он извлек из специальной коробочки информационный носитель. — Здесь все: подробный, поэтажный план станции «Гамма», досье на всех сотрудников, список и технические характеристики их оборудования, отдельным файлом я отметил все, относящееся к «Гепардам». В общем, вживайся.

* * *

Вполне естественно, что, разговаривая с Вадимом, Покровский не раскрыл ему и десятой части истины. С точки зрения генерала, Полуэктов был не более чем хорошим исполнителем.

Он завез капитана на конспиративную квартиру и, возвращаясь назад, к зданию полицейского управления, под «крышей» которого работала его «контора», Покровский думал о перспективах, забрезживших на горизонте с момента, когда он понял, что на снимках изображена легендарная «Альфа».

Он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно непростительно волнуется, словно юноша-кадет перед первым свиданием с женщиной.

«Слишком многое брошено на кон, а как мало средств и возможностей для четкого исполнения операции…» — подумал он, выворачивая из теснины боковых улиц на главную магистраль города, где уже началось редкое движение машин.

Через несколько минут, поднимаясь по истертым мраморным ступеням управления полиции, он вдруг остановился, обернулся и глянул в окно на унылое, отливающее нездоровой коричневой дымкой небо.

В глазах старого генерала вспыхнул азарт игрока, который предвкушает, как двинет по доске первую фигуру начинающейся партии.

Глава 2

Орбитальный комплекс сооружений, носящий непритязательное название «Гамма-4», вращался по орбите вокруг мертвого, лишенного атмосферы планетоида. Внизу, на поверхности безвоздушного космического тела, в мощные усилители станции можно было рассмотреть руины древних рудников, о которых напоминали узкие, обвалившиеся внутрь выходы шахт, куполообразные постройки подле них да еще старая, отжившая свое и брошенная за ненадобностью горнопроходческая техника.

Комплекс издревле принадлежал военным. Во время первой и второй Галактических войн тут располагалась одна из ремонтных баз военно-космических сил Земного Альянса. Позже, уже после поражения Земли в ее историческом противостоянии с колониями, объект «Гамма-4» перешел во владение Совета Безопасности Миров, который некоторое время использовал орбитальный комплекс как контрольную точку.

Прошло еще несколько столетий, в течение которых Земля окончательно утратила свое былое политическое значение, и необходимость строгого контроля древних, ведущих к прародине гиперсферных трасс отпала. Военное присутствие в данном секторе пространства уже не требовалось, и тогда система орбитальных сооружений была передана в распоряжение института изучения космоса, базирующегося на далекой планете Элио.

Теперь на бывшем военном объекте «Гамма-4» располагалась вполне мирная научная станция.

…Джонатан Беркли, ведущий специалист научного центра «Гамма», стоял в окружении группы людей посреди обширного полусферического зала.

Раньше тут располагался главный командный пост орбитального комплекса — об этом свидетельствовали старые, так и не демонтированные терминалы боевых служб. Древние компьютеры высились по периметру помещения, застыв угрюмыми колоннами мертвого пластика, — их экраны оставались темны уже не одну сотню лет. С терминалов стирали пыль, обитатели станции привыкли к ним и воспринимали уже лишь как часть интерьера, тем паче что связанные с компьютерами системы противокосмической обороны давно канули в лету, а на месте бывших орудийных башен ученые смонтировали прозрачные, напичканные приборами купола, через которые велось непосредственное наблюдение за

распухшим, тускло-красным шаром стареющего светила.

Станция «Гамма» уже давно жила по законам мирного времени.

…В центральном демонстрационном зале над постаментом голографического проектора пульсировала странная пространственная модель. Внутри объемного фрагмента черноты вращался маленький шарик, излучающий едва заметное глазу свечение.

Джонатан Беркли повел световой указкой, привлекая внимание столпившихся за его спиной людей к центру модели.

— Наша Вселенная вечна, господа, — произнес он вступительные слова. — Она пульсирует, то сжимаясь, то расширяясь, и каждый подобный цикл длится сотни миллиардов лет.

Беркли говорил тихо, неторопливо. Лишь внимательно присмотревшись к его слушателям, можно было понять: это не настоящие люди, а их изображения.

Начало лекции было захватывающим. Сейчас при помощи виртуальной сети Интерстар здесь «присутствовали» несколько сотен студентов самых элитарных учебных заведений многих планет. Подобные лекции Джонатан Беркли организовывал один раз в месяц.

* * *

Вадим Полуэктов выбрался из чрева «Гепарда» через нижний люк, к которому была приставлена металлическая лесенка. Серебристый космический истребитель стоял в шлюзовом ангаре на специальной подающей плите. Впервые попав сюда неделю назад, Вадим был неприятно поражен — на этой станции все дышало вопиющей древностью, отчего казалось абсолютно неузнаваемым. Даже элементарные электромагнитные катапульты, и те отсутствовали в конструкциях бывшей военной базы. Боевые машины в ту далекую пору, оказывается, подавались в космос через шлюз на специальной плите, и уже с нее осуществляли непосредственный старт.

Подобных тонкостей, касающихся почивших много веков назад технологий, Вадим не знал, и разбираться в них пришлось уже тут, на месте.

Сейчас он остановился подле стеллажа с инструментами, в очередной раз с недоверием осматривая исполинский механизм подающего суппорта. Ремонт гипердрайва благодаря технической поддержке карманного «умника», выданного ему Покровским, продвигался успешно, и уже через несколько часов ему предстояло испытать этот механизм в деле.

Вадим вполне обоснованно опасался, как бы чудовищный набор валов

и гидравлических поршней не подвел его в самый ответственный момент. Застрять в наполовину открывшемся шлюзе было бы неприятно, но предварительно проверить древнюю механику подающей плиты не представлялось возможным.

Ладно, через час-другой увидим, что к чему…

Он вытер руки валявшейся на стеллаже ветошью и прикурил, облокотившись на инструментальную стойку.

Странное, волнующее чувство… Древняя техника казалась такой необычной, что он ощущал себя первооткрывателем.

«Гепард», возвышавшийся над ним, действительно выглядел очень внушительно, даже угрожающе. Этот многофункциональный космический истребитель являлся основной машиной, состоявшей на вооружении Земли к моменту вторжения сил Альянса в колонии. Его конструкторы добросовестно работали на войну, и аппарат у них получился соответственный: чрезвычайно простой с минимальными удобствами, но мощный, функциональный до последнего винтика. Электроники — минимум, все управление замкнуто на человека. Кабина тесная, но отлично бронированная, с внешней отражающей экранировкой, способной выдержать лазерные разряды.

Гиперпривод «Гепарда» поразил Вадима своей простотой — в нем был реализован самый древний и наиболее грубый способ создания локальной пространственной аномалии. Точечный удар высокой энергии просто рвал метрику пространства, позволяя кораблю провалиться в изнанку космоса. Обратный переход осуществлялся тем же варварским способом — никаких тебе генераторов низкочастотного поля, сворачивания метрики, всё — как прыжок в омут.

Докурив, он в последний раз хозяйским глазом окинул ангар и направился к выходу, искать профессора Беркли. Прежде чем начинать окончательную подготовку к испытаниям, следовало получить добро у формального руководителя научной станции.

— …Итак, перед вами зародыш очередного цикла пульсации Вселенной. — Огонек световой указки очертил границы сгустка материи, чье объемное изображение занимало собой центр демонстрационной сферы. — Назовем его протовселенной, сверхплотным сгустком материи, из которого на ваших глазах в очередной раз родится множество звездных сообществ.

Беркли сделал несколько шагов вдоль воспроизводящего устройства. Головы студентов поворачивались, провожая взглядом движение лектора.

Скопление вещества в глубине черного объема продолжало медленно

пульсировать, излучая красноватый свет. Издали это образование можно было принять за некий живой окровавленный орган, только что извлеченный из препарированного тела.

Однако данное сходство быстро рассеялось. Тепловое излучение протовселенной становилось все интенсивнее, под воздействием идущих внутри процессов она теряла правильную форму шара, в некоторых местах из недр наружу начали вырываться потоки раскаленного ионизированного газа, схожие по своей структуре с солнечными протуберанцами, сгусток материи все более распухал, теряя геометрическую правильность форм, и…

…Вспышка ослепительного света затопила объем демонстрационной сферы, потоки излучений смели, растворили черноту, так, что на несколько секунд стало больно смотреть на голографическую модель мироздания.

— Вы видите момент Большого Взрыва, с которого началась очередная фаза пульсации Вселенной, — пояснил эту картину Беркли. — Сейчас в пространство извергается водород, небольшое количество гелия и потоки свободных электронов. Давайте запомним, что в этих основных компонентах заключено все вещество зародившейся Вселенной.

Неистовый свет внутри сферы погас, позволяя рассмотреть разлетающиеся в разные стороны от эпицентра взрыва сгустки раскаленных газовых туманностей.

— Прошли миллионы лет, — продолжал лектор, вновь оборачиваясь к динамической модели расширяющейся Вселенной. — Облака газа, из которых произошли галактики, остыли, сконденсировались, и в них, в свою очередь, начали происходить процессы образования первых звезд. Еще раз хочу заострить ваше внимание, господа, что первичным материалом во Вселенной был водород. Все более тяжелые элементы таблицы Менделеева появятся позже и станут продуктом реакций термоядерного синтеза, протекающего в недрах звезд. Теперь давайте проследим, как формировались галактики и образовались первые звезды.

Демонстрационная сфера помутнела. Исчезла бездонная глубь пространства, а один из туманных островков укрупнился, приблизился, заполнив собой весь зримый простор.

— Вы видите горячую газовую туманность, осколок большого взрыва, типичный зародыш формирующейся галактики. Течение времени в нашей модели ускорено в десятки миллиардов раз по сравнению с реальным.

Бескрайнее туманное облако продолжало лететь в никуда, все более удаляясь от изринувшего его центра мировой катастрофы. Одновременно по всему объему туманности начали закручиваться воронкообразные

вихри.

— Как видите, водород начинает конденсироваться, уплотняясь в отдельные сгустки. Эти завихрения расположены по плоскости эклиптики будущего сообщества звезд. Каждое такое уплотнение становится локальным центром гравитации. Тяготение вновь образовавшегося сгустка втягивает в него все новые и новые порции вещества.

Студенты молча созерцали туманное газовое облако, в смутном объеме которого медленно копились уплотняющиеся массы. Внезапно дымку напоенного веществом пространства пронзила одна робкая вспышка, за ней вторая, третья…

Было в этой картине что-то завораживающее.

— По мере повышения плотности сгустков в их недрах росли давление и температура, пока наконец они достигли той критической точки, за которой началась термоядерная реакция синтеза. Исходным топливом в ней служил водород, конечным продуктом — гелий.

— Скажите, профессор, это было то время, когда зародилась первая жизнь? — нарушив монотонное течение лекции, спросил один из присутствующих в зале фантомов-абитуриентов.

Беркли повернулся к нему.

— Вы имеете в виду пространственные, небиологические формы жизни, молодой человек? — осведомился он.

— Да, Предтечи, Энтрифаги — ведь они должны были появиться в это время, верно?

— Я бы не хотел сейчас развивать данную тему, — сухо ответил ему Беркли. — Происхождение форм жизни во Вселенной — это отдельный вопрос, хотя он, несомненно, тесно связан с эволюцией вещества. О происхождении Предтеч нет однозначного мнения. Мы, по известным причинам, не имеем реальных образцов для непосредственного исследования этих жизненных форм, но данные, которые стали доступны после трагедии Черной Луны, ставят многих ученых в тупик и заставляют серьезно задуматься о глубине некоторых наших знаний. С точки зрения современной научной базы Предтечи не могли возникнуть естественным путем. У вещества взорвавшейся Вселенной не было никаких причин и возможностей для столь сложной самоорганизации. Любая материя, кроме законов физики и химии, подчинена еще и рационализму, иначе говоря, в природе протекают лишь те реакции, которые энергетически выгодны, а они, к сожалению, не могут привести к стихийному возникновению подобных форм. Что же касается Энтрифагов, то основой их молекулярного строения является углерод, так что они могли появиться

только на последующем этапе эволюции вещества, когда первые звезды начали стареть и в их недрах возникли условия для синтеза данного элемента. У меня имеется собственная теория относительно возникновения жизни во Вселенной, но давайте не будем забегать вперед. Сложно понять самоорганизованную материю, не осознав перед этим, что происходит с материей обычной, в нашем понимании *мертвой*, подчиненной исключительно тем законам, которые давно известны Человечеству…

Хотел того Вадим или нет, но ему пришлось стоять и слушать. Прерывать лекцию он не решился, проще было дождаться ее окончания, тем более что рассказывал Беркли интересно.

Вообще, внутренний мирок станции «Гамма» Вадиму понравился. Ученые, в чье ведение перешел старый военный объект, казались ему чудаками, добровольно отрешившимися от мира реальности. Нет, ну на самом деле, как еще назвать людей, настолько увлеченных исследованиями, что они не замечают вопиющих неудобств, царящих на борту древней космической обители? А их отношение к старой военной технике? Знал бы Покровский, что на оружейных стеллажах ангаров до сих пор хранятся бог знает как пережившие все инвентаризации имущества несколько ракет «Факел» класса «космос — космос», одна из которых даже снабжена боеголовкой… С ума сойти. В первые дни Вадим немного злился на разгильдяйство обитателей «Гаммы», а потом просто махнул рукой: светлые умы, не от мира сего…

Ракету «Факел» он тщательно протестировал и загрузил в оружейный отсек «Гепарда», так, на всякий случай. Жаль, что в бесхозном инвентаре не нашлось снятых вакуумных затворов от бортовых орудий истребителя — он бы пристроил на место и их.

— Процесс эволюции звезд достаточно хорошо изучен, — продолжал тем временем свою лекцию Джонатан Беркли. — Светила, подобные Солнцу, вокруг которого обращается прародина Человечества, последовательно проходят через несколько жизненных циклов. Обратите внимание на экраны обзора, господа. — Он повернулся, указывая на пухлый, источающий красное сияние шар местного светила. — Когда-то эта звезда была желтой и разительно напоминала Солнце. Сейчас она превышает свой прежний диаметр в сотни раз, ее спектр излучения изменился, светило на несколько миллиардов лет стало красным гигантом. Это объясняется тем, что в ее недрах закончился водород, ядро звезды сейчас состоит из гелия, горение водорода продолжается лишь в верхних слоях ее атмосферы. Ядро очень горячее и плотное. Его излучение давит изнутри на газовую водородную оболочку, заставляя ее так чудовищно

распухать. Верхние слои этой «звездной атмосферы» имеют сравнительно небольшую температуру, и потому излучаемый свет смещен в красную зону спектра. По аналогии с Солнцем можно сказать, что, когда подобные изменения затронут наше родное светило, оно тоже распухнет, поглотив орбиты Меркурия, Венеры, Земли и, вероятно, даже Марса. Жизнь в Солнечной системе станет невозможна.

Беркли вновь обернулся к модели разбегающихся галактик. В туманностях уже появились чистые окна бездонного мрака, многие звезды, сформировавшиеся на глазах слушателей, покраснели и распухли…

— Красные гиганты чрезвычайно важны. В результате начавшейся реакции горения гелия они вспыхивают, «сбрасывая» в космос свою газовую оболочку в виде расширяющейся планетарной туманности, которая в течение нескольких миллионов лет остывает и рассасывается без следа. Гелиевые вспышки катастрофичны, но в результате новых реакций термоядерного синтеза из атомов гелия начинает синтезироваться углерод. Звезда снова становится яркой и компактной. Затем, по мере выгорания гелия, процесс повторяется. Возникают все новые и новые вещества, звезда то «худеет», то распухает, и в ее недрах последовательно синтезируются все элементы, вплоть до железа. Если исходная масса звезды равна солнечной, то она в конечном итоге погаснет, превратившись в темного карлика. Это тихая смерть. Если же масса превышает несколько солнечных, то такая звезда в конце своего жизненного пути взорвется вспышкой сверхновой, ее вещество разлетится в пространстве, насытив его различными элементами, в том числе и такими важными, как кислород, азот, углерод.

Беркли прошелся вдоль округлого постамента проектора.

Звезды внутри демонстрационной сферы гасли, некоторые взрывались, источая в космос расширяющиеся туманности, из которых с течением времени начинали образовываться новые звезды и планеты.

— А как быть с элементами тяжелее железа? — задал вопрос один из студентов. — Такими, как золото, например?

Беркли повернул голову, посмотрел на него и кивнул, явно удовлетворенный вопросом.

— Все элементы тяжелее железа образуются как раз в момент вспышек сверхновых. Эти космические катастрофы также очень важны, ведь они не только позволяют образоваться редким элементам таблицы, но и перераспределяют вещество в пространстве. Именно благодаря тому, что в галактике эволюционировало и гибло первое, если так можно выразиться, поколение звезд, наша прародина Земля, сформировавшаяся, как и Солнце,

из вторичной, уже насыщенной разными элементами газопылевой туманности, обрела те полезные ископаемые, которыми пользовался человек на протяжении тысяч лет докосмической эры.

— Скажите, профессор, а что будет, когда в галактиках израсходуется весь водород?

— Закономерный вопрос… — опять кивнул Беркли. — Новые звезды перестанут образовываться, старые постепенно догорят, вещество галактик будет отличаться разнообразием, но это станет мертвым, погасшим миром… Если бы Вселенная не пульсировала, то такое положение вещей означало бы конец всего сущего, но, к счастью, Вселенная вечна. К тому моменту, как первичные запасы водорода окончательно истощатся, разбегание галактик замедлится, затем остановится, после чего вещество Вселенной начнет попятное движение, вновь собираясь в одну точку.

— Протозвезда, профессор? — не выдержал какой-то из наиболее догадливых студентов.

— Да, господа, протозвезда. Вещество соберется вместе, тяжелые элементы будут подвергнуты реакции уже не синтеза, а ядерного распада, расщепления на более простые составляющие, энергия этих процессов станет копиться, давить изнутри на разогретый сверхплотный сгусток материи, пока это давление не превысит узы гравитации, и тогда Вселенная опять взорвется, разбегаясь сгустками галактик…

Через несколько минут, когда фантомные абитуриенты стали исчезать один за другим, Вадим подошел к Беркли.

— А, это вы… Здравствуйте. — Профессор посмотрел на Полуэктова. — Заинтересовались космогонией?

Вадим не стал лгать.

— Нет, пришел получить разрешение на испытательный старт.

— Уже? Так быстро? — Беркли казался искренне удивленным и обрадованным. — Замечательно. Вы представить себе не можете, как нам не хватает гиперсферных аппаратов для коротких прыжков. Эта туманность, посмотрите, — он широким жестом обвел состыкованные между собой матовые полотнища обзорных экранов. — Это место, где рождаются звезды! Поразительный объект для исследований, но мы вынуждены наблюдать за ним издали, не имея возможности разместить аппаратуру в самих пылевых облаках…

Вадим выслушал его, несколько раз кивнув.

К явному разочарованию профессора, у нового инженера был только один вопрос.

— Так я могу приступать?

Если бы Вадим знал, как скоро ему потребуются дополнительные знания по строению Вселенной, ее эволюции и теории возникновения жизни, то наверняка этих вопросов оказалось бы больше, но разве угадаешь заранее, что понадобится в жизни, а что нет?

Сейчас у него было вполне конкретное задание, и ему хотелось как можно скорее приступить к его исполнению.

* * *

Кабина «Гепарда» была очень тесной.

Кресло пилота, установленное на специальном противоперегрузочном ложементе, со всех сторон обступали приборные панели. Центральное место занимало мутно-зеленое полушарие масс-детектора. Прибор улавливал гравитационные возмущения пространства, одинаковые как в гиперсфере, так и в реальном континууме, и передавал их условные значения на расположенный перед пилотом полусферический объемный монитор.

Тихо прошипела пневматика люка, и все внешние звуки исчезли.

Вадим протянул руку в перчатке скафандра к ровным шеренгам выключателей стартовых последовательностей.

Палец касался сенсорных псевдокнопок, и вслед его движению оживали системы корабля.

Включено… Включено… Включено…

— Борт «Гепард», вызывает «Гамма», ответьте нам… Проверка связи.

— Да, слышу отлично… — Вадим продолжал предстартовые процедуры.

— Начинаем откачку воздуха из шлюза. Проверьте герметизацию.

— Норма…

По всему пространству шлюзового ангара вспыхнули красно-голубые предупреждающие огни.

— Начало декомпрессии.

Было в этой древней процедуре что-то магическое. Вадим ощутил, как дрогнула под кораблем подающая плита и одновременно гигантские створы перед «Гепардом» начали расходиться, обозначив узкую щель.

Современные корабли стартовали совершенно по-другому.

Суспензорные поля, способные удерживать атмосферу и в то же время пропускающие твердые тела, существенно упрощали процедуру шлюзования, а электромагнитные катапульты сводили процесс старта к нескольким секундам.

Здесь, на «Гамме», все было так непривычно.

«Хорошая практика перед свиданием с „Альфой“…» — подумалось Вадиму. Может быть, Покровский именно поэтому остановил свой выбор на старом аванпосту времен Первой Галактической?

Стартовая плита, ощутимо вибрируя, поползла вперед. На боковых мониторах: рубки медленно проплыли габаритные огни открытых внешних ворот.

— «Гепард», вы вышли.

Ладонь Вадима сжала рукоятку управления двигателями, палец скинул скобу предохранителя с гашетки зажигания.

Нижние дюзы отработали коротким импульсом, подняв «Гепард» со стартовой плиты.

— «Гамма», отрыв произведен. Включаю маршевые установки. Можно задвигать плиту.

— Принято, спасибо. Удачи.

Створы шлюза за кормой истребителя начали обратное движение.

Корабль несколько секунд продолжал плавно скользить вверх, потом включились маршевые секции двигателей, и он сорвался с места, стремительно превращаясь в крохотную, исчезающую точку.

* * *

Через тридцать минут, набрав нужную скорость, Вадим включил гипердрайв.

Черная мгла внепространственного перехода всколыхнулась вокруг, слизнула звезды с обзорных экранов, оставив лишь тусклый свет приборных панелей да сюрреалистический танец трепещущих зеленоватых линий внутри полусферической выпуклости масс-детектора

Тьма.

Она навалилась со всех сторон, мгновенно швырнула разум в пучину безвременья.

Век живи, век учись… Вадим не представлял себе и сотой доли тех ощущений, что предлагала гиперсфера пилотам древних космических аппаратов, времен Первой Галактической войны.

Несколько секунд ему потребовалось на то, чтобы пережить чувство внезапной слепоты, потерянности. Это совсем не походило на современный гиперпрыжок. Наблюдать, как отключается большая часть пилотажного оборудования, приспособленная к работе в трехмерном континууме, как вспыхивают и медленно гаснут на дисплеях бесчисленные надписи «Ошибка», пока в кабине в конце концов не осталась работать лишь мутно-зеленая полусфера масс-детектора, было, как минимум, неприятно.

Казалось, что корабль и человек испытывают схожее чувство замешательства — бортовой автоматике потребовалось значительное время, чтобы реактивировать программы и загрузить новые модули памяти, предназначенные для работы с гипердрайвом. Вадим не привык к такой медлительности киберсистем, и с каждой минутой, пока внутри терминала шла обработка новых данных, соответственно росла и его тревога.

Наконец осветилось несколько секций пульта и на навигационный дисплей выползли первые строки сообщений, свидетельствующие о включении автопилота.

Сдавленно пискнул предупреждающий сигнал — это одна из трепещущих, змеящихся линий угрожающе приблизилась к хрупкому по сравнению с действующими тут силами кораблю.

Руки Вадима охватили рукоятки ручного управления системой струйных рулей ориентации, но это оказалось излишним — заработавший автопилот уже внес поправку в курс; трепетная зеленая линия отклонилась вправо и начала медленно отплывать на безопасное расстояние.

Убедившись в состоятельности бортовой электроники, Вадим извлек из нагрудного кармана микрочип, переданный ему Покровским. Крышка резервного навигационного блока отделилась безо всяких усилий. Он вынул стандартный модулятор частот, вставил на его место свой, привезенный с Земли. Теперь блок будет игнорировать все гиперсферные частоты связи, кроме той, на которой работали аварийные маяки орбитальных штурмовиков «МАГ».

Касание сенсора, и на дисплее вспыхнула надпись:

«Смена основной системы поиска на резервную, подтвердите ввод».

Еще одно прикосновение к псевдокнопке, и объемный экран масс-детектора на миг замутился, стал матовым.

Когда в его глубинах просветлело, то в зеленоватой полусфере среди трепещущих линий гравитационных отпечатков реально существующих звезд вспыхнула сиротливая алая точка.

Маяк. Надо же… С первой попытки, в самое яблочко.

Впрочем, Вадим мог бы не удивляться прозорливости Покровского. Тот редко ошибался в своих выводах.

Спустя несколько минут, когда расчеты были окончены, он загрузил результат в блок автоматического пилотирования, дождался, пока система подтвердит ввод, и просто коснулся пульсирующего красного круга с надписью: «ПРЫЖОК».

* * *

Как справедливо сказано еще в древности: «Все познается в сравнении».

Вадим Полуэктов имел действующее удостоверение гиперсферного пилота — он водил современные боевые корабли на шестом-седьмом энергоуровнях аномалии космоса и привык к их мощной защите, позволяющей совершать мгновенные броски от звезды к звезде. Здесь же все обстояло иначе: касание псевдокнопки привело лишь к тому, что на мониторе высветилась очередная надпись:

«Прыжковая программа запущена. До окончания процесса осталось десять часов пятнадцать минут».

Фрайг их всех раздери…

Техника гиперсферного привода в данном случае оказалась разительно не похожей на современную, хотя исполняла те же функции. С таким же успехом можно было поставить рядом древнюю конную повозку и современный флаер.

Вадим мысленно переварил надпись, заставил себя смириться с ней, потом откинул забрало гермошлема и угрюмо уставился в черноту обзорных экранов, где в данный момент не присутствовало ничего, кроме его смутного отражения.

Десять часов в изнанке космоса, среди коловращения энергетических потоков, под утлым прикрытием пятимегаваттного щита?.. Не очень-то уютно.

Закуривая, Вадим не представлял, что только начинает вкушать все прелести древних технологий.

* * *

Через тридцать пять часов, после двух незначительных поломок в цепях гипердрайва и одного сбоя в работе бортовой киберсистемы, он наконец понял, что возвращается.

Нервы пилота, как это обычно бывает при подъеме из «гипера», уже не верили ничему: после полутора суток глухого ожидания, которые нельзя было описать термином «полет» — ибо понятия скорости, расстояния и времени являлись тут величинами абстрактными, теряющими свой практический смысл, — разум отказывался верить в дрожащие показания световых столбиков, которые медленно, но неуклонно карабкались вверх, показывая, что он всплывает из Великого Ничто…

Силовая защита его «Гепарда» — космического многоцелевого штурмовика класса «XL» едва держалась, окутывая покрытый шрамами корпус старого, видавшего виды космического корабля бледным

фантомным сиянием. Индикатор напряженности защиты робко показывал значение в полтора мегаватта, плюнь — и рассыплется…

Лицо Вадима, по которому змеились блики от контрольных огней пульта управления, казалось сейчас какой-то тотемной маской — в нем не было ни кровинки, кожа посерела, щеки ввалились, осунулись.

Сколько часов он не спал?

Бортовой хроно не мог ответить на этот простой вопрос — он был отключен, так же как и все вторичные энергопотребляющие системы.

Корабль казался истощенным не меньше, чем человек.

И все же Вадим чувствовал — он всплывает. Эта мысль билась в отупевшем от усталости мозгу, не давая рукам расслабиться и сползти с пористых рукояток астронавигационных рулей.

Из состояния отрешенности его вывел тихий, мелодичный сигнал бортовой киберсистемы.

Приближался уровень пространственного перехода.

Вадим машинально поерзал в кресле, собрав остатки сил, подтянулся, пробежал взглядом по шеренгам полуживых датчиков…

Картина получалась неутешительной.

Энергия почти на нулях, маневрового топлива и того меньше — пришлось потратиться на пять неплановых коррекций после поломок и сбоев.

Впрочем, сейчас ему хотелось одного — вновь увидеть на обзорных экранах нормальные звезды, а там посмотрим…

…И они появились.

Внезапно, стремительно, ослепляюще…

Тонкие росчерки доплеровских полос вдруг возникли на обзорных экранах, где до этого властвовала вязкая непроглядная чернота, потом они вдруг стали укорачиваться, схлопываясь в ослепительные, острые, холодные точки, мрак наполнился новым смыслом, *жизнью*, и, будто подтверждая это, коротко взвыли сигналы радаров — где-то рядом присутствовали космические тела.

Вадима на миг оглушила эта феерия вернувшихся чувств — он ощущал себя, как внезапно прозревший слепец: приборы, которые молчали в пространстве гиперсферы, внезапно ожили, все разом, наперебой демонстрируя ему свои показания, но, как обычно, в первые секунды после перехода внимание пилота бывает приковано не к приборам, а исключительно к экранам обзора — кто не испытывал этого чувства, не *выпивал* первый миг возвращения, тот никогда не занимал места в центре сложного ложемента пилота гиперсферной машины.

Первым его ощущением, которое сменило щемящую радость, было удивление, вслед за которым уже наперебой постучались в сознание досада, тревога и тягучее, пробежавшее вдоль позвоночника волной дрожи чувство смертельной опасности.

Беглый взгляд вбок и вверх показал ему огромный, эбеново-черный космический корабль, со странным, невиданным строением корпуса: он походил на распустившийся в пространстве бутон черной металлической розы, которую окружал тусклый ореол энергетической защиты.

«Черт побери, что же это за диковина?!»

Думать дальше было некогда — «Гепард», желал его пилот этого или нет, внезапно оказался под огнем.

Вадиму на миг показалось, что он бредит.

Ему повезло — из памяти бортовой машины не были удалены программы тех лет, когда «Гепард» использовался по своему прямому предназначению.

Включившийся боевой автопилот отреагировал блестяще — мощным импульсом корректирующих дюз он сжег остатки топлива из баков, вырвав тем самым штурмовик с линии огня, и сияющие росчерки когерентного света пролетели мимо, даже не задев смехотворной защиты.

Зубы Вадима лязгнули от резкого ускорения, голову мотнуло назад и вбок, вдавив затылок в валик подголовника, он выругался сквозь стиснутые зубы, перехватив управление, и на жалких остатках топлива довернул корабль к атаковавшему его объекту.

Это был скорее инстинкт, чем осознанное, взвешенное решение.

КОСМИЧЕСКИЙ БОЙ НЕ ПРЕДПОЛАГАЕТ ПРОВОЛОЧЕК. ТОТ, КТО КОЛЕБЛЕТСЯ — УЖЕ МЕРТВ.

«Ракета „Факел“ — в шахте», — высветил боевой монитор.

Вадим сжал гашетку.

Из-под уплощенного корпуса штурмовика вырвался ослепительный выхлоп, на острие которого неслась сейчас самонаводящаяся по пеленгу теплового сигнала боеголовка.

«Обидно…» — метнулась в голове злая, запоздалая мысль. — «Столько бороться, карабкаться, и получить бой на выходе — такого невезения просто не бывает…»

Мысль оказалась злой, горячей, тоскливой.

Вот сейчас эта махина развернется и, кем бы она ни была, — жахнет один раз из главного калибра…

Действительно, жахнула.

Однако залп получился вовсе не такой убедительный и убийственный,

как думал Вадим.

Кому сказать — его допотопная ракета с легкостью проскочила защиту, предназначенную для отражения энергетических лучей, и ударила в борт «Черной Розы», как мысленно окрестил Вадим этот корабль.

Последствия оказались удручающими, хотя наблюдать их и торжествовать он смог не более нескольких секунд — в космос ударила вспышка, выметнулись рваные куски черной брони, вслед которым характерно хлопнул выброс газа, смешанный с мелкими обломками, и…

Ослепительный, рубиново-красный луч все же нашел его, полоснув по броне штурмовика, наискось через блистерный выступ рубки, разнял металл брони вишневым шрамом, и внутри машины со звоном вылетели экраны, задымились провода. Только Вадим уже не ощущал ничего — повиснув на страховочных ремнях, он ополз по креслу, подголовник которого пробил разрезавший броню луч, и лицо его было белее снега…

Мог ли генерал Покровский хотя бы предположить, что инициированный им поиск окончится столь быстро и плачевно?

Вероятнее всего, что нет.

Такое невозможно предугадать заранее.

Если бы Вадим, безвольно обвисший на ремнях пилотского кресла, мог хоть на миг прийти в себя, то он бы увидел, как в уродливой прорехе распоротой лазерным лучом обшивки медленно проплывает контур того самого корабля, который был изображен на снимках.

Черный металлический бутон, потеряв всякий интерес к изуродованному штурмовику, величественно удалялся. По его корпусу в Районе попадания ракеты суетливо ползали какие-то механизмы.

Вдали, создавая панорамный фон, ярко пылала пронзительно-голубая горошина звезды; еще несколько светил угадывались в мутном фоне пылевых облаков, окружающих чистое пространство внутри системы. Лучи звезд, скрытых в завесах газа и пыли, подогревали их вещество, заставляя облака туманности светиться целой гаммой красок, от тускло-багряного до изумрудно-зеленого.

Изувеченный штурмовик, медленно вращаясь, плыл по направлению к грязно-коричневому пухлому шару газовой планеты, разительно похожей на Юпитер.

На орбитах гиганта угадывались два спутника, оба укрытые шапками атмосфер.

Черная металлическая роза медленно плыла к одному из них.

Последний штрих данной реальности составляли пять бледно-голубых энергетических сгустков, внезапно вынырнувших из верхних

слоев атмосферы газового гиганта.

Внешне они очень напоминали непомерно большие шаровые молнии.

Сориентировавшись в пространстве, пять плазмоидов резко ускорились и взяли курс на изувеченный штурмовик класса «Гепард».

Глава 3

Надписи на мониторе:

«Отказ управляющих функций».
«Код аварийной тревоги — красный».
«Внимание! Вторжение в бортовую сеть».

Прибор пищал, не смолкая ни на секунду.

В кромешной тьме металось расплывчатое сиреневое пятно.

Тусклая искра индикатора часто взмаргивала, отражая процесс загрузки каких-то программ и одновременно выхватывая из мрака неясный контур компьютерного терминала.

Шли минуты. Источник бледного сиреневого света прекратил свое хаотичное движение и застыл, расплывшись тонкой мерцающей пленкой, перегородившей проем выбитого люка. Внешне это выглядело как некая разновидность энергетического поля — голубые заряды статики блуждали по тонкой, прозрачной мембране, изредка срываясь мгновенным разрядом на близкий выступ покореженной переборки.

Индикатор на компьютерном терминале продолжал судорожно моргать.

Вспышка…

Где-то под потолком зажглась и тут же лопнула, роняя водопад искр, лампа освещения.

Неудачная попытка.

Сизый дымок сгоревшей изоляции тонкими струйками сочился из хаоса труб, расположенных под сводом помещения, сплетая замысловатые узоры в застойном, неподвижном воздухе отсека.

Вверху опять что-то с треском заискрило и внезапно зажегся свет — тусклый, красный и тревожный.

В мерцании аварийных ламп стали различимы предметы.

Отсек был круглым, с одним выходом. В центре помещения располагался подпирающий свод столб диаметром в метр. На высоте человеческого роста по поверхности колонны тянулось кольцо экранов, ниже выступали скошенные приборные панели, выше шел черный, глянцевитый пластик покрытия, из которого через равные промежутки выходили гофрированные шланги каких-то систем.

Они изгибались морщинистыми дугами и исчезали в недрах семи

камер низкотемпературного сна.

Весь комплекс казался мертвым. Если не считать неустанно моргающего индикатора и единственного невыбитого экрана, то в сложном компьютерном терминале не работала ни одна система. Да и криогенные камеры, отходящие от его основания, будто матовые лепестки раскрывшегося механического бутона, выглядели далеко не лучшим образом: по их полупрозрачным крышкам змеилась замысловатая паутина трещин, два колпака провалились внутрь, и на их продавленной поверхности лежали обломки сорвавшихся с потолка механизмов.

Вдоль закругляющихся стен помещения шла узкая кольцевая дорожка. Одной стороной она граничила с постаментами криогенных камер, другой была обращена к распахнутым дверцам узких встроенных шкафов, из которых кто-то торопливо и бессистемно вывалил на пол все содержимое.

Дыхание хаоса смерти ощущалось в предметах, обстановке, освещении.

Но сиротливые строки на уцелевшем мониторе говорили об обратном — что-то ведь пыталось овладеть давно погибшей системой управления? Или это был случайный всплеск энергетической активности в цепях бортового компьютера, похожий на прощальную судорогу затянувшейся в веках агонии?

Стоило взглянуть на перегородившую проход энергетическую пленку, как подобная догадка тут же принимала зловещий оттенок. Вещи, раскиданные вокруг изувеченных криогенных камер, недвусмысленно указывали на то, что данное помещение создано людьми и когда-то принадлежало им, но сейчас? Что за силы пытались вдохнуть жизнь в обломки электронных систем?

Внезапно в коридоре, который был отделен от отсека той самой призрачной, мерцающей пленкой, появилось несколько свободно парящих над полом бледно-голубых образований, похожих на студенистые комки мерцающего желе. Они плыли среди парящих в невесомости обломков, расталкивая их в разные стороны. При соприкосновении с предметами вспыхивал и тут же гас бледный, нереальный свет.

Первый из парящих сгустков, достигнув мембраны, на секунду слился с ней, а затем материализовался с другой стороны — словно из мерцающей преграды невидимый озорник выдул радужный мыльный пузырь.

Повисев в воздухе, полуметровый аморфный мячик взмыл к потолку отсека.

Спустя секунду там раздался напряженный треск, полыхнула яркая вспышка и вниз с грохотом посыпались обломки труб, вслед за которыми

безвольной змеей вывалился трехметровый огрызок силового кабеля.

Черная силовая кишка, медленно раскачиваясь, повисла, чуть не достав до пола своим оплавленным торцом.

Пока происходили эти события, еще три плазмоида просочились сквозь мембрану. Один из них, описав в застойном воздухе искрящийся полукруг, вдруг коснулся торца перерубленного кабеля и непонятным образом влился в него.

Второй опустился на колпак наименее поврежденной криогенной камеры и растекся по ней тонкой мерцающей пленкой.

Два оставшихся аморфных сгустка проявили наконец резвость — они быстро слились со своим собратом, который в данный момент герметизировал криогенную камеру, прошли сквозь него, продавили треснутый колпак и некоторое время оставались внутри.

Что они делали там, рядом с останками человека, оставалось только гадать.

Тусклый красный свет аварийных ламп продолжал бликовать на распахнутых дверцах стенных шкафов. Обстановка отсека, учитывая происходящие события, уже не казалась гнетущей — у любого нормального человека она бы вызвала ужас.

Два плазмоида, совершив какие-то действия внутри криогенной камеры, просочились наружу, опять спокойно пройдя сквозь мерцающую пленку, в которую превратился их собрат.

Несколько секунд они висели в воздухе подле терминала, а потом поочередно влились в разъемы, через которые к компьютерному комплексу должны были подключаться внешние устройства.

Судорога огней пробежала по столбу.

Строки тревожных сообщений слизнуло с монитора, теперь там вспыхивали и гасли нескончаемые коды ошибок.

В гробовой, напряженной тишине было отчетливо слышно, как внутри компьютерного комплекса вдруг зашуршали охлаждающие вентиляторы, что-то тихо, прерывисто защелкало, затем с нудным, высокочастотным визгом раскрутился давно остановившийся привод носителей информации.

Должно было произойти нечто страшное.

Это походило даже не на грабеж могилы — какое-то непотребное, лежащее вне пределов человеческой этики, циничное, расчетливое изнасилование давным-давно омертвевшей кибернетической системы, которая погибла вслед за теми, кто ее создал.

Коды ошибок внезапно перестали поступать на экран монитора.

Вместо них вспыхнуло и погасло несколько строк текстовых сообщений системы:

«Инициация баз данных».

«Тестирование оборудования».

«Загрузка аварийных параметров поддержания жизни»

Что-то резко зашипело в основании криогенной камеры, потом раздался журчащий звук, быстро перешедший в бульканье.

Внутри под раздавленным, треснувшим колпаком явно начинался какой-то процесс.

Экран монитора опустел.

Система больше не выдавала сообщений — в ее базе данных не оказалось адекватных назревающим событиям текстовых строк

* * *

Фаг не торопился.

Он зафиксировал тот момент, когда пять плазмоидов оторвались от размытой границы атмосферы газового гиганта и рывком преодолели расстояние, отделявшее их от мертвой древней конструкции.

Отработав двигателями коррекции, он развернулся в сторону мрачной, уродливой глыбы космического корабля, которая не так давно выплыла из мрака пространства в непосредственной близости от планеты и теперь выписывала петлю вокруг пухлого шара, чтобы спустя какое-то время вновь кануть в чернь пространства, следуя вытянутому на миллионы километров эллипсу своей орбиты.

Плазмоиды уже скрылись за обшивкой древней конструкции, но сканеры Фага продолжали отслеживать их движение.

Наконец, когда конечная цель голубых мячиков стала очевидна, Фаг принял решение атаковать. Неторопливо развернувшись, он поплыл к зияющему провалу навек открытых вакуум-створов древнего корабля.

Внешний вид Фага наводил на неприятную мысль о некоей разновидности боевой техники — если брать приближенные к человеческим понятиям аналогии, то более всего он напоминал обтекаемую модель горбоносого космического истребителя.

Собственно, на форме корпуса и кончалось всякое сходство. Детали, различимые невооруженным взглядом, рождали совсем иную, еще более неприятную ассоциацию.

ЭТО казалось машиной только на первый взгляд.

Обшивка Фага не была монолитной. Его черные, глянцевитые бока находились в постоянном движении, словно он дышал, — это ритмично

приподнимались и опускались захватывающие окружающий газ сегменты брони, работающие, как жаберные крышки у рыб.

Вдох-выдох, вдох-выдох…

Разреженный, подогретый лучами звезды водород втекал в его внутренности.

Машина? Существо? Гибрид?

Острым, пронзительным факелом вспыхнул в корме странного аппарата клинок плазмы, вырвавшийся из маршевого сопла. Фаг стремительным росчерком сорвался с места, влетел в раздвинутые створы шлюза, на миг вспыхнул, объятый выхлопом торможения, и завис напротив сомкнутых внутренних ворот.

В беззвучии вакуума открылась диафрагменная заслонка, откуда на гибком приводе выдвинулся красноватый глаз сканера.

Привод изогнулся, наклонился в одну сторону, в другую, потом предпринял вращательное движение, описав окружность, пока не зафиксировал место, где плазмоиды осуществили свое внедрение.

Выбитый технический люк с оплавленными лепестками диафрагмы открывал чернеющий вход в недра корабля.

Фаг не мог следовать данным путем и потому был вынужден действовать иначе. Отработав двигателями, он вплотную подлетел к сомкнутым воротам, завис напротив избранного участка, и из его корпуса вдруг вырвались два остросфокусированных луча, похожих на жирные красные шнуры.

Это работали инфракрасные лазеры с термоядерной накачкой от внутреннего реактора. Применение плазмы показалось Фагу неоправданным расточительством.

Два параллельных луча впились в броню ворот. Когда металл покраснел до цвета спелой вишни, Фаг начал медленно вращаться вокруг оси, описывая лучами идеальную окружность.

Прошло секунд десять или пятнадцать, и ровный, круглый кусок обшивки диаметром в метр вышвырнуло из прорезанного отверстия, как пробку из бутылки шампанского.

Вслед за раскаленным куском брони в вакуум выметнуло облако мутного газа вперемешку с каким-то мусором. За воротами, оказывается, оставалась атмосфера, но она быстро улетучилась, заодно охладив края вырезанного отверстия.

Дождавшись, пока поток газа иссякнет, Фаг подплыл к дыре.

Его конический нос вошел в нее, обшивка царапнула по обшивке, и корпуса прочно притерлись друг к другу.

Судьба плазмоидов была предрешена.

* * *

Тем временем события в криогенном отсеке продолжали идти своим чередом, подчиняясь какой-то непонятной схеме.

Резкий перепад давления не смог повредить тонкой энергетической мембране, в которую превратился первый проникший на корабль плазмоид. Поверхность сиреневой пленки, перегородившей собой проход, лишь на секунду всколыхнулась, вспыхнула радужными пятнами и вновь приняла прежний вид.

Бульканье в изувеченной криогенной камере стихло, теперь тишину отсека разгоняли лишь шелест вентиляторов да надсадный визг какого-то привода, вращающегося внутри компьютерного терминала.

Таинственный процесс шел полным ходом и должен был закончиться в течение ближайших нескольких минут.

* * *

После внедрения сквозь внутренние ворота вакуум-створа нос Фага оказался в узком, темном, разгерметизированном коридоре, который вел в недра космического корабля.

Было совершенно непонятно, каким образом странный аппарат собирался действовать дальше?

Ответ не заставил себя ждать.

Внезапно сегменты носовой брони Фага пришли в движение: между ними резко обозначились щели, и остроугольные секции начали расходиться в стороны, раскрываясь, будто лепестки цветка.

Внутри Фага находилась сложная система, состоящая из шлангов, сервоприводов, покрытых защитной гофрированной оболочкой кабелей, — и все это было причудливо перемешано между собой, не оставляя даже намека на свободное внутреннее пространство.

Отдельные элементы этой сложной конструкции тянулись в глубь корпуса, исчезали в его стенках; основная же масса образовывала клубок, внутри которого оказался заключен шар диаметром в полметра.

Прошло еще несколько секунд, и этот клубок, в свою очередь, пришел в движение.

Сверкнуло несколько разрядов в тех местах, где кабели имели разъемы, и шар внезапно отделился от основного тела конструкции. В тишине вакуума не было слышно, как сработали подающие приводы, когда два тонких, хрупких на вид механических манипулятора вынесли

полуметровую сферу, украшенную безвольно обвисшими отрезками кабелей и шлангов, далеко вперед, за пределы раскрывшихся сегментов корпуса.

Последующие события выглядели еще более зловеще.

В течение нескольких минут из раскрытого чрева Фага выдвигались многочисленные наборы манипуляторов, которые точными, выверенными движениями производили подключения к шару различных навесных агрегатов. Когда последний из кабелей вошел в соответствующий ему разъем, на полу коридора, уводящего в темные недра космического корабля, стояла, опираясь на четыре гибкие сервоприводные конечности, некая конструкция, внешне неприятно напоминающая огромное, тускло отсвечивающее глянцем брони механическое насекомое.

Еще секунда, и его приводы задвигались, освещая пространство коридора неярким контуром, вспыхнула аура силовой защиты, словно кто-то плеснул на механизм флюоресцирующей краски…

Манипуляторы Фага втянулись обратно. Лепестки носовой брони сомкнулись, и внушительных размеров корабль, протаранивший своим носом броню вакуум-створа, уже не выглядел чем-то осмысленным, совершенным, словно его покинула некая душа, сущность, придававшая глянцевито-черному аппарату ту самую неприятную схожесть с живым существом.

Возможно, удаляющаяся по темному коридору биомеханическая форма, облитая аурой силового поля, и являлась той сущностью, содержала *волю*, которая управляла действиями Фага? Или то был всего лишь обыкновенный исполнительный агрегат, исторгнутый и собранный для некой определенной цели?

Ответ на этот вопрос, вероятно, крылся где-то в глубинах старого, покинутого космического корабля, куда как раз и лежал путь этого создания.

* * *

Возвращение в реальность показалось Вадиму до крайности болезненным.

Все тело горело, будто его долго поливали кипятком.

Он открыл глаза.

Откуда-то сверху и сбоку пробивался тусклый красноватый свет.

События последних минут перед беспамятством всплыли в его голове чередой резких визуальных образов — он вспомнил вспышку гиперперехода, мельтешение звезд на оживших экранах и этот странный,

похожий на полураспустившуюся розу корабль, который стремительно атаковал его, даже не удосужившись предпринять какую-либо попытку контакта.

«Черт… Как теперь выбираться-то…» — подумал он, еще не вполне осознавая, что за красная мгла плавает вокруг и откуда над креслом пилота взялась эта полупрозрачная, покрытая сеткой трещин вогнутость?..

Он попытался пошевелиться, внутренне страшась, ожидая ощутить, кроме этого непонятного, назойливого жжения, еще и какую-нибудь резкую боль, от сломанных ребер, например, потому что помнил: садануло его крепко, но…

Реальность медленно, капля за каплей проникла, просочилась в его разум, войдя меж дрожащих, наполовину смеженных век, и вот тут Вадим испытал первое потрясение.

На нем не было скафандра.

Он понял, что не сидит в кресле пилот-ложемента, безвольно повиснув на страховочных ремнях, а лежит в какой-то ванне с жестким пластиковым дном, наполовину наполненной дурно пахнущей жидкостью, и вогнутая, подернутая сеткой трещин полупрозрачная плоскость над головой — это не кровеносный узор век, сквозь который пробивается яркий свет звезды, — нет… его глаза широко открыты, колпак настоящий, продавленный чем-то тяжелым, а красное, сумеречное сияние проникает извне, просачиваясь сквозь уродливую дыру в полупрозрачном своде непонятного агрегата.

Он инстинктивно дернулся и услышал, как что-то чавкнуло, отпуская его.

Подняв руку, Вадим ощутил холодный пластик. Под пальцы попался острый, зазубренный край дыры. Жидкость, в которую было погружено его тело, воняла приторно-васильковыми флюидами тлена… Она всколыхнулась, прохладной волной обняла горло, вызывая рефлекторный удушливый спазм.

Ударом кулака он вышиб преграду над своей головой; треснутый пластик разлетелся, разнося шелест падающих на пол осколков, тусклый свет аварийных ламп какого-то замкнутого помещения ударил в глаза, заставляя окончательно поверить, что это не сон, не бред умирающего сознания, и последней, завершающей эту картину деталью стал обрывок какого-то кабеля, который медленно раскачивался над самой головой, словно маятник Фуко, виденный однажды Вадимом в одном из уцелевших на Земле соборов…

Тяжело, прерывисто дыша, уже не обращая внимания ни на жжение

кожи, ни на стойкую, отвратительную вонь, он привстал, подтянулся на руках и вывалился за борт своего мерзкого ложа.

Нет, определенно, он все-таки бредил.

Такое не могло произойти с ним… Вадим поднял руку, провел влажными пальцами по своему лицу и понял, что сидит на полу, голый, скорчившийся, мокрый, обводя безумным взглядом впечатляющий интерьер, основу которого составляли сдобренные аварийным светом хаос, упадок и разрушение.

Логика услужливо подсказала нужную формулировку: какой-то отсек, вероятнее всего, криогенный, безумно древний, давным-давно покинутый.

Бред…

Спорить с этой мыслью Вадим не стал.

Однажды он уже ощущал нечто подобное. Давно, еще на службе в космической пехоте Конфедерации Солнц, когда брали штурмом базу ганианцев и его накрыло залпом из реактивной установки… Тогда он провалялся без сознания около суток, а очнувшись ночью, под проливным дождем, долго не мог поверить в реальность происходящих событий, будто вся его сущность была тщательно вычерпана неведомой силой.

Сейчас происходило нечто похожее… Разум болезненно реагировал на обстановку, отвергая ее. Логика подсказывала — это бред, но в то же время разве он мог усомниться в реальности ощущений? Холод, дрожь, мурашки на мокрой коже, капельки вонючей влаги, собравшиеся на ней, стойкий, затхлый запах неподвижного воздуха — не слишком ли реально для порождения контузии?

Забавное свойство человеческой психики — когда нельзя объяснить окружающее, у рассудка остается два выхода либо отключиться, либо принять действительность такой, как она есть, — без комментариев.

Вадим выбрал второе.

Тело все-таки испытывало боль — тупую, ноющую, засевшую внутри каждой мышцы.

Он встал, опираясь на край криогенной ванны, осмотрелся, поднял с пола какую-то синтетическую тряпку и принялся машинально вытираться ею, едва осознавая, что это чья-то рубашка. Обратить внимание на ее форменную принадлежность Вадима заставила нагрудная нашивка, которая больно царапнула своим углом по чувствительной, покрасневшей и зудящей коже.

Медленно отняв от плеча это импровизированное полотенце, Полуэктов посмотрел на царапнувшую его деталь.

«Колониальный транспорт „Альфа“. Медицинский персонал второй

палубы», — распознал его взгляд выдавленные в пластике интеранглийские буквы.

Спину вдруг обдало жаром.

«Альфа!»

Вадим резко обернулся…

Хаос. Распахнутые шкафы, горы вываленных на пол предметов… Полуживой компьютерный терминал… Разбитые криогенные камеры…

Он не стал в очередной раз убеждать себя, что спит и бредит. Черта с два…

Жуткая, неправдоподобная реальность шарахнула наконец ознобом по коже, и Вадим вдруг болезненно осознал, что *действительно* стоит нагишом в медицинском криогенном модуле пропавшего тысячу лет назад космического корабля и вытирается чьей-то форменной рубашкой. Как он попал сюда, еще предстояло выяснить, а сейчас следовало жить.

Жить недвусмысленно, не отвлекаясь на разные мистические выкладки.

По телу гуляла заблудившаяся во внутренностях ледяная дрожь, сменившая волну неприятного жара.

«В первую очередь — одежда и оружие, потом информация и принятие решения…» — эти обрывки здравых мыслей звучали в голове, будто заклинание, предохраняющее от сумасшествия.

В такие секунды главное не дать страху прокрасться внутрь. Во многих ситуациях сомневаться — значит умереть. Вадиму повезло, что эта наука была крепко вбита в его голову. Впрочем, Покровский не стал бы доверяться ему, будь психика капитана Полуэктова ориентирована как-то иначе.

Он обернулся, еще раз бегло осмотрел отсек, поражаясь захламленности его неживых интерьеров, и стал быстро раскапывать кучу хлама у себя под ногами в поисках подходящей одежды.

Отыскав нижнее белье, мятую темно-синюю униформу и обувь в виде высоких, явно не медицинских, а скорее уж военных ботинок, он быстро натянул на себя слежавшуюся, влажную синтетическую ткань.

В процессе переодевания ему стало теплее, и это было первым нормальным человеческим ощущением за те несколько минут, что прошли с момента его странного пробуждения.

Теперь еще раз осмотреться, найти прибор связи и — черт возьми — попытаться выяснить, кто вытащил его из раскроенного лазерным лучом штурмовика и доставил сюда, в эту вонючую, полуразрушенную криогенную ванну?!

Похожий на столб компьютерный терминал, от основания которого отходило семь криогенных камер, работал. Не бог весть как, но работал — по крайней мере на нем исправно перемигивались замысловатые узоры контрольных огней, отражавших совершенно непонятные ему данные о состоянии систем, да еще один из семи мониторов, наглухо вмонтированных в этот подпирающий свод зала столб, ровно сиял приятным голубоватым фоном.

Вадим перешагнул гору хлама, задрал голову, и внутри столба что-то отчетливо клацнуло, будто там, отреагировав на его движение, сработал некий допотопный переключатель.

На нейтральном фоне экрана внезапно одна за другой возникло несколько букв, сложившихся в короткое, но очень емкое по своему смыслу слово:

Б… Е… Г… И…

Вадима словно током шарахнуло от этих четырех букв.

Он резко обернулся, будто ожидал увидеть за своей спиной автора адресованного ему послания, и его взгляд наткнулся на выход из отсека, люк которого оказался начисто сметен неведомой ему силой…

Проем выбитого люка затягивала полупрозрачная сиреневая дымка неизвестной природы, а по ту сторону, в коридоре…

Там стоял какой-то жуткий механизм, опирающийся на четыре гибкие, лишенные суставов сервоприводные конечности, и смотрел на него, жадно, изучающе, как искушенный охотник рассматривает в прорезь прицела желанную дичь, за которой гонялся не один день…

Где у этого создания находились органы визуального восприятия, Вадим, естественно, не знал, но он спинным мозгом почувствовал — *оно смотрит*, и причем именно так: вожделенно, уверенно, явно понимая — никуда ему не деться, не выскочить из прорези прицела, и мягкое движение курка — это лишь вопрос времени, ближайших нескольких секунд…

* * *

Действуя машинально, Вадим отпрянул за столб компьютерного терминала, лихорадочно осмотрелся, еще раз чиркнул взглядом по тому самому «БЕГИ» на мониторе, успев мимолетно содрогнуться, отметив, как точно отвечает это короткое, емкое слово его осознанному внутреннему желанию: убраться отсюда…

Полуэктов давно усвоил, что в природе нет ничего мистического, и каждое явление, событие обязательно должно быть описано рамками какой-либо логики. Непонятное — это еще не значит необъяснимое.

Усвоив эту и еще несколько прописных истин, он в свое время перестал бояться всего, кроме людей…

…Не найдя ничего лучшего, более подходящего на роль оружия, он схватил с пола обломок трубы, успев разглядеть, что ее торец очень характерно оплавлен, будто из-под потолка огрызок полой арматуры вырезали сваркой. Вес металлокерамической трубы придал ему некое ощущение уверенности. Прав был их учитель биологии, рассказывая, что человек сделал первый шаг от обезьяны именно так — схватив в руки увесистый, корявый сук. Довольно иррациональное чувство *вооруженности*… но согревающее, полезное…

Он прижался спиной к столбу, чуть отклонил голову, вытягивая шею, выглянул.

Биомеханический контур за сиреневой мембраной вяло шевелился. Одна из его конечностей приподнялась: этот непонятный механизм пытался продавить нематериальную перегородку, и сквозь бледную, прозрачную мембрану было отчетливо видно, как беззвучно сокращаются тросики его сервоприводов, оплетающие гибкую конечность, будто вены или сухожилия.

В месте соприкосновения манипулятора и мембраны внезапно вспыхнул бледный огонь, во все стороны полетели снопы искр.

Вадим не имел понятия о природе возникновения перегородившей проход сиреневой дымки, но при взгляде в коридор его неприятно поразило одно обстоятельство: там, где копошилось это механическое существо, в результате его возни от пола поднялась и медленно поплыла в сторону гора различного мусора.

Наблюдая за движением этого своеобразного облака, Полуэктов сделал два совершенно трезвых, но крайне неутешительных вывода: во-первых, за тонкой преградой отсутствовала гравитация, а во-вторых, там, вероятно, царил вакуум.

«Очень похоже на суспензорное поле защиты, — подумалось ему, — только цвет странный, да и не могли на „Альфе“ оказаться генераторы суспензорного поля, в те годы их еще не изобрели…»

Скафандров в отсеке он не заметил, и на душе вдруг стало тоскливо, зло и муторно — на кой хрен кто-то приволок его сюда, лучше бы бросили там, в развороченном штурмовике, было бы честнее.

Не успел он подумать об этом, как над его головой материализовалось какое-то движение. Моментальный взгляд вверх заставил его на миг забыть о существе, которое копошилось за сиреневой дымкой, — прямо на его глазах из обрубленного торца свисавшего с потолка кабеля в отсек начала

выдуваться новая проблема, причем гораздо более конкретная, чем тот механический урод в разгерметизированном коридоре.

Из обрубка силовой кишки медленно выползал светло-сиреневый, напряженно потрескивающий статикой шар.

Немногие явления и предметы могли по-настоящему напугать капитана Полуэктова, но этот шар, вернее, дрожащий, меняющий форму аморфный сгусток, что все рос и рос, заставил его попятиться, ощутив капли ледяного пота на спине под рубашкой, потому что Вадим мгновенно узнал это характерное образование, вернее, *существо*, которое продолжало выдавливаться в отсек.

Холодный ужас обреченности на миг сжал его сердце.

«Дьявол… Это не со мной…» — скорее зло, чем испуганно подумал он, продолжая напряженно наблюдать за рождающимся на глазах плазмоидом. Огрызок трубы, сжатый во вспотевших ладонях, более не казался ему оружием.

Заочно познакомиться с подобной тварью ему привелось десять лет назад, в период воинской службы.

Информационная составляющая тренировок космической пехоты Конфедерации Солнц обязательно включала в себя просмотр десятиминутного документального видео, посвященного событиям на станции «Черная Луна».

Да что космическая пехота, любого человека, имевшего хоть какое-то отношение к космосу, знакомили с этой хроникальной записью, морально готовили к вероятности подобной встречи, хотя с той далекой поры древний кошмар больше ни разу не наблюдался в границах освоенного людьми пространства

И вот он выползал в отсек прямо на глазах Вадима.

Несколько секунд капитан не мог оторвать глаз от напряженно сияющего сгустка. Ошибки тут быть не могло — это не являлось шаровой молнией, — в глубинах мерцающего энергетического пузыря вихрился газ, в котором смутно просматривался змеящийся клубок каких-то нитей, именно тех, что, по предположениям ученых, управляли действиями плазмоидных существ, восемь из которых сумели разнести в клочья, превратить в решето несколько боевых крейсеров Конфедерации, прежде чем против них была применена аннигиляционная установка «Свет», которая сожгла Черную Луну, превратив целую планету в пылающее солнце.

Только энергия полного атомного распада смогла поглотить восьмерых ПРЕДТЕЧ…

Как неустойчиво и условно наше сознание.

Секунду назад Вадим готовился к схватке с биомеханическим чудищем, что по-прежнему копошилось в коридоре, пытаясь прорвать герметизирующую проход мембрану, а теперь… впору было кинуться к нему, как к родному, глядя на выдавливающийся из торца силового кабеля шар…

Достигнув диаметра в полметра, тот медленно отделился от энерговода и повис в воздухе.

От шара исходил пронзительный голубой свет, в отсеке резко запахло озоном, отчетливо был слышен треск статики…

Вадим занес огрызок трубы, приготовившись встретить его ударом, хотя понимал — тут и тяжелого плазмоизлучателя оказалось бы маловато…

Смертельная, полная страшного напряжения пауза затягивалась, превращаясь в вечность.

Ситуацию внезапно разрешил бионический механизм, который за мгновение до этого исполнял в захламленном коридоре сложный по своим побудительным мотивам танец.

Ему наконец надоело ковырять преграду манипулятором, и он решил предпринять более радикальную попытку прорыва внутрь вожделенного отсека.

Отступив на несколько шагов, он беззвучно выдвинул из себя какой-то агрегат, и тот внезапно начал быстро, практически неуловимо для глаза вращаться, сплевывая в преграду шквал когерентного излучения.

Лазер, Фрайг их всех побери!

Вадим, оказавшись между двух огней, прижался к стене, заняв оборонительную стойку, хотя толку от нее было мало, он даже не пытался себе представить, в противостояние каких сил впутали его обстоятельства и случай. Насчет механизма в коридоре у него не было никаких догадок, а вот Предтечами всерьез пугали космодесантников и армейских пилотов, а те, как известно, далеко не детишки…

За этими злыми, обреченными мыслями Вадим, не сводящий глаз с сияющего шара, едва не пропустил развязку… Запирающая вход в отсек энергетическая мембрана наконец не выдержала шквала лазерного огня — она вспыхнула неистовым светом и распалась, исчезла!

Остальное слилось для Вадима в несколько секунд кошмарного головокружительного полета: сокрушительный удар мгновенной декомпрессии сбил его с ног; поток рванувшего в разгерметизированный коридор воздуха приподнял человеческое тело, ударил его об стену, будто порыв ветра тряпичную куклу, поволок за собой вместе с мусором и

вещами, которые были разбросаны по полу отсека, и одновременно с этим, опережая стремительное движение воздушной массы, к Полуэктову метнулся пронзительно-голубой шар.

Он даже не смог закричать от мгновенного, парализующего осознания собственной гибели. Несколько секунд в груди стыл лютый холод — это его мозг ждал оглушающего удара, болезненного взрыва порванных декомпрессией легких, но вместо этого Вадим ощутил какое-то упругое сопротивление среды и с запоздалым ужасом понял, что метнувшийся наперерез механическому чудищу энергетический шар ударил в него, но не сжег, не *сожрал*, как это было в случае столкновения Предтеч с человеческими кораблями, а объял его, обволок, заключил внутрь своего сияния, растекся тонкой энергетической пленкой по сотрясающемуся от бесконтрольной дрожи человеческому телу, и…

Воздушный поток вымел Вадима в коридор, еще раз ощутимо ударил о стену и иссяк, отпустил, оставив его медленно кружить в беззвучии вакуума, среди плотного облака выброшенного из отсека мусора…

* * *

Это уже не укладывалось в рамки какой-либо логики.

Ощущая остервенелую боль в отшибленной спине, Вадим в первую секунду после разгерметизации отсека вообще потерял способность мыслить — распластавшись по стене, он судорожно хватал ртом загустевший воздух, не веря ни единому своему чувству, настолько ошеломляющим, неправдоподобным казалось произошедшее…

Его тело обволакивала тонкая, мерцающая энергетическая пленка. Там, где у обычного скафандра расположен гермошлем, эта оболочка раздавалась в стороны, образуя шар.

Вадим понял, что дышит… Судорожно, неровно, обжигая легкие обилием озона, но ДЫШИТ!

В следующий миг в его сознании вновь с болезненной внезапностью сменились приоритеты: то механическое существо, которое раздраженно смело энергетическую преграду сумасшедшим лазерным огнем, успело в момент декомпрессии ворваться в отсек и теперь боролось с не свойственной ему проблемой — царапая пол конечностями, оно вслепую двигалось обратно, к выходу, за которым оказался Вадим. Весь корпус существа скрывала чья-то форменная куртка, плотно облепившая механику и, видимо, затянутая в приводы сервомоторов, потому что ее ткань на глазах расползалась, рвалась, не выдерживая напора мощных поступательных движений.

Однозначным казалось одно — это создание по-прежнему видит Вадима и совершенно не изменило своих намерений любым способом добраться до человека.

Выяснять, зачем оно рвется к нему, показалось Полуэктову излишним — довольно и одного внезапного союзника, растекшегося по его телу непроницаемой для вакуума оболочкой, так что он раздумывал не очень-то долго. Вспомнив ту надпись на мониторе, Вадим не преминул воспользоваться рациональным советом неизвестного доброжелателя: влепив обрезком трубы, который продолжал сжимать в облитых фиолетовым мерцанием руках, по морде… или по корпусу биомеханического создания, он перевернулся и, отталкиваясь руками от стен коридора, ринулся прочь, углубляясь в сумеречные, страшные, неизведанные недра легендарного, пропавшего тысячелетие назад космического корабля.

* * *

Через пару минут Вадим уже не был настолько уверен в здравости своего рассудка, как в первый миг после кошмарного воскрешения.

Реальность ощущений продолжала давить на психику, но иногда и этого оказывается мало, чтобы адекватно воспринимать события…

Его грудь разрывало от недостатка кислорода, жутко хотелось дышать… он судорожно разевал рот, глотая обжигающий озоном воздух, и… не верил в то, что дышит, неосознанно пытался сэкономить следующий вдох, и опять его легкие разрывала спазматическая резь…

Отталкиваясь руками от стен, пола и потолка, Вадим стремительно несся вдоль лишенного воздуха коридора, мысленно уповая лишь на то, что его вывод, сделанный на далекой Земле, соответствует действительности и этот корабль еще имеет отсеки, которых не коснулся вакуум.

Иначе ему не выжить. Это, несмотря на фантастическую помощь со стороны древнего существа, Вадим осознавал абсолютно четко. Запас воздуха внутри импровизированного гермошлема рано или поздно должен закончиться, потому что пополняться ему просто неоткуда…

Сердце Полуэктова бешено колотилось в груди. Отталкиваясь руками от очередного выступа переборки, он оглянулся и, уловив позади смутный контур, понял, что насекомоподобный механизм не только продолжает преследование, но и неумолимо настигает его — эта тварь, похоже, не испытывала никаких затруднений при движении в невесомости.

Черт… Хоть бы один шлюз…

Как назло, по бокам коридора мелькали лишь раздвижные двери

отсеков. Неважно, были они закрыты или распахнуты, все равно в боковых помещениях царил вакуум — весь медицинский модуль корабля, внутри которого перемещался Вадим, оказался разгерметизированным…

В тусклом свете окутавшего его статичного поля, удивительно похожего на недавно изобретенную суспензорную защиту, мелькали хаотичные подробности потрясшей корабль много веков назад катастрофы, но Вадиму было не до них. Продолжая уходить от преследования, он пытался сообразить, что делать дальше, как повернуть безвыходную ситуацию в свою пользу?

Все, что приходило на ум, не имело ничего общего с окружавшей его реальностью.

Обломок трубы он бросил, но вокруг в изобилии наличествовал иной подручный материал: различные предметы кружили в невесомости, и по самому факту их движения он безошибочно определил, что декомпрессия в отсеках наступила недавно: может быть, час или два назад здесь еще присутствовала атмосфера… Вот только легче от этого не становилось…

Коридор тянулся, прямой, как стрела, уводя в бесконечность. Размеры «Альфы» были сравнимы лишь с некоторыми орбитальными городами-спутниками современности и трудно поддавались осмыслению. Люди уже давно не строили ничего подобного — освоив полеты в гиперсфере, Человечество потеряло нужду в кораблях-гигантах, рассчитанных на многие и многие годы полета…

Минут через пять, по-прежнему пролетая мимо черных провалов боковых дверей, он понял, что по всем раскладам уже должен был задохнуться, — запас воздуха внутри мерцающего пузыря, окружавшего его голову, казался смехотворным, но Вадим по-прежнему не ощущал удушья. Спазмы, режущие грудь, являлись скорее всего следствием его инстинктивного страха. Рассудок отказывался принимать тот факт, что количество кислорода в ограниченном объеме все же восполняется…

Притормозив свой полет, он оглянулся, пытаясь понять, как далеко отстал преследующий его механизм? Может, ему все-таки удалось оторваться?

Тщетные надежды…

Замедлять темп бегства оказалось глупо и рискованно. Сзади внезапно полыхнула серия режущих глаз вспышек, и пространство вокруг озарили рубиновые росчерки. В беззвучии вакуума это выглядело особенно жутко: парящее в невесомости пластиковое кресло, которое Вадим только что оттолкнул от себя, освобождая дорогу, попало под лазерный разряд и бесшумно скорчилось, тут же застыв бесформенным комом пластмассы,

похожим на абстрактную скульптуру

Он с новой силой ринулся вперед, стараясь наверстать упущенные секунды. Полуэктов ничего не понимал в происходящем вокруг; какие-то силы играли с ним, как со щепкой, попавшей в бурный водоворот канализационного люка…

Еще два луча когерентного света промелькнули впритирку со стеной, только чудом не зацепив ему плечо, и, врезавшись в выступ переборки, оставили вишневые язвы на ее материале. В их стробоскопических вспышках Вадим успел разглядеть медленно вращающуюся в пустоте импульсную винтовку.

Притормозив, он поймал лениво плывущий предмет и тут же метнулся в открытый боковой проход.

Помещение, куда он влетел, на поверку оказалось небольшим. Когда-то тут располагался один из бесчисленных контрольных отсеков, назначение которого было невозможно угадать во мраке.

Не останавливаясь, он пролетел вдоль стены.

Черт, тупик…

В мерцающих отсветах своей противоестественной энергетической оболочки Вадим разглядел колоннаду разнокалиберных труб, которые выходили из пола и исчезали в потолке.

До проема раздвинутых дверей рукой подать. Это даже отсеком не назовешь, каморка какая-то…

Он перевернулся, паря в невесомости.

Штурмовая импульсная винтовка «ИМ-12», оказавшаяся в его руках, являлась прототипом всех современных образцов подобного оружия, и разобраться в ее системе не составляло труда.

Охватив ногами трубу, чтобы не всплывать к потолку от резких движений, Вадим освободил вторую руку, нашел кнопку активации оружия, заглубленную в приклад, и утопил ее.

Окошко индикатора зарядов не зажглось.

Он лихорадочно повторил операцию, но с тем же результатом.

Черт… надо было догадаться, что за столько веков в батареях импульсной винтовки не осталось ни единого эрга…

В этот момент за дверями отсека наметилось движение.

Вадим прижался спиной к трубам, продолжая удерживаться ногами за их изгиб, у самого пола.

Секунду спустя насекомоподобный механизм возник в открытом дверном проеме, прорисовавшись смутной, зловещей тенью. Его защитное поле призрачно светилось.

Гибкий манипулятор машины, похожий на тусклый гофрированный шланг, увитый жилами сервоприводов, медленно скользнул вдоль рамы раздвинутых дверей. Механизм не торопился, выискивая клешнеобразным захватом точку опоры. Вслед за первым манипулятором в поле зрения Вадима появился второй.

В немом напряжении Полуэктов ждал, пока в проеме полностью появится корпус преследователя. Импульсную винтовку он перехватил за покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол.

Секунды ожидания затягивались в вечность…

Невесомость — штука коварная. Каким бы двигателем ни обладал преследовавший его робот, но при отсутствии тяготения в тесном отсеке его преимущества сходили на нет…

Самое поразительное заключалось в том, что механизм, похоже, понимал это. Так неторопливо, осторожно могло действовать живое существо, зверь, знающий повадки человека…

Движение манипуляторов вдоль косяка дверного проема вытягивало нервы в напряженную, готовую лопнуть струну. И человек, и машина прекрасно видели, *ощущали* друг друга.

Состояние Вадима трудно описать в двух словах. Ирреальность происходящего давила, усугубляя все ощущения, доводя их до степени абсурда. В какой-то миг он осознал, что, по сути, сейчас идет поединок психики. Механическая тварь ждала его ошибки, истеричного рывка… Она явно уже имела опыт подобной охоты и действовала, сообразуясь с ним…

«Не дождешься, сука…» — Вадима вдруг захлестнула холодная, обреченная злоба. — «Мне терять нечего…» — подумал он, наблюдая, как медленно ползет вверх гибкий манипулятор.

Первый этап противостояния робот проиграл. Его терпение истощилось первым.

Два клешнеобразных захвата медленно сжались, намертво впившись в раму дверей. Теперь механизм получил желаемую опору и вдруг рывком подал свой корпус внутрь отсека.

Несколько мгновений они разглядывали друг друга, прежде чем манипуляторы механической твари изогнулись, выбрасывая увитый шлангами корпус по направлению жертвы.

Это походило на бросок змеи.

Вадим встретил его ударом приклада. Он бил наотмашь, вложив в удар все силы.

Инерция отбросила его назад, но он тут же пришел в себя и снова ударил до остервенелой боли в отшибленных ладонях. Удерживаясь ногами

за трубы, он в исступлении бил прикладом, ощущая, как под ним что-то поддается, ломается…

«Умри, гаденыш!..»

Опомнился он только в тот момент, когда увидел парящие в невесомости брызги.

Страшный механизм висел, загораживая собой выход из отсека. Его гибкие конечности намертво вцепились в края проема, удерживая на весу покореженную массу деталей, центр которой занимал расколотый бешеными ударами шар.

Из трещин беззвучно, толчками сочилось какое-то вещество, тут же собираясь в невесомости шариками-брызгами.

Вадим похолодел, когда в призрачном мерцании своего энергетического скафандра он понял, что по цвету парящая вокруг жидкость разительно напоминает кровь.

Он наконец разжал сведенные судорогой пальцы, и винтовка со сломанным прикладом поплыла прочь, канув во мрак, у дальней стены отсека.

«Ну подкинул Андрей Георгиевич работенку…» — метнулась в его голове одинокая, шальная мысль.

В эти секунды он вдруг остро ощутил облепивший его со всех сторон мистический ужас происходящего. Мерцающая энергетическая оболочка, предохраняющая тело от смертельного прикосновения вакуума, парящие в невесомости брызги крови, выбитые ударами приклада *из робота*, — все это, вместе взятое, низводило рассудок до состояния полной прострации, когда ледяная дрожь крадется вдоль позвоночника и ничего не можешь с этим поделать…

Никогда раньше он не испытывал подобного чувства, не знал, что это такое — попасть в обстоятельства, абсолютно непостижимые для рассудка, несовместимые с реальностью…

Одного пробуждения в пропахшем трупными флюидами отсеке хватило бы с избытком для серьезного нарушения психики, а тут еще плазмоид, потом этот робот…

Мысль работала лихорадочно, нервно…

Откуда внутри сервоприводного механизма может взяться кровь? Догадки относительно ее природы казались одна другой хуже — легче было взять и проверить…

Все еще тяжело и неровно дыша, Вадим протянул облитую мерцанием руку, взялся за край расколотого на несколько неравных кусков шара, резко потянул…

Оболочка отломилась с ощутимым сопротивлением. Скорлупа у механизма оказалась тонкой — миллиметра три-четыре, не более, и состояла из темного, зернистого на сломе, похожего на чугун металла, а внутри…

Темно, хоть глаз выколи. Он видел лишь смутный контур своего поверженного преследователя да прибывающую откуда-то снизу каплеобразную, алую взвесь.

Ему пришлось снова приблизить руку к разбитому механизму, почти что засунуть ее в проделанное отверстие, чтобы увидеть начинку расколотого шара.

Мельчайшие капли жидкости вспыхивали, соприкасаясь с облитыми голубым мерцанием пальцами.

Вадим наклонил голову, присмотрелся, стараясь не обращать внимания на парящую вокруг взвесь, а разглядев, что именно скрывается под расколотой оболочкой, опять напрягся, похолодел…

Нужно было иметь железные нервы, чтобы поверить в увиденное…

Он все же отшатнулся, на секунду закрыл глаза, пытаясь унять бешеную пульсацию крови в висках… понимая, что зрительный образ уже не вытравишь, и он останется в памяти навечно как одно из самых страшных потрясений в жизни.

Побелевшие губы Вадима дрогнули, когда он заставил себя открыть глаза и еще раз заглянуть внутрь расколотого шара, чтобы не мучиться потом сомнениями насчет здравости собственного рассудка.

Нет, он не ошибся…

Тончайшие металлические иглы тянулись от сферической «черепной коробки», глубоко вонзаясь в серое, покрытое глубокими морщинами извилин скопление нейронов… Между ними протянулись тонко серебрящиеся нити, образующие плотную сетку контактов.

Это был мозг…

Внешне он очень напоминал человеческий. На бугристой поверхности смятых складками полушарий блестели капельки раствора, в который мозг был погружен до момента, когда Вадим своими бешеными ударами расколол шар искусственной черепной коробки…

Жидкость показалась ему бесцветной.

Стараясь понять, откуда берется парящая вокруг алая взвесь, он опустил руку, освещая хаос размозженных ударами соединений.

Вадим не ошибся: кровь, или очень похожая на нее субстанция, продолжала толчками вырываться из размочаленных прикладом трубок.

Он смотрел на это противоестественное сочетание живого с неживым,

а перед глазами по-прежнему стояло видение усеянного вживленными контактами серого вещества… биологического процессора, *мозга*, воля которого минуту назад заставляла сервоприводы механической оболочки в бешеном порыве бросаться на человека в непонятной, исступленной попытке убить его.

Вадим медленно убрал руку, и окровавленное месиво шлангов отдалилось, погрузившись во мрак.

* * *

Через несколько минут покореженная реальность «Альфы» уже полностью захватила его разум.

Вадим остро ощущал, что вся спланированная, *осмысленная* операция полетела к дьяволам Элио… и он ничего не может понять, оказавшись один, без каких-либо средств к выживанию, внутри искалеченной временем конструкции.

Лишенный гравитации коридор уводил его все дальше, в мрачные недра древнего корабля.

Какие чувства он должен был испытывать, продвигаясь во мраке, среди парящего в невесомости хаоса предметов?

Никто не утверждал, что задание окажется легким, но Вадима угнетала явная алогичность, противоестественность стремительных, необъяснимых событий.

Каждый раз, отводя рукой мешающий продвижению предмет, он видел ауру своего энергетического скафандра, в которую превратился плазмоид, и ему опять стоило немалых усилий сделать очередной вдох. Этот процесс являлся мучительным и осознанным — стоило Вадиму хоть на секунду прекратить думать о наличии кислорода во вдыхаемом воздухе, как грудь действительно сжимал резкий спазм удушья.

«Я дышу… Все нормально… Я дышу…»

Спасением для него явилась флюоресцирующая в темноте надпись, текст которой гласил:

«Шлюзовая переборка».

Указывающая в глубь коридора стрела выглядела в этот момент для измученного, сбитого с толку Вадима, как перст судьбы.

Преодолев последние метры, Полуэктов оказался перед мощной системой, призванной обеспечить живучесть отдельных отсеков космического корабля.

Отделанная серым пластиком стена перегораживала коридор, а на ее фоне, во тьме, ярко горели две искорки световых индикаторов,

расположенных на панели управления шлюзом.

Вадим подплыл к переборке, в неверном свете собственных рук осмотрел примитивную контрольную панель, управляющую системой шлюза, и понял, что свой шанс выжить, выпутаться в конце концов из этой сумасшедшей, ирреальной ситуации он все-таки получил.

За переходным тамбуром был воздух. Индикатор давления трепетно дрожал у третьей отметки световой шкалы. Это значит, что аварийные реакторы «Альфы» спустя бездну времени после постигшей корабль катастрофы все еще *дышали*, поддерживая минимальные функции жизнеобеспечения…

Палец Вадима, облитый мерцающим фантомным огнем, коснулся сенсора активации.

Минута или две, пока насосы откачивали воздух из переходной камеры, прошли для него в томительном, тревожном ожидании, затем мощная дверь шлюза дрогнула и начала отползать вбок, выпустив в темный коридор полоску красноватого света.

Это казалось не меньшим чудом, чем все, что происходило с ним на протяжении последнего часа. Видимо, Покровский действительно многое знал про «Альфу», если так смело и точно предположил функциональность основных узлов корабля спустя тысячелетие полнейшего забвения.

«Во что ты меня втравил, Андрей Георгиевич?» — подумал Вадим, переступая порог шлюза. Пред глазами то и дело всплывало видение окровавленных сервоприводов робота. — «Что еще ты знал про „Альфу“ и не поделился со мной?..»

Глава 4

Оказавшись по ту сторону переходного тамбура, за переборкой, Вадим едва ли испытал облегчение. Посмотрев на свою руку, он увидел все то же фиолетовое мерцание, которое словно прилипло к его коже, плавно перетекая на рукав рубашки.

Нестерпимо хотелось избавиться от негаданного союзника.

Он осмотрелся. Коридор продолжался, прямой и бесконечный…

Здесь горел тусклый аварийный свет, работал какой-то маломощный источник искусственной гравитации.

Массивная внутренняя дверь шлюза медленно начала возвратное движение за спиной Полуэктова. Вибрирующий звук, исходящий от моторов подачи, ласкал слух, лишний раз доказывая наличие вокруг атмосферы. Удивительно, как значимы порой становятся мелочи, свидетельствующие о возвращении в мир привычных тебе вещей, физических законов, техногенного окружения…

После немыслимой гонки в невесомости, среди вакуума и беззвучных вспышек лазерных разрядов, стоять на полу, ощущая твердь палубы подошвами ног, было как минимум приятно, радостно, но чувство обостренной опасности не покинуло Вадима, наоборот, оно с каждой минутой усиливалось, и он понял, что окружающий интерьер после секундного облегчения начал трезво напоминать ему о своей немыслимой древности.

Он находился внутри «Альфы» — первого колониального транспорта Земли, канувшего в неизвестность более тысячи лет назад.

Первый шаг по коридору походил на неуклюжий прыжок. Гравитация оказалась мизерной — едва ли она составляла одну десятую от привычной силы тяжести. Вадим не брался и гадать, что за источник ее генерирует; сомнительно, чтобы корпус «Альфы» все еще вращался спустя ту бездну времени, которую корабль дрейфовал без экипажа. Скорее это работала одна из аварийных систем.

По спецификациям, переданным ему Покровским и заученным во время короткой подготовки к выходу на задание, Вадим знал, что шлюзовые переборки рассекают палубы «Альфы» на отдельные модули через каждые триста метров. На нашивке его форменной рубашки значилось: «Палуба два. Медицинский персонал». «Значит, я в кормовой части корабля и теперь перешел в модуль сменных экипажей», —

мысленно прикинул Вадим, вспомнив планировку помещений второй палубы колониального транспорта.

«Альфа» несла на борту два экипажа, причем оба являлись основными, но должны были руководить полетом на разных его фазах. Первый этап протяженностью в пятнадцать лет заканчивался разгрузкой людей и оборудования в колонии, далее наступала вторая фаза полета, о которой Вадим практически ничего не знал. Покровский либо не имел информации об этом, либо по каким-то причинам не счел нужным вводить его в курс дела.

Метров через тридцать коридор внезапно расширился, влившись в восьмиугольное фойе площадью в несколько десятков квадратных метров.

Вадим остановился, внимательно осматриваясь. В его положении важна была каждая деталь, мелочь, способная помочь ему выпутаться из сложившейся ситуации и узнать что-либо о самой «Альфе».

Помещение показалось ему вполне обычным, заурядным, если сбросить со счетов его немыслимую древность. Шесть дверей вели в каюты; сам холл напоминал стандартное, весьма непритязательное помещение, характерное для дешевых орбитальных гостиничных комплексов: ничего лишнего, никаких изысков, привинченная к полу мебель в виде узких, установленных в простенках между дверьми диванчиков, которыми, вероятнее всего, никогда не пользовались, низкие, также прикрепленные к полу столики перед ними, две допотопные сферы интервизоров, заглубленные в пол по обеим сторонам центрального прохода… ну и, конечно, вещи, предметы, которые были раскиданы в беспорядке, говорившем о том, что они парили некогда в невесомости, а потом опустились на пол, когда включился аварийный источник гравитации.

Вадим нагнулся, подобрал какой-то иллюстрированный журнал, потрепанный, с порванной наискось обложкой.

С ума сойти.

«Земное Обозрение». Март 2207 года.

Он вдруг понял, что держит в руках не потрепанную кипу листов пластбумаги, а целое *состояние*.

На душе от этого ничуть не стало легче. Обстановка древнего корабля, щедро сдобренная тусклым аварийным светом, подспудно продолжала давить на психику.

Он положил журнал, повернулся, отыскивая глазами список экипажа и обязательную схему помещений. Прикрепленный в простенке документ обнаружился там, где ему надлежало быть. Логика планировки казенных

помещений мало изменилась за прошедшие века. Разве что форма оказалась другой — вместо настенного экрана он обнаружил обыкновенный лист компьютерной распечатки под прозрачной пленкой.

Шесть кают занимал взвод реакторного отсека, двадцать четыре человека, чьи фамилии и инициалы ни о чем не говорили Вадиму, зато он понял, что случайность забросила его именно в те помещения, куда он тем или иным способом пытался бы попасть при иных условиях проникновения на «Альфу». В зависимости от состояния корабля и реальных возможностей проникновения в него он и Покровский просчитали два варианта действий, один из которых предусматривал посещение центральных постов управления «Альфы», расположенных в носовой полусфере корабля, а другой опирался на исследование капитанской каюты…

…В тусклом красном свете все окружающие предметы выглядели несколько зловеще, нереально. Напряженная, вязкая тишина, в которой жил только звук его собственных шагов, окружала Вадима, обволакивала его не хуже, чем облившее тело фиолетовое мерцание.

Он миновал простенок, обогнул низкий диван, раздвинул двери одной из кают и вошел внутрь.

* * *

Спустя час нервное напряжение, дойдя до своего пика, стало спадать. Взгляд Вадима понемногу свыкся со скупым светом и мертвыми интерьерами отсеков, и хаос, царящий в помещениях, уже не так сильно будоражил воображение, дыхание времени стало глуше, отступило на второй план сознания.

Он по-прежнему придерживался главного коридора, исследуя один комплекс кают за другим.

По мере продвижения вперед становилось все более и более очевидно, что экипаж покидал «Альфу» поспешно, вынужденно. В жилых помещениях все было перевернуто кверху дном, вещи вывалены из шкафов, явно указывая, что в них лихорадочно рылись, выбирая самое необходимое… или скорее самое дорогое, поскольку в каютах обычно хранились только личные предметы обихода, никак не связанные с проблемами выживания.

Явных следов борьбы за «живучесть» корабля Вадим не заметил. Признаков же поспешной эвакуации хоть отбавляй… но он не торопился делать далеко идущие выводы, зная психологию флотских офицеров, которые ни за что не бросят погибающий корабль без борьбы. Значит,

аварийная ситуация на борту развивалась стремительно, не оставляя никаких шансов на затяжное сопротивление возникшим обстоятельствам…

Подумав об этом, он стал внимательнее присматриваться к окружающим предметам и вскоре нашел подтверждение своим догадкам.

По некоторым признакам Вадим понял, что в пройденных им отсеках «Альфы» на некоторое время воцарялись невесомость и вакуум, затем атмосфера корабля и минимальная гравитация были восстановлены. Об этом очевидно свидетельствовало как положение предметов, осевших на пол при вторичном включении генераторов поля тяжести, так и характерные разводы высохших пятен на тканях одежды и замысловатые следы сконденсировавшихся на материале переборок минеральных солей. Скорее всего «Альфа» не теряла герметичность; целостность ее обшивки не была нарушена, а заключенный в отсеках воздух попросту замерз, лег кислородным инеем по стенам, чтобы потом, при восстановлении функций жизнеобеспечения, вновь оттаять.

Это могло означать лишь одно — на какой-то период времени колониальный транспорт полностью лишился энергии. Такой вывод не шел в противоречие со всем остальным: и поставленные на ребро створы стартовых шлюзов, и иные следы поспешного бегства экипажа, а также сам факт отстрела криогенных модулей со спящими колонистами лишь подтверждали предположение, что корабль замерзал, теряя одну за другой функции своих внутренних систем, и этот процесс шел обвально, лавинообразно, не оставляя никаких шансов на выживание тем, кто решил бы остаться на борту вопреки обстоятельствам.

В чем заключалась причина таких энергетических потерь и каким образом были реанимированы аварийные системы корабля, ему еще предстояло выяснить.

Через час с небольшим Вадим добрался до последней восьмиугольной развязки данного модуля. За шлюзовой переборкой, которая уже виднелась в конце коридора, располагался еще один трехсотметровый отсек «Альфы», а тут в стенах стандартного холла он увидел уже ставшие привычными шесть дверей, ведущих в каюты.

В отличие от предыдущих они не были маркированы номерами, а имели таблички.

«Главный Инженер».

«Помощник Капитана».

«Главный Энергетик».

«Главный Навигатор».

«Первый Пилот».

«Капитан».

Вадим, не колеблясь, вошел в последнюю дверь.

* * *

Как он и предполагал, интерьер капитанской каюты резко отличался от стандартной обстановки подобных помещений. Это место скорее напоминало рубку управления в миниатюре, нежели жилой отсек.

Показательно, что тут отсутствовал характерный для остальных кают хаос.

Остановившись на пороге, Вадим осмотрел отсек, потом вошел, чувствуя, что уже едва стоит на ногах.

Истощение, и моральное, и физическое, было каким-то запредельным, ненормальным.

Пытаясь справиться с накатившей вдруг слабостью, он сел во вращающееся кресло, расположенное за подковообразным компьютерным терминалом.

Голова неприятно кружилась. Слегка подташнивало, мышцы болели. Даже если принять во внимание изматывающий гиперпрыжок, потерю сознания и необъяснимую пока реанимацию в криогенной ванне, такие симптомы запредельной усталости пугали и настораживали.

Вадим знал реальные возможности своего организма и считал, что тот подводит его. «Бывали ведь ситуации и похуже», — мысленно приободрил он себя.

Не очень-то помогло. Воспоминания о многосуточных марш-бросках, нечеловеческих условиях разведок, когда по семьдесят часов не удавалось даже приоткрыть забрало гермошлема, никак не повлияли на подавленное состояние духа. Усталость казалась ненормальной, будто наступало полное истощение организма в результате какой-то необъяснимой болезни.

Вадим подозревал, что виной тому фиолетовое мерцание, по-прежнему покрывающее тело и одежду тонкой, неощутимой пленкой.

Откуда внутри сиреневой оболочки появлялся пригодный для дыхания воздух? Вадим все сильнее и сильнее испытывал настоятельную потребность избавиться от плазмоида, сбросить с себя противоестественный энергетический костюм, тем более что в нескольких отсеках ему попадались шкафы с нормальными *человеческими* скафандрами и энергетическая пленка уже не казалась ему такой спасительной и необходимой…

Взгляд Полуэктова неосознанно скользил по терминалу мертвого компьютера. Наклонившись, он проследил за пучком кабелей, что отходили

от подковообразного рабочего места. Терминал был включен в бортовую сеть, и соединения кабелей с разъемами в стене выглядели вполне исправно, однако компьютерная консоль никак не отреагировала на прикосновение к рядам сенсорных кнопок на раскладках двух покрытых значками текстоглифов клавиатур.

Скверно. Похоже, что питание в главной сети отсутствовало.

Состояние Вадима ухудшалось, причем так быстро, словно у организма наступил некий предел, когда исчерпаны все внутренние ресурсы и стремительно наступает фаза полного истощения.

«Проклятие… Нужно избавиться от плазмоида…» — эта мысль все настойчивее стучалась в сознание.

Он вспомнил, как очнулся в криогенном отсеке, как мерцающий фиолетовый шар начал вдруг выдуваться из обрубка порванного энерговода, и его рука машинально потянулась к кабелю питания компьютерной консоли.

Выдернув его из разъема, Вадим поднес трезубую вилку контактов к мерцающей оболочке, обливавшей его тело фантомным сиянием с ног до головы.

Кабель на секунду показался ему похожим на змею, которая вот-вот бросится в смертельном прыжке, вонзая в его кожу ядовитые зубы…

«Черт… Что за галлюцинации… Какая змея?..»

Он сжал зубы и ткнул контактами себе в руку.

Неизвестно, какого эффекта ожидало его сознание, но ощущение было скорее жутким, чем болезненным: кисть руки вдруг объял бледный свет, словно вокруг пальцев заплясали огни святого Эльма…

Фиолетовое мерцание послушно стекало в разъем, пощипывая кожу статическими разрядами, и Вадим, сделав очередной вдох, вдруг ощутил запах.

Это был спертый, затхлый запах застойного, давно не вентилируемого помещения!

Энергетический скафандр сползал с него, с неправдоподобной медлительностью утекая в разъем питания компьютерного терминала…

…Следующим ощущением стало прикосновение холода. Температура в отсеках едва ли превышала пять градусов по шкале Цельсия. Не слишком ли он поспешил, стараясь избавиться от навязчивой опеки энергетической оболочки?

С трудом встав с кресла, он осмотрелся в каюте.

Холодный и затхлый воздух наполнял его легкие. По сравнению с озоновой смесью, которой он дышал до сих пор, атмосфера каюты казалась

наполненной вонью. Превозмогая себя, Вадим подошел к встроенным в стены шкафам, открыл створки, но, кроме обычных предметов обихода, там ничего не оказалось.

Пришлось покинуть каюту и тащиться назад по коридору к тем отсекам, где он видел прозрачные шкафы со скафандрами.

Возвращение отняло много времени и вконец измотало его.

Цена избавления от мерцающей оболочки в какой-то момент действительно показалась слишком уж высокой — его состояние не улучшилось, а вот проблем стало во сто крат больше. Он не знал состава воздуха, которым теперь дышал, не мог определить, присутствуют ли в нем какие-либо микроорганизмы, — все оборудование, включая микроанализаторы, осталось на изувеченном лазерным лучом «Гепарде».

Отыскав скафандр, он потратил еще немало времени, чтобы разобраться в его строении, — модель ни по внешнему виду, ни по внутреннему устройству не имела ничего общего с современными образцами.

Он не мог с точностью определить, сколько времени провел в скафандровом отсеке. Состояние Вадима продолжало ухудшаться, сознание несколько раз уплывало, превращая реальность в обрывочный, кошмарный сон.

* * *

…Он очнулся в коридоре, где-то на полпути между двумя палубными переборками.

Открыв глаза, Вадим понял, что сидит, прислонясь спиной к стене. Он пошевелился, ощутив плотно облегающий тело скафандр, который все же умудрился натянуть, несмотря на провалы в сознании.

Опираясь рукой о стену, он встал.

Сзади, словно хвост, волочился кабель подзарядки — Вадим вдруг вспомнил, как выдергивал его из специального разъема в той нише, где висела одетая на нем гермоэкипировка.

Внутренняя система жизнеобеспечения скафандра функционировала — это он понял по трепетным искрам индикаторов, расположенных на ободе забрала гермошлема. Смотав кабель подзарядки, он уложил его в специальный клапан, чувствуя, что ему стало намного лучше. Изнуряющая слабость отступила, система терморегуляции скафандра отдавала телу блаженное тепло, движения вновь обрели прежнюю координацию.

Вадим не мог вспомнить, потерял ли он сознание уже в коридоре, или

же его беспамятство наступило раньше и было вызвано тем полуобморочным состоянием, когда изнуренный непонятной хворью организм насильно пытался отключить его волю, чтобы иметь возможность побороть странный недуг.

Впрочем, имело ли это значение?

Он чувствовал себя слабым, но вполне здоровым, ему удалось-таки избавиться от плазмоида, тело облегал исправный скафандр…

Оставалось понять, каким образом он попал на борт «Альфы», что за бионический механизм преследовал его, и главное, что казалось Вадиму решающе важным: куда делись люди с борта колониального транспорта?

Он справедливо рассудил, что ответ на последний вопрос даст и все остальные разгадки. Вадим не забыл того странного «БЕГИ» на экране монитора и понимал, кто-то наблюдает за ним, участвует в его злоключениях, начиная с того момента, как лазерный луч полоснул по броне «Гепарда».

Одна и та же сила была, по мнению Полуэктова, ответственна как за перенос его тела из рубки штурмовика на «Альфу», так и за противоестественное пробуждение под расколотым колпаком древней криогенной ванны. Вероятнее всего, она же пыталась дать знать о себе через экран монитора, и плазмоид наверняка не из личного альтруизма бросился спасать его в момент декомпрессии, напрочь сломав все устоявшиеся представления о типичном поведении и агрессивной сущности Предтеч.

Недолго думая, Вадим вновь повернул в сторону капитанской каюты.

Подготавливая операцию, они с Покровским здраво рассудили, что, покидая «Альфу», ее капитан должен был оставить весточку тем, кто найдет корабль, и обозначили два наиболее вероятных места, где он мог поместить сообщение.

В первую очередь ими рассматривался главный пост управления кораблем, а во вторую — личный компьютерный терминал в каюте капитана Глатышева.

И то, и другое казалось на Земле одинаково вероятным.

* * *

В капитанской каюте Вадима ожидало новое потрясение.

Компьютерный терминал, в разъем которого ему удалось сплавить плазмоида, работал.

Он осмотрелся.

Ничего не изменилось в обстановке отсека, спертый воздух оставался

недвижим, пыль лежала густым, махровым слоем, храня следы только его ног.

«Значит, все-таки плазмоид…» — решил про себя Вадим, садясь в кресло.

Энергетическая природа странного существа не вызывала у него сомнений, но думать о том, что его недавний спаситель заключен сейчас в отрезке кабеля протяженностью не более двух метров, понемногу отдавая терминалу компьютера порции самого себя, было как-то жутковато.

Непонятно, преследовал ли плазмоид какую-то конкретную цель, реанимируя терминал специально для него, или же это был стихийный процесс? Может быть, ему просто некуда деваться из кабеля, и терминал *потребляет* его в меру своей энергетической прожорливости?

«Ну, да… сейчас подставлю руку, и дам ему взобраться назад… нет уж».

Вадим быстро пресек попытки какой-то части своего сознания посочувствовать плазмоиду. Он хорошо представлял, что ток в цепи должен *течь*, а не стоять подобно воде в запруде, и будь процесс стихийным, неконтролируемым, то последствия оказались бы фатальными прежде всего для бортовой машины. Все окончилось бы разрядом высокой энергии, которого не случилось, — значит, плазмоид сам каким-то способом удерживался в отрезке кабеля, питая терминал.

Сейчас посмотрим, чем ты тут дышишь…

В период короткой подготовки к операции Покровский вбил в голову Вадима достаточный объем информации об «Альфе». То, что конструкция древнего скафандра заставила капитана поломать голову, выглядело сейчас явным упущением. В спешке основной упор делали на вышедший из употребления компьютерный язык, таблицы кодов и расшифровку значения текстоглифов.

Вадим посмотрел на две раскладки клавиатур, постепенно узнавая значки-символы. Через некоторое время, когда взгляд немного освоился с терминалом, он понял, что отсюда при желании можно перехватить некоторые функции, управляющие системами корабля.

Сейчас компьютерный комплекс был активирован, но на его панелях горели лишь индикаторы питания. Монитор не светился, на нем отсутствовало вообще какое-либо изображение.

Вадим еще долго, пытливо всматривался в черные значки текстоглифов, прежде чем коснулся одного из них.

Ничего фантастического, сногсшибательного не произошло.

Монитор осветился ровным, чуть голубоватым сиянием; секунду

спустя на нем возникли очертания сервисной оболочки системы.

Присмотревшись, Полуэктов понял, что машина мертва.

Из нее была удалена вся информация, оставалось лишь несколько текстовых файлов, помеченных разными датами.

«Если машину вычистил сам Глатышев, значит, эти файлы — его завещание или отчет о событиях, оставленный в таком виде, чтобы быть более заметным».

Логика не подвела.

Открыв первый файл, Вадим понял, что перед ним записки капитана «Альфы», датированные по дням катастрофы.

Не уповая на бесконечный ресурс плазмоида, он осмотрел терминал в поисках печатающего устройства, но индикаторы всей периферии были мертвы. Ни один сигнал не горел, и прикосновение к кнопкам не вело к активации.

У него теперь оставался один выход — быстро читать с экрана, стараясь запомнить содержание.

Глава 5

Вадим хорошо знал историю исчезновения «Альфы». Спустя века материалы по спонтанному переходу колониального транспорта в пространство гиперсферы были давно рассекречены.

И тем не менее его охватил озноб, когда взгляд коснулся первых строк возникшего на экране текста.

Будто сработала фантастическая машина времени, перенося его сознание на тысячу лет назад…

Эти люди не могли знать, куда попали и что ждет их впереди.

Текст начинался скупо, официально, с даты:

12 ноября 2207 года. 14:28 по данным бортового хроно.

Трудно писать… Никогда до этого не вел дневников, как никогда не верил в бога, но, видно, приходит час и становится ясно, что все постулаты материализма исчерпаны.

Все, чем мы жили, во что верили, на чем стояли, — исчезло.

Нет больше физики трехмерного космоса, ни один прибор внешнего контроля не работает.

Если видеодатчики наружного наблюдения не лгут, то нас окружает всеобъемлющая чернота, абсолютный мрак, в котором нет ни проблеска света.

Звезды, галактики, Вселенная, все исчезло, сгинуло, и мы…

Мы потеряны в этом НИЧТО.

С момента включения силовых установок «Альфы» прошло шесть часов. Шесть часов, проведенных в смятении, в безуспешных попытках понять, где мы? Все бортовые системы работают нормально, внутри корабля ничто не пострадало. Пострадала, исчезла сама Вселенная, и осознание этого низводит разум до состояния полной прострации, абсурда.

Сейчас ухожу проводить первое после рокового включения двигателей совещание офицеров.

12 ноября 2207 года. 19:07.

По-прежнему находимся среди абсолютного мрака. Люди ведут себя по-разному. Кто-то подавлен до состояния полнейшего безволия, кто-то,

наоборот, чрезмерно возбужден. Истерик пока не было, все-таки бодрствующая часть экипажа — в основном кадровые, подготовленные офицеры, но полностью поручиться за чью-либо психику не могу. Даже за свою, если признаться честно.

Совещание чуть прибавило ясности в суть нашего положения. Все-таки на борту достаточно специалистов самого высокого уровня и разносторонних профилей. Все, кто имеет отношение к физике, в один голос утверждают, что мы преодолели световой барьер, но не так, как это предполагалось самыми смелыми научными гипотезами, — «Альфа» не получила никакого приращения скорости, просто мы оказались втянутыми в иное измерение пространственного континуума. Очевидно, что метрика трехмерного космоса предполагает не только конечность скорости света, но и некий энергетический предел влияния.

Мы перешагнули этот рубеж. Силовые установки «Альфы» оказались столь мощны, что ими был инициирован некий переход на следующий уровень энергетики Вселенной.

Было много споров, где мы находимся, «над» или «под» пространством и временем, но мне, по-человечески, все равно. Как командир корабля, я понимаю лишь одно — мне нужно вернуть «Альфу» обратно, в доступную для восприятия приборов метрику, туда, где можно жить…

12 ноября 2207 года. 23:05.

Времени на принятие решений остается катастрофически мало. Мы начинаем терять энергию. Контрольные замеры в бортовой сети показали, что потребление всех приборов возросло на порядок. С чем это связано, остается лишь догадываться, но времени на скрупулезные исследования нет. Процесс энтропии даже в привычном континууме слишком сложен, чтобы судить о нем однозначно, а тут…

Нас окружает страшная пустота, мрак, однако перенастроенные камеры внешнего наблюдения сумели показать корпус «Альфы». Значит, мы по-прежнему материальны, корабль подвластен привычным физическим законам, но становится все более очевидно, что мы — чужеродное явление в данном пространстве, и оно отрицательно влияет на состояние корабля.

Энергетики предлагают радикальную попытку возвращения: трезубая вилка двигательных секций может смыкаться и размыкаться, для этого

служат исполинские суппорты, по которым перемешаются секции термоядерных реакторов. Такие коррекции необходимы для обеспечения синхронизации двигателей.

Суть предложения в том, чтобы сомкнуть три секции вместе, сдвинуть их сопла в тесный тройник и дать максимальный импульс мощности.

Вероятнее всего, я дам добро на подобную попытку. При тех потерях энергии, что мы имеем сейчас, через несколько суток криогенные модули начнут испытывать ее дефицит, и тогда жизни пятисот тысяч спящих колонистов окажутся под угрозой.

Нас подвела мания гигантизма, вот о чем я думаю в последние часы. Не нужно было строить такой мощный корабль. Специалисты говорят, что направленный удар плазмы при маршевом ускорении наших двигателей по эквиваленту сконцентрированной в одной точке энергии оказался сравним со вспышкой сверхновой. Мы, сами того не подозревая, перешагнули границу дозволенного.

13 ноября 2207 года. 5:57.

Два часа до включения маршевых секций.

Суппорты уже сомкнули вилку двигательных установок, теперь корабль потерял свои характерные, узнаваемые очертания. Провел еще одно совещание офицеров и научного персонала. Люди держатся на удивление стойко, и при взгляде на них становится стыдно за собственное внутреннее малодушие.

Мне страшно, но признаться в этом вслух было бы непростительной ошибкой, безумием.

Смотрю в глубочайшую чернь пространства за бортом корабля, где нет ни одного проблеска, и невольно думаю: «Быть может, тут обитал библейский Дух, до того момента, как им была произнесена историческая фраза: Да Будет Свет…»

Очевидно, мистицизм, некий подсознательный страх перед неведомым, необъяснимым, заложен очень глубоко в нашей сущности, если его не смогли убить века техногенной эволюции сознания. Когда-то мы безоглядно верили в наличие высшего существа, нас создавшего, потом, после первого полета в космос, заглянув за фиолетовую синь стратосферы Земли, мы увидели, что там никого нет, и успокоились на позициях научного материализма — ан нет, господа… Я повторяюсь, что никогда не верил ни во что сверхъестественное, но…

Смотрю в окружающее нас Великое Ничто, и мне кажется — если удастся вырваться отсюда, никогда уже не смогу ответить однозначно — есть Он на самом деле или нет?

Это место подавляет. Безумно хочется назад, к звездам.

13 ноября 2207 года. 8:08.

Ухожу на мостик. Десять минут до начала реакции синтеза гелия.

13 ноября 2207года. 14:47.

Мы вырвались!

Мне казалось, я сойду с ума, когда мертвенный свет двигательных установок подсветил экраны обзора, нарушив тягостный покой безвременья данного места.

Звездные энергии выкачивались из наших реакторов на протяжении пяти с половиной часов — окажись по вектору двигателей планета, схожая с Землей, она бы превратилась в шлак или попросту испарилась в этом аду.

Пять с лишним часов окружающая нас необъяснимая метрика глотала потоки энергии, но потом все же не вынесла подобного надругательства, столь грубого и мощного, что это пришлось ей не по вкусу, и нас опять, опять потянуло в головокружительный переход. И в самый критический момент, когда «Альфу» начало затягивать в чернильный всплеск, в моей голове мелькнула мысль: а что, если это не возвращение, что, если нас тянет еще глубже, в пучину страшной аномалии пространства?

Я не успел толком испугаться.

Вокруг вспыхнул нестерпимый свет, а затем…

Затем мы увидели красноватое мерцание звезд.

13 ноября 2207 года. 18:10.

Наша радость была безмерной, но недолгой.

Мы в трехмерном космосе, но где, а главное — какой ценой?

Не могу отделаться от ощущения пирровой победы над аномалией пространства и времени.

«Альфа» вернулась в метрику привычного континуума, но мы оказались в совершенно неприглядном месте.

Я сознательно употребил этот термин «неприглядном», потому как моя прямая обязанность думать прежде всего о жизнях экипажа и пассажиров корабля. Я не ученый, чтобы испытывать эйфорию по поводу произошедшей с нами немыслимой астрофизической коллизии, а с точки зрения выживания данное место является именно «неприглядным».

Нас вышвырнуло в недра газопылевой туманности. Вокруг — красноватый свет, он полыхает со всех сторон, течет, переливается многими оттенками, и сквозь эту муть просвечивают багряные звезды.

Пусть люди не говорят потом, что космос двухцветен. Нет, здесь присутствуют такие краски, что и не грезились художникам Земли.

Мы попали в пространство, где из газа и пыли рождаются новые звезды — они пылают вокруг нас неимоверными, фантастическими факелами, и их излучение заставляет светиться наполняющую пространство газопылевую взвесь.

Прямо по курсу «Альфы» лежит участок более или менее чистого пространства. Астрономический отдел тут же пояснил факт его существования: звезда, вокруг которой образовалась свободная от газа и пыли прослойка, «недавно» пережила свое перерождение, превратившись из мутно-красного гиганта в сияющий голубой карбункул. В ее недрах сгорел весь водород, и тогда там начались реакции горения гелия с образованием следующего элемента таблицы Менделеева. Это произошло примерно три миллиона лет назад. Перерождение звезды сопровождалось катастрофической вспышкой. Красный гигант превратился в голубого карлика, а его тускло-красная непомерно распухшая водородная оболочка под давлением ударивших изнутри световых потоков была изринута в космос в виде расширяющейся планетарной туманности.

Сорванная атмосфера звезды расширялась со скоростью света, одновременно остывая. Она унеслась прочь, смешалась с газопылевыми облаками окружающей нас туманности, оставив после своего расширения лишь один след — прослойку свободного от газа и пыли пространства непосредственно вокруг переродившегося светила.

Сейчас вектор движения «Альфы» направлен именно к ней — горячей голубой звезде, пережившей свое второе рождение совсем недавно по меркам галактического времени.

Остается выяснить, есть ли в ее системе планеты, и если да — то насколько они пригодны для жизни.

14 ноября 2207 года. 20:05.

Боюсь, что мы обречены.

Мысль о подобном исходе возникла сразу, как только стало понятно, что «Альфа» вышла в трехмерный космос внутри зоны расширения планетарной туманности.

Звезда, которая пережила гелиевую вспышку, не могла оставить ничего живого вокруг себя, и я опасаюсь, что зондирование обнаруженных планет только подтвердит этот предварительный вывод.

Планет три. Система их расположения сложная, непривычная. Непосредственно вокруг звезды вращается газовый гигант тускло-коричневого цвета. По внешнему виду он сильно похож на наш Юпитер. Думаю, что и по внутреннему строению — тоже.

Две другие планеты являются его спутниками. Они не могут быть названы лунами: слишком велика их масса, у обеих присутствует атмосфера, и, вероятно, не так давно на одной из них существовала жизнь — линии кислорода просматриваются на спектрографах, когда направляешь прибор на самую кромку атмосферы второго спутника, туда, где лучи звезды проникают сквозь нее, заставляя газ испускать характерные для его химического состава вторичные излучения.

Эта планета отливает знакомой, щемящей сердце голубизной. Атмосфера же первой — прозрачная, разреженная, и в телескопы сквозь нее просматривается мертвое, безводное пространство.

17 ноября 2207 года.

Наше положение ухудшается. Несколько дней было не до записей — мы продолжаем терять энергию, — два гиперпространственных перехода истощили запас активного вещества, и захват водорода с помощью электромагнитных уловителей уже не может пополнить критического дефицита активной массы для реакторов термоядерного синтеза. Кое-как перебиваемся, используя резерв обыкновенных цепных реакторов, основанных на принципе расщепления ядер урана; техники разворачивают секции солнечных батарей, но толку от этого пока что мало — звезда все еще неимоверно далеко, до нее миллиарды километров, а мы не в состоянии включить установку основной тяги. Даже развести суппорта в исходное положение — и то задача непосильная при образовавшемся энергетическом дефиците.

Все на борту ходят усталые, злые. Людей можно понять — позади

борьба за выживание корабля, впереди полная неизвестность. Если второй спутник газового гиганта окажется так же безнадежно мертв, как первый, то у нас останется только один выход — углубиться в саму туманность, пополнить при помощи электромагнитных уловителей пустые водородные емкости и еще раз попытаться включить главный привод. Я понимаю — это приведет к новому прыжку, еще одному запредельному испытанию психики и техники, но не умирать же тут, сложа руки, посреди чуждого пространства? Я уже не упоминаю о степени ответственности перед теми, кто заточен в тиши криогенных модулей. Естественно, мы помним о них и будем бороться, пока в накопителях «Альфы» остается хотя бы один эрг.

Высокие, красивые, и… страшные слова

Страшные потому, что они — реальность. Нам осталось либо бороться до конца, либо умереть.

19 ноября 2207 года. 2:05.

Сегодня очень плохой день.

С утра выслушал доклады энергетиков, просмотрел расчеты и понял: пока работают криогенные модули, «Альфа» будет необратимо агонизировать. Если мои записи читает не специалист, то поясню: энергетика корабля рассчитывалась для длительного равноускоренного движения, когда работают основные реакторы и часть их мощности отводится на обеспечение криогенных отсеков. Сейчас установки термоядерного синтеза мертвы. Они остыли, потому что во время борьбы с аномалией космоса нами исчерпано все активное вещество, остался лишь аварийный запас, которого хватит на одно короткое включение маршевой тяги, а пятьсот тысяч криогенных камер и связанных с ними комплексов жизнеобеспечения — это слишком большая нагрузка на аварийные реакторы, и они не справляются с ней.

Я оказался перед дилеммой: либо отдать приказ использовать неприкосновенный запас активной массы на рывок к планете, либо отказаться от крейсерского ускорения и питать за счет резерва камеры низкотемпературного сна.

Поговорив с инженерами, я понял, что зря думал о возможности выбора. Специалисты сумели доказать мне, что запаса активного водорода все равно не хватит на несколько месяцев питания криогенных установок.

По сути, остается лишь один вариант — бросить на карту все, включить двигатели основной тяги, чтобы «Альфа» набрала скорость, для

сближения со вторым спутником газового гиганта.

Решение нужно принимать в ближайшие часы.

19 ноября 2207 года. 5:20.

Только что разговаривал с Гарри Хьюменом, полковником ВКС, командиром второго сменного экипажа «Альфы». Мы разбудили второй состав накануне, когда стало ясно — до планеты не дотянуть обыкновенным дрейфом и часть криогенных блоков придется разморозить, экстренно выводя людей из состояния анабиоза.

Решение далось мне тяжело, а Гарри еще более усугубил положение. Я ожидал от него помощи, рассчитывал на его холодную волю и трезвый расчет, но мне почему-то кажется, что он просто бредит.

Хьюмен уже видел результаты спектрального анализа атмосфер двух планет.

Одна, та, что ближе к газовому гиганту, совершенно мертва: ее моря выкипели при вспышке звезды, часть атмосферы унесена «солнечным ветром», и мне она напоминает обугленную головешку.

Вторая более приглядна в плане колонизации. Кислород в составе ее атмосферы составляет порядка десяти-двенадцати процентов, на поверхности присутствует органика, но каковы ее формы и свойства, пока что трудно даже предполагать. Количество свободного кислорода никак не удовлетворяет потребностям дыхания, но если превратить посадочные модули в герметичные убежища и аккумулировать местную атмосферу, то выжить реально.

Несмотря на некоторые оптимистические расчеты, я считаю полным безумием попытку колонизации любой из этих планет. На мой взгляд, нам требуется не колонизация, а передышка, пауза порядка двух-трех лет, пока «Альфа», двигаясь в автоматическом режиме, не углубится в газопылевое облако, чтобы набрать водород в танкерные емкости. Потом нам следует вернуться на корабль и предпринять новую попытку вырваться отсюда.

Выслушав меня, Гарри вдруг начал нести какую-то чушь.

Он говорил о том, что на борту «Альфы» присутствуют какие-то фантастические супермашины, предназначенные для коренного преобразования планет.

Здраво размыслив, я поверил ему — для меня не секрет, что после высадки колонистов «Альфа» должна была двинуться дальше, в глубь неизведанного космоса, уже пилотируемая экипажем Гарри Хьюмена. Для

этих задач он имел на борту свою технику, до которой моему экипажу не было дела.

Да, допустим, что она есть.

Но он предлагает не возвращаться на «Альфу»!

Он говорит о каких-то военных разработках, имплантируемых в живую ткань метаболических преобразователей, которые смогут дать людям шанс выжить в самых невероятных условиях. Он предлагает терраформировать планеты при помощи этих роботов, говорит, что одержит верх и над буйством звезды, и над местной биосферой… нет, мне все же кажется, что он бредит! Я признаю, что доля самоуверенности никогда не вредит, но ведь на кону стоит не пара бутылок бренди, а полмиллиона человеческих жизней!

19 ноября 2207 года. 20:17.

Опять до хрипоты спорил с Хьюменом.

Ситуация усугубилась до критической черты. Начались настоящие перебои с энергией, «Альфа» умирает, в части криогенных модулей из-за дефицита энергоснабжения автоматика переключилась в аварийный режим и инициировала процесс экстренного пробуждения.

Говоря проще, через пару суток мы получим проблему в виде нескольких тысяч пробудившихся колонистов. Они восстанут из объятий ледяного сна, и мы окажемся в патовой ситуации: их негде разместить и обеспечить всем необходимым, но еще проблематичнее окажется вразумить людей. Не думаю, что пробудившиеся очень обрадуются, когда узнают, что мы неведомо где, а сам корабль находится на краю гибели.

А ведь их пробуждение не решит проблемы энергии. Дальше ситуация начнет усложняться, и через неделю на борту станет негде яблоку упасть.

Теперь мне уже ничего не остается делать, кроме как согласиться с предложением Гарри.

Он заявил, что возьмет руководство колонией на себя. Я не возражал, но выдвинул встречные условия: пусть десантирует своих чудо-роботов на первый, мертвый спутник газового гиганта. Если они окажутся в состоянии его преобразовать, это станет подарком судьбы, спасением для выживших.

Остатки активной массы разгонят «Альфу» по такой траектории, что она совершит незаконченный виток вокруг второй планеты, во время которого мы будем вынуждены отстрелить все модули со спящими людьми и высадимся сами. По моим расчетам, корабль к тому времени уже будет

мертв, остаточной энергии хватит лишь на поддержание аварийных функций.

«Альфа» обогнет планету и уйдет прочь, по вытянутому эллипсу углубляясь в газово-пылевые облака туманности.

Спустя шестьдесят лет корабль вновь вынырнет из облаков и вернется к планете. Если к тому времени колония выживет, то наши потомки смогут подняться на борт корабля и…

Времени на сборы и подготовку к десантированию осталось мало — не более двух-трех часов, пока длится разгон.

Дальше тратить время на записи не могу. Сейчас удалю из памяти машины все лишнее, оставлю только эти записки. Они — отражение моих мыслей. Все обоснования наших действий, расчеты, точная хронология катастрофы — в бортовом журнале.

Да поможет нам бог…

19 ноября 2207 года.

Первый сменный капитан колониального транспорта «Альфа»

Сергей Николаевич ГЛАТЫЩЕВ.

Дочитав последнюю строчку, Вадим еще некоторое время сидел, не в силах оторвать глаз от экрана компьютера.

«Да поможет нам бог…»

Капитан надеялся, что им удастся выжить на поверхности второго спутника газовой планеты, не деградировать, не потерять знания, сохранить и передать потомкам сведения о цивилизации, о Земле, о колониальном транспорте.

Реальность же дня сегодняшнего предлагала совершенно иное.

Спустя бездну веков «Альфа» продолжала следовать по эллипсу орбиты, каждые шестьдесят лет огибая газовый гигант и вновь уплывая к облакам туманности.

Никто не ждал ее очередного возвращения.

В чистой от водородно-пылевых скоплений прослойке пространства царили какие-то биомеханические формы, разительно не похожие ни на один известный Вадиму образчик человеческой техники.

Сомнительно, что колония на второй планете выжила.

Но ведь был еще кто-то, кто пытался связаться с ним, если не

допустить, конечно, что слово «БЕГИ», возникшее на мониторе криогенного отсека, являлось его бредом!

Неразрешенным остался и вопрос, каким образом он попал на «Альфу»?

Подняв глаза, Вадим окинул взглядом приборные панели и вдруг понял, что терминал медленно умирает.

«Черт побери!»

Энергия плазмоида истощается, а он сидит тут в раздумьях!.. Плазмоид… Его единственная связующая нить с той силой, которая управляла энергетическим мячиком!..

Пальцы Полуэктова легли на сенсоры буквенной клавиатуры.

Не зря ведь плазмоид так послушно сошел с его оболочки в кабель питания!

Эта мысль почему-то только сейчас осенила его.

Он очистил экран монитора от записей, оставив лишь черный фон и мигающий курсор на нем.

Чего он ждал? На какое откровение рассчитывал?

Несколько минут прошли в гробовой тишине томительного ожидания. Черное окно монитора, мерно пульсирующий значок курсора, тускнеющие индикаторы питания и…

Буквы начали появляться внезапно, когда Вадим уже усомнился в здравости своих догадок.

П… П… П… О… О… М… О… Г… И… М… Н… Е…

Пальцы Полуэктова вдруг стали чужими, непослушными.

КТО ТЫ? — быстро набрал он.

Наступила долгая пауза. Собеседник, так внезапно вышедший на связь, не торопился… или же затруднялся адекватно ответить на заданный вопрос?

Тем временем индикаторы компьютерного терминала уже начали набухать цветом спелой вишни: еще чуть-чуть, и энергия плазмоида иссякнет вовсе…

«Как же я не догадался сразу? Сидел ведь столько времени, читал записки Глатышева…»

Досадуя на себя, Вадим хотел было набрать новый вопрос, но в этот момент курсор самостоятельно сошел с исходной точки, оставляя за собой новые буквы:

Я… Я… У… М… И… Р… А… Ю…

Палец Вадима застыл в воздухе. «Кто — „я“?!»— подумалось ему. Время убегало, нужно менять формулировку вопроса. Важно знать, кто

связывается с ним, иначе все остальное теряло смысл!…

ТЫ НА БОРТУ «АЛЬФЫ»? — набрал он.

На этот раз ответ пришел спустя несколько секунд:

Н… Е… Т…

«Значит, сложностей с языком не испытывает! Вопрос пространственного расположения понимает…»

Пока он лихорадочно размышлял, курсор вновь сдвинулся с места:

Ф… А… Г… И… У… У… Б… И… И… В…

Фраза почему-то осталась незаконченной.

ГДЕ ТЫ НАХОДИШЬСЯ?

Ответа на заданный вопрос Вадим не получил. Курсор моргал, остановившись на одном месте, в конце набранной им фразы.

Опять потянулись минуты ожидания. Вязкая, осязаемая тишина облепила его со всех сторон, она давила на разум, напоминая о простирающихся вокруг полумертвых коммуникациях древнего корабля, о его одиночестве, о безвыходности положения.

Вадим набрал еще несколько вопросов, но безрезультатно. Связь оборвалась так же внезапно, необъяснимо, как возникла.

Минут через десять он понял, что ждать бесполезно. В какой-то момент надписи на мониторе стали тускнеть, потом экран на секунду вспыхнул бледным мерцанием и погас, теперь уже окончательно.

Вадим посмотрел на индикаторы питания. Они не светились. Энергия плазмоида иссякла.

* * *

Запоздало корить себя за чтение записок капитана Глатышева Вадим не стал.

Сделанного не вернешь. Некоторое время он сидел в кресле перед омертвевшим терминалом, размышляя обо всем, что узнал за последний час.

Предположение о том, что на связи с ним был бортовой компьютер колониального транспорта, Полуэктов отмел сразу — такая гипотеза не выдерживала ни малейшей критики: стал бы бортовой кибермозг корабля терпеливо ждать, пока он прочтет дневник бывшего капитана? Конечно, нет. Что ему стоило влезть в программу просмотра, прервать ее исполнение и начать диалог? Да ничего не мешало! Вадим нагнулся, заглядывая за терминал. Кабели сетевого соединения находились на своих местах, подключенные к разъемам. На всякий случай он воткнул на место и вилку питания, но ничего не изменилось, комплекс по-прежнему оставался мертв.

Хотя следовало учесть, под потолком каюты тускло горел аварийный плафон!

Нет, однозначно, бортовой компьютер «Альфы» тут совершенно ни при чем.

Тогда кто?

Цепь событий опять не укладывалась в рамки логики.

Непонятный космический корабль атаковал его на входе в систему. Неизвестная сила перенесла на «Альфу». Затем появился биомеханический робот, гонявшийся за ним по лишенным атмосферы коридорам, а представитель самой страшной пространственной формы жизни, какую встречало Человечество на пути своей экспансии в галактику, закончил самопожертвованием, сначала спасая его в вакууме, а затем отдав себя в качестве энергии компьютерному терминалу… чтобы некое существо без имени могло перекинуться с ним парой слов…

Информация… Вот чего не хватало Вадиму, как воздуха.

* * *

Покинув каюту капитана Глатышева, он пошел в сторону второй переборки, за которой начинались жилые отсеки резервного экипажа «Альфы».

Мысли в голове бродили невеселые.

После потери «Гепарда» он лишился возможности возвращения. Ни один аппарат на борту «Альфы» не был снабжен гипердрайвом, поэтому, прежде чем соваться куда-либо, следовало выяснить судьбу своего космического истребителя. Не хотелось даже думать о том, что тот канул в пучине пространства. Тогда Вадима ждала совершенно незавидная перспектива, о которой он предпочитал пока что не думать.

Миновав переборку, он тщательно обследовал следующие триста метров жилого отсека.

Здесь в отличие от предыдущих помещений царил относительный порядок. Вещей, разбросанных по полу, практически не встречалось — подчиненные Гарри Хьюмена были людьми военными, приученными к дисциплине, да и разбудили их перед самой эвакуацией с «Альфы».

Исследуя коридор, Вадим наткнулся на еще одно важное отличие этого сектора. Спальных помещений было столько же, но между ними, за счет сокращения пространства холлов, конструкторы «Альфы» втиснули узкие, пеналообразные комнатки для хранения оружия.

Двери одной из них были распахнуты настежь.

Впрочем, ожидание на этот раз подвело. В какой бы спешке ни

проводилась эвакуация, но оружие члены экипажа забрали, все подчистую. Не удовлетворившись таким выводом, Вадим вернулся назад по коридору и долго возился с замками запертых комнат, пока в одной из них на полу ему не попался странный, непривычного вида автомат, с примкнутым магазином.

Внимательно осмотрев находку, Полуэктов понял, что в руках у него реликт системы, о каких он лишь слышал. Отстегнув магазин, Вадим сначала не понял, что в нем не шарики, которыми стреляет импульсное оружие, а *патроны*!

Выщелкнув один из них в ладонь, он рассмотрел гильзу, которую видел впервые, затем каплеобразную пулю с острым концом… «Пороховое… С ума сойти…»

Впрочем, в его положении выбирать не приходилось. В вакууме от такого оружия толку никакого… но все же он взял автомат, предварительно разобравшись в том, как работает его механизм. Патроны он пересчитал и снова возвратил в магазин. «Неплохо было бы найти еще», — подумал Вадим. Двадцать пять зеленых цилиндриков с впрессованными пулями не казались ему солидным боекомплектом.

Потратив еще немало времени на осмотр оружейных комнат, он обнаружил электронный бинокль в чехле, какой-то незнакомый навесной прибор к оружию, да стопку пожелтевших инструкций, отпечатанных на пластбумаге.

Негусто, но приходилось довольствоваться.

* * *

До отсека шатлов Полуэктов добрался спустя несколько часов.

Переступив порог очередного шлюза, Вадим внезапно оказался в невесомости. На вмонтированном в переборку информационном экране тускло горела предупреждающая надпись:

«Внимание, декомпрессия!»

Отсеки по ту сторону защитной преграды были разгерметизированы. Закрыв забрало гермошлема, Вадим тщательно проверил системы скафандра и только после этого включил механизм переходной камеры.

В этой части вращающегося корпуса «Альфы» царил мрак. Разнообразные предметы опять плавали в невесомости, неожиданно появляясь в поле зрения. Плечевые фонари скафандра освещали покрытые голубоватым инеем стены, полные мусора вертикальные колодцы погрузочных шахт, по которым когда-то медленно проползали челночные корабли, получавшие грузы из расположенных вокруг ствола отсеков.

Вадим не стал исследовать грузовые палубы, но потратил много времени, плавая в темноте стартовых шлюзов. Все они оказались пусты; в вакууме парили раскрутившиеся шланги стационарного обслуживания, присутствовал и брошенный инструмент, а в одном месте он наткнулся на массу грузовых контейнеров, похожих на оброненные в невесомость кубики.

Его надежды постепенно таяли вместе с запасом кислорода в регенераторе скафандра. Оказаться заточенным на неопределенный срок внутри погибшего колониального транспорта казалось ему слишком безрадостной перспективой. Семь километров полуживых коммуникаций древнего корабля, конечно, были преодолимы, но, даже достигнув управляющей полусферы, чем он изменит существующее положение вещей?

Единственным разумным выходом для него был немедленный поиск покалеченного лазерным лучом «Гепарда», который, по логике вещей, должен был находиться где-то поблизости, дрейфуя в пространстве неподалеку от «Альфы».

* * *

В конце концов поиски Вадима увенчались успехом. Правда, это не был его «Гепард».

Он обнаружил челночный грузовой корабль, когда уже начал серьезно задумываться о возвращении в район жилых отсеков для вынужденной передышки и смены реактивов в регенераторе скафандра.

Шатл, закрепленный двумя опорными фермами, висел в стартовой позиции, напротив открытого прямоугольного провала.

Сердце Вадима глухо стукнуло при виде форм отделяемого аппарата. Он был похож на «Альфу» в миниатюре: та же трезубая вилка ходовых секций, цилиндрический корпус, только нос был конусообразным, а не полусферическим.

«Интересно, почему он не стартовал?» — подумал Полуэктов, разглядывая чернь космического пространства за прямоугольным провалом открытого вакуум-створа.

Попав на борт корабля через открытую грузовую рампу, он увидел пустой отсек, в котором болтался один-единственный контейнер.

Челнок просто не успели загрузить, а открытый вакуум-створ говорил о том, что все внешние ворота шлюзов капитан Глатышев распорядился открыть заранее, пока в бортовой сети «Альфы» еще оставалась энергия.

Вытолкнув контейнер наружу, чтобы не болтался в отсеке челнока во

время старта, Вадим подождал, пока он уплывет во мрак. Убедившись, что тот не отрикошетил от стен шлюза, а исправно канул в глубины транспортной шахты, Вадим добрался до переборки, отделявшей кабину пилота от грузовой части корабля.

Внутри отсека управления обнаружились два кресла, разделенные выступающими приборными панелями.

Пришлось еще раз мысленно сказать спасибо Покровскому, который составлял список информационных баз данных для закачки их в память Вадима перед началом операции: взглянув на органы управления челноком, он понял, что узнает их…

Правое кресло принадлежало пилоту, левое по необходимости мог занимать экспедитор, сопровождающий груз. Иных пассажирских мест на борту не предусматривалось.

Вадим сел в кресло пилота, пристегнулся, застыл на некоторое время, внимательно *вспоминая* окружившие его приборные панели, потом медленно поднял руку, коснулся пальцем одного сенсора, другого…

Странно испытывать ощущение «дежавю», когда точно знаешь, что оно имплантировано в твою память

Чем импонировала Вадиму древняя техника — это своей надежностью. Да, большая часть управления тут осуществлялась вручную, корабль был массивным, не очень-то поворотливым, его бортовой компьютер можно было обозначать таким термином лишь с большой натяжкой на древность, но какой из современных кораблей, перенасыщенных электроникой, способен ожить спустя тысячу лет забвения?

Здесь же процедура реактивации оказалась проста и незатейлива, как все гениальное. Механическое нажатие на заглубленный в специальную нишу стержень сломало тонкую перемычку между двумя емкостями с порошкообразными реактивами, которые, соединившись, превратились в аварийный источник питания, вырабатывая стартовый ток.

Прошло несколько минут, и на приборных панелях вспыхнули первые огоньки включившихся систем.

Вадим смотрел на них, испытывая благоговейный трепет перед предками.

«Надо же было создать такую технику!..»

Впрочем, кораблю, помещенному в вакуум, не грозили никакие разрушения под влиянием внешней среды — тут не было атмосферы, которая окисляет металлы, не было воздействий перепадов температур, а от механических повреждений, опасность которых исходила со стороны

разреженных газопылевых облаков туманности, шатл по-прежнему защищала броня «Альфы».

…По корпусу челнока прошла ощутимая вибрация — это заработал механизм, запирающий грузовую рампу.

Оставалось выяснить последний, наиболее важный вопрос: хватит ли энергии, поступающей в бортовые накопители, чтобы инициировать зажигание в камерах двигательных секций?

Вадим прочел строки сообщений на мониторах, пристегнул ремни и коснулся сенсора с текстоглифом, шифрующим последовательность команд, отвечающих за автоматический старт.

* * *

В космос челнок вышел на реактивной тяге.

Резкая, непривычная стартовая перегрузка вдавила Вадима в кресло, но спустя несколько секунд ускорение прекратилось, тело вновь потеряла вес, и по внутренностям пробежал неприятный холодок.

Не обращая внимания на мелкие неудобства, он сосредоточился на приборах.

Радар уже обшарил прилегающее к «Альфе» пространство, отметив колониальный транспорт жирным, постепенно гаснущим пятном.

На экранах обзора картина складывалась несколько иная. По правому траверсу курса проплывал зеленовато-голубой, растянувшийся в половину обозримого пространства полумесяц второй планеты, в лобовых мониторах неподвижно застыл пухлый, светло-коричневый шар газового гиганта, отчего челнок казался зажатым между их давящими массами. Левая часть экранов показывала далекое, красноватое сияние газопылевых облаков туманности. «Альфа» по сравнению с планетами казалась теперь крошечной. Колониальный транспорт быстро удалялся, превращаясь в небольшую светлую засечку на единственном экране заднего обзора

Взгляд Вадима беспокойно метался между показаниями приборов и внешними мониторами. Он не привык к такому куцему, фрагментарному обзору, а древние приборные панели, светящиеся десятками шкал, рассеивали внимание, заставляя напрягаться, чтобы прочесть их показания.

Часто заморгал, сопровождая свое требование звуковой индикацией, автопилот. Машина хотела, чтобы ей ввели ориентиры для прокладки курса, но Вадим еще не решил, возвращаться ли ему к «Альфе», пытаясь состыковаться с носовой частью колониального транспорта, или же сразу приступить к поискам покинутого «Гепарда».

Его сомнения внезапно разрешил поисковый радар.

Система оповещения тревожно взвизгнула, привлекая внимание пилота. Вадим посмотрел на мерцающую плоскость экрана, совсем не похожего на современные масс-детекторы, и понял, что поисковый луч зацепил не менее десятка объектов, двигавшихся наперерез его курсу компактной группой точек.

Взяв управление на себя, он повернул челнок таким образом, чтобы уклониться от лобовой встречи и пропустить их в пределах разрешающей способности боковых видеокамер.

Памятуя о столкновении с «Черной Розой», не стоило рисковать, подпуская их слишком близко. Вадим включил максимальное увеличение, какое могли дать видеокамеры транспортного корабля, одновременно доворачивая челнок в сторону исполинского полумесяца второй планеты.

Изображение на экранах появилось спустя несколько минут.

Сначала он увидел движущийся на фоне облачности газового гиганта рой черных мушек, затем они выросли, с каждой секундой обретая конкретные контуры.

Темные точки продолжали укрупняться, их было девять, и по внешнему виду маленькие космические корабли разительно напоминали транспортный челнок, в кабине которого сидел Вадим. Единственное, но очень существенное отличие состояло в структуре брони — у группы неизвестных кораблей она была иссиня-черной и имела странный, чешуйчатый рельеф.

Они по-прежнему двигались своим курсом, не обращая внимания на транспортный корабль, чьи видеокамеры неотрывно следили за их перемещением в пространстве.

Вадим сориентировал автопилот, дав тому задание просчитать движение объектов.

Пока бортовая электроника работала над задачей курса, он рискнул еще чуть сократить дистанцию в надежде получше рассмотреть детали встреченных машин.

Изображение на экранах продолжало медленно укрупняться, и спустя некоторое время Вадим смог различить, что в центре тесной группы черных кораблей двигается иной объект.

Черт побери, это был его «Гепард»!

* * *

В первый момент им овладело вполне понятное глухое отчаяние.

Космический истребитель, его единственная надежда на возвращение в человеческие миры, на глазах уплывал в неизвестность, следуя под

конвоем из восьми чужих кораблей.

Посмотрев на расчеты, произведенные автопилотом челнока, он понял, что они буксируют «Гепард» к первому спутнику газового гиганта — огромному, темному планетоиду, чья атмосфера клубилась зловещей, черно-серой облачностью, больше похожей на выбросы пепла от извержений, чем на нормальные облака.

Корабли, пленившие «Гепард», по-прежнему двигались тесной, компактной группой.

Вадим понимал, что не в силах им помешать. Приблизиться к конвою он не мог. На борту челнока не было никакого вооружения, да и его ходовые качества никак не годились для конфронтации с черными кораблями.

Оставалось одно: следовать за ними на почтительном удалении в надежде определить, куда именно они буксируют покалеченный космический истребитель.

Вадим не мог отделаться от ощущения, что вынужден следовать слепо силе обстоятельств, раз за разом проигрывая навязанное ему непонятное противостояние.

Некоторое время он продолжал удерживать дистанцию, не теряя конвой из виду, но и не приближаясь к нему. Челночный грузовой корабль имел совершенно недюжинную силовую установку маршевой тяги, в основу которой земные конструкторы положили все тот же работающий на водороде реактор термоядерного синтеза гелия, так что Вадим мог не опасаться — запас хода у его корабля был огромный…

Минут пятнадцать конвой продолжал движение, не обращая внимания на челнок, следовавший тем же курсом.

Серп второй планеты уже начал медленно сползать с боковых экранов, перемещаясь в сектор заднего обзора, когда четыре черных корабля внезапно отделились от группы.

Вадим был вынужден резко изменить курс и включить режим торможения. Пока он выполнял маневр, дистанция между ним и чужими кораблями сократилась. Ситуация развивалась стремительно и грозила серьезными осложнениями. По опыту своего появления в данной системе Вадим не ждал ничего хорошего от черных кораблей.

Закончив маневр торможения, он развернул челнок, и, пока автопилот корабля ложился на новый курс, у Вадима появилась возможность обратить внимание на экраны.

Четыре объекта хоть и отделились от общей группы, но их действия не несли в себе определенной логики: они попросту отстали от остальных,

по непонятной причине сбросив скорость до минимума.

Несомненно, в основе их конструкции лежало типовое шасси: невозможно было проигнорировать очень характерную вилку ходовых секций в хвостовой части, цилиндрический корпус, конусообразный нос. Отсутствовали лишь короткие атмосферные крылья, и броня кораблей, как он уже заметил, не имела ничего общего с серебристой обшивкой колониального транспорта.

Черные пластины их корпусов наслаивались друг на друга, словно рыбья чешуя.

Вадим наблюдал за ними, все еще не понимая смысла совершаемых на его глазах действий. Четыре корабля кружили в пространстве; они словно потеряли цель, выписывая сложные пируэты, при этом пластины их брони то приподнимались, то опадали, словно их ерошил ветер.

Включив максимально возможное увеличение, он смог рассмотреть легкую дымку, муть рассеянного в пространстве газового облака, и понял, почему черные корабли кружили на одном месте.

ОНИ ЗАГЛАТЫВАЛИ ВОДОРОД!..

* * *

Неприятный холодок пробежал по спине Полуэктова. Наблюдая, как *резвятся* четыре черных корабля, купаясь в легкой дымке рассеянного водородного облака, как спонтанно, нелогично, но удивительно красиво они меняют свой курс, Вадим все отчетливее понимал: такое поведение не программируется, в нем нет никакого смысла с точки зрения рациональности. Подобным образом может вести себя лишь *организм*…

Один из черных кораблей внезапно перестал кружить. Казалось, что-то насторожило его: он резко затормозил, пластины чешуйчатой брони плотно прижались друг к другу, превратив обшивку в настоящий монолит.

Если он являлся *существом*, как интуитивно предположил Вадим, то его агрессивность не стоило недооценивать.

Всего лишь несколько секунд корабль висел в легкой дымке рассеянных газовых частиц, затем резко сорвался с места, устремившись к незваному гостю, присутствие которого уловили его сенсоры.

Вадим понял, что назревают новые проблемы, когда один из черных кораблей внезапно сорвался с места и рванулся в его сторону, за несколько секунд превратившись из смутной, едва различимой точки в конкретный зловещий контур.

Не видать ему «Гепарда» как своих ушей… Унести бы ноги…

Перехватив управление у медлительного автопилота, он сумел

уклониться от стремительной атаки, одновременно определив, что серьезно проигрывает как в скорости, так и в маневренности. Может, в основе этой черной бестии когда-то и лежала стандартная схема спускаемых аппаратов с борта колониального транспорта «Альфа», но за прошедшие века кто-то сильно поработал над ней, существенно улучшив тактико-технические характеристики исходной машины.

Беглый взгляд на приборы показал, что три точки уже пристраиваются к нему в хвост, повторяя действия своего ведущего.

Ситуация стремительно ухудшалась, осложняясь еще и тем, что Вадим не мог довериться автоматике челнока. Бортовой компьютер грузовой машины проектировался, исходя из требований сугубо мирных, и не был приспособлен к стремительным маневрам на пределе прочности металла и выносливости человеческого организма.

Оставался один выход — выкручиваться самому.

Развернув корабль в сторону второй планеты, он загнал столбик ускорения за красную черту, а сам, превозмогая мгновенно навалившуюся перегрузку, взял управление струйными боковыми двигателями ориентации.

Выжить Вадиму помогла интуиция, помноженная на богатый опыт пилотирования. Выяснилось, что челнок с «Альфы» и современный космический истребитель управляются почти одинаково в том случае, когда автоматика не принимает участия в процессе.

…Четыре точки, соединившиеся на экране радара в тесную группу, стремительно приближались, неумолимо настигая безоружный челнок.

Вадим в эти роковые секунды не испытывал ничего, кроме мрачного раздражения. Его опять гнали без каких-либо попыток контакта — это уже становилось какой-то порочной практикой с непонятными ему мотивами.

Уклонившись от атаки первого корабля, он надеялся, что от него отстанут… но нет, преследование не прекратилось. Дальномеры навигационной системы постоянно фиксировали сокращение дистанции, уже через пару минут предложив Вадиму цифру всего лишь в двадцать километров…

Скверно… Слишком шустрые..

Он продолжал форсировать двигатели, одновременно успевая следить за приборами и вынужденно сопротивляясь оглушающей перегрузке.

Черные корабли атаковали без изысков: зашли в хвост и терпеливо «повисли» в оси курса, дожидаясь, пока скажется их явное преимущество в скорости.

Планета, к которой уходил челнок, приближалась слишком медленно.

Каким бы бортовым вооружением ни обладали черные корабли, становилось ясно, что они выйдут на дистанцию эффективного огня раньше, чем грузовой корабль успеет нырнуть в спасительную для него атмосферу.

Вадим выжимал из древней машины все, что мог. Дрожащий световой столбик индикатора перегрузок медленно карабкался вверх; пилота буквально распластало по креслу, мышцы дрожали, ладони взмокли под гермопластиком перчаток, но в этот момент он боялся лишь одного: выдержало бы сознание, не отключилось бы в самый критический, неподходящий момент.

Сдаваться он не собирался. В конце концов на «Альфе» было хуже, там он ощущал низводящую разум ирреальность происходящего, здесь же, как ни крути, все складывалось погано, но привычно: четверо на одного — нормальная, штатная ситуация… А на центрифуге в учебном центре бывало и хуже — сознание не выдерживало уже через пару минут…

Эти злые, растрепанные мысли, не совсем логичные, может быть, помогали ему сохранить самообладание.

Вадим покосился на экраны и сосредоточился на показаниях дальномера, машинально скинув пальцем предохранительную скобку с гашетки двигателей боковой коррекции.

Семь километров… Шесть пятьсот… Шесть триста…

А вот с такими маневрами вы знакомы?

Одновременная коррекция четырьмя струйными двигателями правого борта снесла челнок с прежнего курса, швырнув его вбок.

Вадим понял, что угадал и дистанцию огня, и момент. Несколько лазерных разрядов промелькнуло по правую руку, бессильно рассеявшись в пустоте.

Знать бы, насколько развита у них логика…

Импульс левого борта вернул челнок в ось прежнего курса, заставив корабль совершить еще один прыжок «боком». В воздушной среде такие фортели не проходят, поэтому пилоты и делятся на пространственных и атмосферных. Редко кому удается сочетать в себе оба умения, на что и надеялся Вадим, упрямо придерживаясь рискованного курса. По отсутствию коротких крыльев он предположил, что черные корабли не рискнут лезть под покрывало густой облачности.

Планета под ним разрасталась, ее серп потерял свою четкую границу между светом и тьмой, линия терминатора смазалась, расплылась, и теперь уже стала видна не только дневная, но и ночная сторона незнакомого мира, куда как раз и падал челнок

Черные корабли, сбитые с толку его маневром, вновь пристроились в хвост, терпеливо сокращая дистанцию

Пришлось повторить.

Пред глазами Вадима от предельных, меняющих вектор перегрузок уже плавали оранжевые круги. Бесконечно «прыгать» из стороны в сторону он не мог — пора было тормозить, приборы уже начали фиксировать нагрев внешней обшивки от ее соприкосновения с первыми молекулами воздуха, и он рисковал просто сгореть на такой скорости.

Черные корабли опять опасно приблизились. Обшивка челнока стремительно нагревалась. На пульте управления уже вспыхнуло несколько тревожных сигналов, в переборках возникла, но тут же погасла вибрация. Про прыжки на маневровых двигателях следовало забыть.

В такие секунды решающим все же оказывается не разум, а подсознание. Вадим сделал все, что мог, дотянув до кромки стратосферы, не дав сжечь себя разрядами когерентного излучения, и теперь у него оставались считанные мгновения на последний шаг, действие, которое станет либо роковым, либо спасительным.

Скользнув взглядом по счетчику дальномера, он резко отжал рули, выдирая челнок из назревающего штопора, отпустил рукояти управления и стремительно коснулся нескольких кнопок с характерными текстоглифами команд:

«Тормозные двигатели — полная мощность».

Планета вздыбилась на экранах, опрокинулась, уходя, заваливаясь вверх и вбок, камеры на миг ослепли от выхлопа носовых дюз, но преследователи уже упустили свой шанс: их по инерции пронесло вперед. Обогнав объятый пламенем двигателей челнок, они вынужденно нырнули в атмосферу планеты и тут же начали разворот, стремясь как можно быстрее выкарабкаться вверх к спасительной для них черноте безвоздушного пространства.

Вадим не видел, как, словно хлопья сажи, отлетают от них чешуйки перекаленной брони, — торжествовать и наблюдать не было времени. Транспортный корабль будто взбесился, его переборки дрожали, брошенные рули перед креслом пилота несколько раз самостоятельно дернулись, когда корабль закрутило вокруг оси, опять опрокидывая в штопор, и тошнотворное ощущение невесомости оказалось едва ли не худшим, чем перегрузка, но он все же поборол мгновенную слабость, сумел вовремя дотянуться до пульта, возвращая автоматике отобранные у нее функции.

«Автоматический режим посадки — включено».

«Выбор места по усмотрению автопилотов».

Буквально через мгновение новая перегрузка ударила по измученному телу Вадима — это реабилитированный бортовой компьютер перехватил управление, стабилизируя полет многотонной машины.

Много в его жизни было посадок, но такую он переживал впервые.

Прежде чем корабль пересек размытую линию терминатора и канул в ночь, он успел увидеть, как на прояснившихся внешних экранах разлетелись в разные стороны рваные кучевые облака и внизу блеснула черная гладь океана. С высоты в несколько километров был отчетливо виден узкий пролив между двумя материками планеты, и Вадиму показалось, что на одной стороне он видит смутные очертания каких-то построек, но челнок уже утащило дальше, за пролив, и теперь он снижался, падая пылающим болидом к темнеющей у горизонта кромке мрачного, непроходимого леса…

Все это слилось в жуткий калейдоскоп обрывочных ощущений.

Вадим до самого последнего мига оставался в сознании. Он ощущал каждый импульс торможения, и его тело болезненно сотрясалось вместе со стонущими переборками.

Удара об землю, самого момента касания, он не почувствовал — Вадим пропустил его в общем взрыве болезненных перегрузок, — просто вдруг наступила оглушительная, неправдоподобная тишина.

* * *

Лес синел сплошной стеной, таинственный и мрачный, кажущийся в красноватом сумраке безоблачной ночи совершенно нереальным. Он был какой-то настороженный, угрюмый.

В небе тускло сиял неживым, отраженным светом занимающий полнебосвода диск газового гиганта.

Вадим с трудом выбрался из корабля.

Ноги, отвыкшие от нормальной гравитации, подкосились, и он со стоном рухнул на колени.

Вокруг царила звонкая тишина, в которой было отчетливо слышно, как потрескивает остывающий корпус челнока. Вадим не ощущал жара, исходящего от обшивки, но видел, как светятся раскаленные пластины потемневшей брони. Корабль стоял, чуть покосившись, в выбитой при посадке воронке. Он опускался вертикально, опираясь на мощные столбы плазмы, и буйство ядерного огня выжгло остекленевшее углубление в спекшейся почве.

Если вокруг и была какая-то живность, то она наверняка разбежалась,

напуганная посадкой космического гостя.

Пошатнувшись, он встал, отошел на несколько сот метров от корабля и только тогда осмотрелся.

Под ногами была твердая, вероятно, глинистая и очень сухая почва, из которой торчали редкие клочья пожухлой травы. Ландшафт оказался самым разнообразным: за спиной темнел лес, впереди на несколько десятков километров простиралась пустошь, плавно переходящая в цепь прибрежных холмов, поросших густым кустарником. Вдали, у горизонта, отсвечивало багряными бликами водное пространство — вероятно, тот пролив, который он успел заметить при снижении.

Некоторое время Вадим осматривал окрестности.

Он не собирался посещать этот мир, но судьба распорядилась иначе. Ночь, похожая на красные сумерки, царила вокруг, молчаливо взирая с небес на крохотную человеческую фигуру. Вадим задрал голову, посмотрел на тусклый, неполный шар газовой планеты. Сверху на него действительно взирал огромный глаз — воронка атмосферного циклона, движущегося в экваториальной области ущербного диска, была четко различима даже отсюда. Если отбросить мелкие различия, то это «око» разительно напоминало Большое Пятно, открытое в атмосфере Юпитера много веков назад и существующее до сих пор.

На душе было нехорошо, неспокойно. Он опустил взгляд, посмотрел под ноги. Неужели все кончено и он обречен провести остаток своей жизни тут, на совершенно чуждой ему планете?

Обернувшись, он нашел взглядом покосившийся челнок. Сможет ли корабль еще раз подняться вверх?

«А зачем?» — подумал Вадим.

«Гепард» теперь не вернешь, до станции «Гамма» несколько световых лет, и на борту научного комплекса даже не подозревают о наличии в туманности этой звездной системы. Его устройство для одноразовой гиперсферной связи осталось на борту истребителя. Вадим не успел воспользоваться им. Значит, о его приблизительном местоположении знает сейчас лишь Покровский.

Он окинул хмурым взглядом сумеречные окрестности и побрел назад, к челноку. Усталость после беготни по коридорам «Альфы» и катастрофической посадки казалась неимоверной. Есть не хотелось, да и спать тоже, просто тело напилось свинцовой тяжестью, мышцы, измочаленные перегрузками, ныли тупой, засевшей внутри болью.

До утра надо было запереться в корабле, найти способ отдохнуть, сбросить невероятное напряжение прожитых суток.

«До утра…» — мысленно пообещал себе Вадим. — «А там посмотрим, возможно, не все так плохо, как кажется?»

Глава 6

Сгорбленная фигура, облаченная в свободно ниспадающий мешковатый балахон, скроенный из грубой ткани, притаилась на вершине прибрежного холма.

Густая поросль кустов скрывала человека, помогая оставаться незамеченным, а бесформенная одежда не позволяла угадать его пол и возраст.

Рассвет едва начал вступать в свои права; прохладные багряные сумерки ночи стали к этому часу лишь чуть-чуть бледнее, теряя сочную, таинственную густоту красок.

Вадим опустил электронный бинокль.

Поежившись от холода, он осторожно сдвинул маскирующие его ветви и повернулся на бок.

Два часа назад он покинул челнок, направившись в сторону побережья. Ему не давали покоя постройки на том берегу пролива, которые он видел во время посадки. Нужно было проверить их хотя бы визуально.

Идти решил налегке. Скафандр был слишком громоздким, тяжелым для двадцатикилометрового перехода по незнакомой местности, поэтому он ограничился дыхательными фильтрами, вставленными в нос. Компактный преобразователь, заряженный обоймой таблеток, удобно расположился на поясе. От него под рубашкой шла тонкая трубочка, которая заканчивалась имплант-инъектором, который Вадим ввел в вену на бедре. Через несколько минут после этой операции он уже перестал ощущать внедренный прибор, который обогащал кровь кислородом, компенсируя его недостаток во вдыхаемом воздухе.

Десять минут назад, добравшись до цепочки прибрежных холмов, Вадим решил сделать короткую остановку, осмотреться, прежде чем выходить на открытое пространство отлогого пляжа.

Поднявшись на возвышенность, он расчехлил бинокль и, осматривая окрестности, практически сразу заметил эту сгорбленную фигуру, так же, как и он, скрывавшуюся в зарослях кустарника, только на вершине соседнего холма…

…Вокруг стало немногим светлее, в ложбине между холмами начал скапливаться клочковатый утренний туман. Вадим снова поднял бинокль, раздвинул ветви и продолжал наблюдать.

Странная фигура по-прежнему казалась бесформенной, безликой, но

Вадим не спешил и был вознагражден. При более внимательном, терпеливом наблюдении стали заметны некоторые новые детали: вот поднялась рука, отодвигая ветку, и он четко рассмотрел покрытую дряблой кожей, иссушенную старостью кисть с тонкими, нервными пальцами, изящный серебряный браслет, слишком свободно болтающийся на усохшем запястье, прядь седых волос, случайно выбившуюся из-под глубокого, надвинутого на самые глаза капюшона…

Через некоторое время последние сомнения отпали. На вершине соседнего холма притаился человек. Это была старая женщина, и наблюдала она за определенным участком отлогого побережья, который не был виден Вадиму за цепочкой уходящих к горизонту холмов.

* * *

Полуэктов оказался абсолютно прав в своих выводах. Притаившимся наблюдателем действительно являлась женщина преклонных лет.

Старуха знала, что смертельно рискует, так близко подобравшись к месту, где осуществили свою высадку Фаги, но у обитателей Скального Замка существовало правило: прежде всего себя подвергают опасности те, кто уже вплотную подошел к возрасту реинкарнации.

Умирать всегда больно и страшно… Она бы предпочла, чтоб смерть пришла во сне, тихо и безболезненно, но судьба в который уже раз распоряжалась иначе.

Скорчившаяся на земле фигура поежилась, передернула плечами под грубой одеждой.

Фаги, которые копошились на берегу чуть выше полосы пенного прибоя, на первый взгляд не внушали серьезных опасений. Выглядели они отсюда, как огромные, глянцевито-черные насекомые, закованные в невиданный хитин, и вели себя вполне безобидно: ползали туда-сюда, разгребая своими механическими конечностями горы песка, оставляли длинные следы-борозды, что-то волочили по пляжу, пятясь задом, — ну совсем как бестолковые столты где-нибудь на желто-сизой лесной прогалине…

До поры…

Старуха знала это. За узкой полосой пролива, над водами которого сейчас плавали зыбкие, перистые полосы утреннего тумана, лежал другой материк. Материк, который когда-то был ее родиной. Теперь же там не осталось ничего живого, все было начисто сметено, перекроено этими самыми псевдонасекомыми.

ПЕРЕПОЛЗЛИ… ПЕРЕБРАЛИСЬ…

Ее сердце охватила безысходность. Жутко было смотреть на копошащиеся в песке контуры биомеханических тел, потому что в памяти старой женщины они навек остались иными — жуткими, беспощадными, окруженными ореолом мерцающей силовой защиты…

«Откуда пришли вы, чтобы сломать нашу жизнь, превратить в прах все, до чего смогли дотянуться, возвести мертвые, бессмысленные города на пепелище тех мест, где десятки поколений процветал мой народ? Какой смысл в ваших сущностях?»

Сколько раз она задавала себе этот вопрос, но ответа не было. Его не знал никто из живущих.

«Живущих»… Это слово наполнило ее душу горечью. «Сколько нас осталось? — думала она, напряженно наблюдая за Фагами. — Десять тысяч? Меньше?»

Храмы были разрушены, а те, что уцелели, пугали своей пустотой.

Не раздавался больше смех пробудившихся сущностей в зонах реинкарнаций. Не было счастья — его вытоптали, выжгли эти пришлые ублюдки, извращенная пародия на жизнь, смертный грех в механической плоти.

Жить стало страшно и неуютно…

Старуха пошевелилась, откинула с глаз капюшон, мешающий посмотреть на небо, и утренним лучам пронзительно-голубого солнца открылось ее обветренное, испещренное морщинами лицо.

Когда-то она, несомненно, была очень красива, но время, неумолимое время наложило неизгладимый отпечаток на ее нынешний облик. Голубые глаза стали тусклыми, водянистыми, бархатистая кожа потемнела и сморщилась, темные волосы больше не сбегали к плечам упругими шелковистыми волнами — они поседели и стали похожи на космы…

Самое время, чтобы отдать последний долг тем, кого любишь…

Она посмотрела на небо, разглядела в его пронзительной лазури тусклый красноватый шар газового гиганта, ночной блеск которого уже затмил восход яркой, горячечно-голубой звезды, и ее губы прошептали:

— Помоги нам…

Горше всего было осознавать, что перед Фагами им не выстоять. Когда под их уничтожающей поступью падет последний храм, последний человеческий оплот, то все они перейдут в иную ипостась своего бытия — страшную и противоестественную, дав начало новым тысячам Фагов…

Она не ведала, как происходит страшное таинство превращения, но твердо знала: за той чертой, когда ее мозгом овладеет Фаг, уже не будет ничего, кроме чуждой черной воли. Если бы люди могли сохранить свое

сознание там, в чреве механических существ, то разве топтали бы они свою землю, разрушали бы все, чем дорожили, что любили прежде?

Конечно же, нет!..

Стать Фагом — значит умереть.

Окончательно и бесповоротно, без права и надежды на реинкарнацию, ибо внутри Фага оставался жить мозг, но погибала душа.

Знать бы, чьи вы исчадия, кто породил вас, какая лютая злоба пустила гулять по беззащитным просторам?

Нет ответа… Молчит прибой, лениво, равнодушно облизывая пляж, курчавится, тает под лучами солнца утренний туман, ползут прозрачные белесые полосы, оседая капельками утренней росы, но не на траве, а на этой жуткой броне…

Молчит и Он, владыка их душ, и непонятно, не то обещает помощь, не то сам втайне надеется на нее.

Задумавшись, она едва не пропустила момент, когда два десятка Фагов, лениво ползавших по влажному песку пляжа, начали то, ради чего, собственно, и переправились накануне через узкий, разделяющий два континента пролив.

Они выстроились в шеренгу, по два, и двинулись вперед, наступая на тот холм, где среди спутанных зарослей колючего кустарника притаилась наблюдавшая за ними старуха.

* * *

Вадим ровным счетом ничего не понимал в разыгрывающейся на его глазах сцене.

Местное светило взошло над горизонтом полчаса назад. За это время, пользуясь прикрытием тумана, он сменил позицию, перебравшись метров на шестьсот к востоку. Теперь он мог наблюдать за тем участком прибрежной полосы, который привлек такое пристальное внимание старой женщины. Сейчас пляж был скрыт молочно-белой мутью поднимающихся от водной глади пролива испарений, но в стылой тишине туманного утра до напряженного слуха доносились странные звуки: какой-то скрежет, царапанье, шуршание потревоженного песка…

…Через некоторое время зародившийся ветерок постепенно растащил перистые полосы тумана, и глазам Полуэктова открылась странная картина: два десятка темных, практически черных механизмов копошились во влажном песке отлогого пляжа, переползая с места на место и оставляя за собой глубокие цепочки следов.

Рассмотрев их в электронный бинокль, Вадим понял, что механизмы

имеют очень мало общего с тем существом, которое преследовало его на борту «Альфы». Их конструкция оказалась совершенно иной, конечности были жесткими, сочлененными шарнирным суставом, механизмы приводов не обвивали их снаружи, а прятались внутри.

Прошло пять минут, затем десять, полчаса…

Наконец минул час с того момента, как он обнаружил присутствие по соседству загадочных механизмов, и за это время никто не вылез изнутри машин, не вышел поразмять ноги или, на худой конец, просто справить нужду. Значит, автоматы были беспилотными…

Наконец, когда туман совершенно растворился в потеплевшем воздухе, в поведении машин обозначилась некоторая разумная система. Они прекратили свое бессмысленное ползание по песку и выстроились попарно, образовав двойную цепь.

Перегруппировавшись таким образом, два десятка насекомоподобных механизмов, похожих на черных, механических ос, медленно, неторопливо, пожирая метр за метром, поползли в сторону ближайшей к ним поросшей кустарником прибрежной возвышенности.

Полуэктов не шелохнулся, продолжая наблюдать.

Первые события развернулись на той границе, где из-под песка начинала пробиваться чахлая трава.

Внимание Вадима привлекло туманное облако, которое было выброшено одной из машин и разлетелось в виде мощной веерной струи. Вещество, под давлением бьющее из распылителя, повисло над почвой, заклубилось, приняв вид нездорового, желто-коричневого сгустка, потом начало медленно оседать вниз.

Когда туман рассеялся, Вадим направил бинокль на обработанный таким образом участок и понял — он только что стал свидетелем полного уничтожения всей органики.

Вместо желто-коричневой мути в воздухе витал какой-то пепел, приподнятый шаловливым утренним ветерком… Всю растительность словно бы слизнуло, оставив лишь голый, припорошенный прахом песок.

Снедаемый недобрыми предчувствиями, Вадим перевел бинокль к возвышенности, на вершине которой пряталась старая женщина.

В фокус прибора попало ее лицо — напряженное, бледное, с искаженными ненавистью чертами. Автоматы уже подобрались к самому подножию скрывавшего ее холма, и старуха привстала, заломив руки в непонятном жесте, словно хотела поправить растрепанные, выбившиеся из-под глубокого капюшона волосы.

В следующий миг воздух перед ней задрожал, подернувшись

струящимся маревом, и начал сгущаться, принимая форму призрачного шара размером с футбольный мяч.

Вадим совершенно не ожидал подобного оборота событий. Он непроизвольно вздрогнул, когда старуха вдруг резко толкнула ладонями воздух, отправляя призрачный шар в стремительный полет параллельно склону холма, навстречу машинам.

Спустя несколько секунд внизу сверкнула ослепительная вспышка. Механизмы, неторопливо обходившие холм, не ожидали атаки. Они шарахнулись в стороны, когда беззвучный взрыв взметнул в небо с центнер песка; пронзительно-голубое, холодное пламя на миг озарило их черные тела, затем гулко, протяжно пророкотал гром, словно в подножие возвышенности только что действительно ударила молния…

Неизвестно, что за энергию таил в себе этот шар, но два механизма так и остались лежать по краям остекленевшей воронки!..

Остальные быстро пришли в себя после внезапного нападения. Они рассыпались редкой цепью, безошибочно разворачиваясь в ту сторону, откуда прилетел шар-снаряд.

Вспахивая ступоходами стерилизованный спреем и припорошенный пеплом песок, насекомоподобные машины двинулись в атаку на холм, охватывая его полукольцом.

В следующий миг Вадим краем глаза зафиксировал, как дрогнула, всколыхнулась ветка в притихшей чащобе кустарника. Мгновенно переместив оптику, он успел отчетливо увидеть сгорбленную человеческую фигуру в свободно ниспадающей одежде. Силуэт мелькнул и пропал в зарослях, словно его и не было вовсе.

«Недурно… Грамотно передвигается…»

Дальше развить эту мысль он не смог — к горлу внезапно подкатила дурнота, будто незримая рука заграбастала внутренности и резко сжала их…

Бинокль дернулся в руке Вадима, в глазах помутилось, внутри черепной коробки возник комок неожиданной боли, сердце вдруг ударило медленно и неровно…

Сонм болезненных ощущений возник абсолютно внезапно, безо всякой видимой причины. Рука, на которую он опирался, неожиданно, необъяснимо подломилась, словно тело вдруг налилось свинцом.

Вадим ткнулся лицом в жесткую траву.

Этот удар о землю он запомнил на всю жизнь. Страшная, необъяснимая беспомощность сковала его мускулы, он с трудом приподнял голову, которую изнутри уже разрывала глухая, пульсирующая боль, и

увидел, что машины стоят на месте, а холм перед ними медленно, неуклонно проседает, словно почва, песок, дерн — все превратилось в вязкую субстанцию и теперь медленно растекалось, стремясь расплющиться.

На лбу Вадима выступили мелкие бисеринки пота — удерживать голову в определенном положении стоило ему неимоверных усилии, и неизвестно, чем бы кончилось это страшное состояние, если бы сила, воздействующая на окрестности, не пошла вдруг на убыль…

Он судорожно вдохнул, превозмогая жестокую резь в спазматически сжавшихся легких, и повалился на бок, ощущая, как сердце вдруг сорвалось — в бешеный ритм ударов, а глухая головная боль отпустила столь резко, что перед глазами потемнело и в черноте заплясали цветные искры…

Гравитационный удар… Черт возьми, это был настоящий гравитационный удар — искусственно генерированная сила двойного или даже тройного тяготения, заставившая расплющиться песчаный холм, выбившая из почвы кустарник вместе с корнями…

Вадим поднял голову. Перед глазами все еще плавали черные круги.

Машины медленно наступали. Холм действительно ополз, кусты лежали вповалку в тех местах, где их выдавило из рыхлого песчаного грунта.

Взгляд лишь на секунду задержался на них и метнулся к тому месту, где перед самым ударом он видел движение ветвей.

Старуха не успела вырваться из-под удара. Она упала навзничь, нелепо раскинув руки, и — бинокль дрогнул в руке Вадима — босая нога женщины конвульсивно задергалась в судороге.

Машины тоже увидели ее. Прекратив наступление на раздавленный холм, они на секунду замерли, будто пребывая в нерешительности, а затем один из механизмов, внешне ничем не отличимый от других, направился к упавшей.

Видно, под действием гравитационного удара песок, из которого состояла расплющенная прибрежная возвышенность, уплотнился настолько, что ступоходы машины совершенно не тонули в нем. Механизм передвигался быстро, даже грациозно, высоко поднимая суставчатые лапы, когда перешагивал через завалы кустов…

…Вадим смотрел на это движение в каком-то смертельном оцепенении.

Ему нужно было убедить себя, что он тут лишь наблюдатель, разведчик, отстраненный от реальности, поставленный перед

сверхзадачей — выжить во что бы то ни стало, вернуться к человеческим мирам, донести полученные сведения…

«Хреновый из меня разведчик…» — внезапно подумал он. Нога старухи перестала дергаться, возможно, женщина скончалась…

Черное, отливающее синевой механическое насекомое остановилось, нависло над распростертым телом.

Сервоприводная конечность с клешнеобразным захватом на конце подцепила край бесформенной одежды, рванула прочь грубую ткань, бесцеремонно вытряхнув из нее человеческое тело.

Самое жуткое, страшное в жизни наступает именно так… Оптическая растяжка на дороге… невидимый луч лазера, пересекающий звериную тропу… вырванный взрывом столб земли, смешанный с огнем, товарищ, падающий уже без кровинки в лице, его сдавленный, придушенный вскрик, и глаза… глаза, которые заранее знают, что группу засекли, нужно уходить, срочно, сию секунду, иначе погибнут остальные, будет сорвано задание, все полетит к черту…

Вадим знал, что в данной ситуации обязан наблюдать, не шелохнувшись в своем укрытии. Он был единственным, кто сумел добраться сюда, преодолев бездну световых лет. Он должен вырваться отсюда живым, вменяемым, чтобы рассказать о судьбе «Альфы», о непонятной машине, внутри которой оказался заключен биологический мозг, о…

Механизм выпустил из своего чрева какое-то дополнительное устройство. Двое других подползли ближе и начали видоизменяться. В сегментах их панцирей открылись узкие щели, оттуда вывалились какие-то трубки… Вадим видел все так отчетливо, будто стоял в метре от центра событий.

Он рывком подтянул к себе автомат.

Два механизма встали справа и слева от распростертого на песке человека, и теперь выпроставшиеся из них трубки висели, покачиваясь, над самой головой жертвы. Третий механизм подступил ближе, два его передних манипулятора перевернули нагое старческое тело… и Вадим увидел, что женщина жива и находится в сознании. Ее глаза, полные смертельного ужаса, следили за тем, как механическая клешня схватила гофрированный шланг и поднесла его к перекошенному рту… Несчастная попытатась плотнее сжать губы, но вторая клешня с точностью опытного хирурга надавила на болевые точки лицевых мышц, заставила рот открыться в крике, и…

Сухая, звонкая автоматная очередь простучала над безмолвным

пляжем.

Вадим никогда не испытывал подобного чувства при стрельбе из импульсного оружия — зубы лязгнули в такт движению затворной рамы, каждая пуля отрывалась от среза компенсатора с четкой отдачей, будто эта лающая очередь в пять патронов вырвалась из его холодного, взбешенного естества…

Выпустив очередь, он мгновенно перекатился вбок, меняя позицию, приподнял голову, метнул взгляд в прореху листвы, и автомат опять звонко, с различимым на слух интервалом выпустил три патрона короткой, емкой очередью.

Броня насекомоподобного механизма вторично ответила гулким эхом, словно по ней несколько раз ударили молотком, — звук прошибаемого навылет металла оказался неожиданно громким, сочным…

Скатившись ниже, Вадим боковым зрением заметил вспышку, и тут же спину окатило жаром. Лазерный луч полоснул по кустарнику, подрубая ветки; прошел гудящим вишневым шнуром по склону, поджигая валежник и оставляя уродливый, дымящийся шрам на влажной земле.

Огонь вела одна из оставшихся поодаль машин. Направление луча прослеживалось четко, энергетическое оружие являлось коньком Полуэктова, и он, продолжая резво перемещаться под прикрытием занявшихся робким пламенем кустов, даже на взгляд смог определить мощность источника — мегаватт двадцать, не больше, сущий пустяк для хорошего боевого скафандра…

Через пару секунд он уже был внизу, на границе спасительных кустов. Огненный шнур продолжал бичевать вершину и доступный склон, там огонь пожара уже взъярился, пожирая влажную листву, и по ветру потянуло клубы густого, желтоватого дыма.

Не стоило обольщаться. Сканеры у машин явно не визуального характера, им дымовая завеса, вероятнее всего, по барабану…

Пространство своеобразного распадка, узкой лощины с песчаным дном, протянувшейся между двух прибрежных холмов, продувал прогорклый от дыма ветерок.

Вадим чуть привстал, удерживая автомат так, чтобы немедленно открыть огонь навскидку. Оружие было непривычным, тяжелым, шумным, норовистым, но он уже поверил ему…

Похоже, что глянцевито-черные механизмы очень далеко продвинулись вверх по лестнице технической эволюции. Эта мысль пришла сразу же вслед за звуком прошибаемой навылет брони — его противники были узкоспециализированы под конкретные условия местной

реальности, именно поэтому пули древнего автомата так непринужденно прошибали их энергетическую защиту и рвали черную броню, рассчитанную на температурное, а не на механическое воздействие…

Рывком преодолев свободное пространство, Вадим под завесой дыма выскочил к первым разбросанным в беспорядке кустам, выбитым из земли гравитационным ударом.

Сориентировавшись по беснующемуся рубиновому лучу, он, пригнувшись, нырнул в жирные клубы дыма. Бушующий по склону холма пожар вместе с поднявшимся в лазурном небе солнцем раскаляли окрестности до полной слепоты термальных датчиков. Машины не видели его в инфракрасном диапазоне, где все было засвечено фоновым теплом пожарища. Никаких электромагнитных волн он не испускал — отсутствие в экипировке Вадима каких бы то ни было приборов, кроме отключенного в данный момент электронного бинокля, сыграло на руку… Как, оказывается, эффективны бывают порой способы первобытной борьбы…

Проскочив еще метров двадцать, он увидел следы механических лап, резко принял вправо и неожиданно для себя выскочил прямо на повалившийся механизм.

В его корпусе зияли рваные отверстия с загнутыми вовнутрь краями. Он не подавал никаких признаков жизни, а вот женщина, наоборот, — она конвульсивно пыталась отползти прочь, но перенесшие гравитационный удар мышцы плохо слушались свою хозяйку, и у нее получались лишь судорожные, извивающиеся движения.

Два других механизма бестолково толклись на одном месте, точно так, как за час до этого вели себя на пляже. Создавалось ощущение, что они внезапно лишились командного центра, что, вернее всего, соответствовало истине.

Вадим резко нагнулся к женщине.

Он не знал ее языка, но хрипло, отрывисто спросил, используя интеранглийский:

— Идти сможешь? Сильно задело?

Ее глаза внезапно расширились, будто она услышала выходца с того света, но спустя мгновение кивнула, закусив губу от грызущей тело боли. Трясущейся рукой подхватила свое рубище, прикрываясь им, попыталась встать, но где там…

— Нет, мать, так не пойдет… — Вадим бесцеремонно поднял ее на ноги, удивившись невесомости старческого тела, полуобнял одной рукой за плечи, закинув ее руку себе за шею, и медленно попятился, стараясь удерживать взятый темп…

Автомат он держал в свободной руке, стволом назад, а сам пятился, пятился вполоборота, уповая на дым, пожар, элементарное везение, наконец…

Видел бы сейчас Андрей Георгиевич… Голову бы свернул… А я не скажу… Плевать… Мой выбор.

Дым поредел. Окрепший ветер трепал его космы, стелил по склону, то обнажая окрестности, то вновь укрывая беглецов спасительным сизым саваном.

Минут через пять, когда до следующего холма уже было метров сто, не больше, сквозь клубы дыма прорезался черный, глянцевитый корпус машины.

Вадим выстрелил с одной руки, но получилось отвратительно — автомат едва не выломало из пальцев, пули ушли в небо…

Черт…

Он рывком приподнял почти невесомое тело старухи и побежал за спасительное закругление крутобокой дюны.

Лазерный луч сердито прошипел, метнулся по пятам. Вадим понял, что не успевает, и вновь огрызнулся уже неэкономной, расточительной очередью. Выбитые пулями фонтаны песка пробежали длинной бесполезной дорожкой, но в последний миг он все же умудрился рывком приподнять ствол, и в дыму раздался этот злой, упоительный, сладкий звук прошибаемого насквозь синевато-черного сплава…

Завернув за ближайшую поросль кустов, которая языком чахлых побегов сбегала со склона холма и терялась в песке, Вадим присел, помогая женщине бессильно опуститься на землю в жидкой тени ненадежного укрытия, а сам метнулся вверх, проламываясь по диагонали к вершине.

Раздвигая ветви, он попытался вспомнить, сколько патронов израсходовал из единственного, найденного на борту «Альфы» магазина, подходящего к этому древнему чудищу, но не смог — последняя очередь оказалась слишком длинной и бесконтрольной…

Выглянув, он увидел, что из дыма, оставляя позади себя полыхающий пожар и все связанные с ним неудобства, выходят три насекомоподобных механизма.

Он тщательно прицелился, используя весь опыт недолгого общения с древним оружием, и плавно спустил курок…

Автомат преданно огрызнулся, выпустив три патрона; передовой механизм, значительно опередивший других, вдруг споткнулся, грузно осел на задние конечности и начал валиться набок.

В наступившей тишине Вадим слышал, как шелестят, подскакивая на

неровностях склона, отлетевшие вниз стреляные гильзы…

Следующая очередь получилась слишком длинной — палец еще плохо чувствовал упругий курок… пули поцарапали глянцевитый бок машины, но она продолжала мерно перебирать конечностями, приближаясь к холму.

Вадим резво сменил позицию, вскинул автомат.

Механизм затворной рамы дважды дернулся, но дальше последовали бессильный лязг и щелчок.

Все… Патроны…

Досадовать было некогда. Воздух уже располосовал очередной жадно ищущий цель луч, и Вадим кубарем скатился по склону. Место, где он оставил обессилевшую женщину, не могло простреливаться лазером, но это обстоятельство являлось лишь смехотворной отсрочкой во времени — последняя из машин элементарно нагонит людей на том открытом участке местности, который простирался между цепью прибрежных холмов и синеющей в десятке километров отсюда кромкой леса.

«Что делать?! — метнулась в голове капитана злая мысль. — Попытаться поиграть с ними в кошки-мышки тут, в зарослях? Надолго ли меня хватит с женщиной на плечах против сканирующих систем и не знающих устали ступоходов?..»

Логика подсказывала — нет, ненадолго. Но сдаваться было бы еще более глупо…

Проломившись сквозь кусты, он остановился, тяжело дыша, и… остолбенел.

Пока он отсутствовал, женщина пришла в себя. Сейчас она стояла в странной позе, воздев руки к лазурным небесам, где висел обжигающий шарик фиолетового солнца. Ее одежда была приспущена с плеч, глаза широко открыты, губы что-то беззвучно шептали. Услышав, как спускается Вадим, она зябким движением вернула на место свою бесформенную хламиду, повернулась, обожгла его взглядом, потом, видимо, отбросив сомнения, достала из-под полы узкий, небольшой предмет, серебристо блеснувший в ее ладони, и, не успел Вадим как-то отреагировать на все эти странности, повернулась к нему, произнеся глубоким, глухо прозвучавшим голосом:

— Не приближайся ко мне… И не мешай…

Вадим остолбенел. Мало что могло удивить его на этом свете, но слова женщины пронзили сознание своей неожиданностью: они были произнесены на интеранглийском, но с таким искажением, что он скорее догадался об их смысле, чем понял этот язык, отдающий чем-то древним,

давно, прочно позабытым людьми, похороненным под наслоениями более поздних речевых усовершенствований…

Дальше последовало еще более впечатляющее действие.

Двумя пальцами левой руки женщина раздвинула бескровную рану за ухом, в глубинах которой блеснул металл контактов. Серебристый предмет вошел в это гнездо с отчетливым щелчком невидимых глазу фиксаторов.

Биоимплант… Дьяволы Элио, она что, киборг?

Вадима словно током шарахнуло. Непроизвольная дрожь скользнула по загривку капитана, который ожидал чего угодно, но только не такого оборота событий Что она, черт возьми, собиралась делать?!

Он не смог, вернее, не успел задать вслух этот вопрос.

Лицо женщины и без того бледное, приняло землистый оттенок, она соединила кисти обеих рук в каком-то непонятном символическом жесте, соприкоснувшись подушечками указательных пальцев с имплантом, чуть выступающим своей серебристой макушкой из-за левого уха.

С наветренной стороны холма уже доносился размеренный, заунывный вой монотонно работающих сервоприводов.

Механическое создание появилось неожиданно, но старуха встретила его спокойно, не меняя позы, лишь ее голова чуть запрокинулась назад, а в водянистых глазах вспыхнул недобрый огонь.

Вадим вдруг понял, что воздух струится, густеет перед ней, но это не было знойным маревом миража, прямо на его глазах перед женщиной опять возникло невесомое, правильное сферическое уплотнение, чья мерцающая оболочка разительно напоминала ту статику, что пробегала по аморфному телу виденного им на борту «Альфы» плазмоида.

Вадим внезапно поймал себя на том, что стоит затаив дыхание, не смея шелохнуться, начиная в эти секунды по-настоящему верить, что все происходящее с ним не бред и звенья этой цепи ирреальных фактов взаимосвязаны между собой…

Дальнейшее сложно описать в привычных человеку терминах.

Мерцающий, радужный сгусток уплотнившегося воздуха вдруг сорвался с места, будто неведомая сила швырнула его в приближающуюся машину.

Та попыталась уклониться, но сгусток плавно изменил траекторию полета и ударил в синевато-черную броню, разлившись по ней мертвенно-голубым светом…

Шагающий насекомоподобный механизм, который был на голову выше Вадима, внезапно остановился, потом пошатнулся, и с затухающим воем остановившихся сервомоторов повалился набок, мгновенно

превратившись в обыкновенную мертвую груду металла.

На этот раз не было ни вспышек, ни грохота, ни разрядов — ничего, кроме того таинственного мерцания, которое облило его броню. Робот попросту остановился, его узлы и агрегаты отказались исполнять свои функции, он умер… если можно так выразиться о неодушевленном существе.

Вадим обернулся как раз в тот момент, когда женщина, отдав остаток сил этой молчаливой схватке, стала медленно оседать на раскаленный песок.

* * *

Отложив в сторону бесполезный автомат, Вадим опустился на колени рядом с женщиной.

Черт… Ни аптечки, ни элементарного инъектора, ничего нет…

Пальцы уверенно нашли пульсирующую жилку на запястье. Пульс прослушивался, но слабо и был очень медленным.

Запрокинув голову женщины, он двумя пальцами раздвинул веко. Зрачок едва заметно отреагировал на солнечный свет.

«Ну и то ладно…»

Последовавший за этим беглый и бесцеремонный осмотр показал, что ран на теле нет. Скорее всего она потеряла сознание от чрезмерного напряжения жизненных сил при формировании этого загадочного радужного шара.

Вадим покосился на имплант, макушка которого, снабженная двумя шипами игольчатых электродов, серебрилась за ухом старухи, но трогать не стал: во-первых, не было времени, а во-вторых, экспериментировать подобным образом просто не стоило.

Оглядевшись по сторонам, он оттащил женщину в тень раскидистого куста и бегом бросился к вершине холма.

Заняв позицию, он вскинул электронный бинокль.

Ветер уже прогнал жадный огонь со склона того холма, откуда он свалил первый механизм. Сейчас на месте его прежней лежки чернели обугленные скелеты кустов да вился сизый дымок. В ложбине между прибрежными возвышенностями виднелся опрокинутый корпус подбитой машины, два других механизма продолжали бестолково ползать вокруг него. В бинокль было отчетливо видно, что они даже не попытались убрать выпущенные наружу шланги, и те волочились по горячему песку, вычерчивая на нем замысловатые синусоиды.

Ясно… Эти уже не в счет. Видно, мозгов — кот наплакал, обычные

исполнители, потерявшие цель. Бывает…

Он переместил бинокль. Раскатанный гравитационным ударом холм по-прежнему покрывали хаотично наваленные, вывороченные из песчаной почвы кусты, из-за которых совершенно не просматривался берег. Огонь не смог перекинуться на них.

«Ладно… — подумал он. — На берег нам соваться незачем…»

Теперь, когда основной пожар уже зачах, а ветер отнес в сторону клубы дыма, Вадим смог рассмотреть метрах в трехстах от своей позиции еще одну машину, которая все же получила свое от той длинной, вспахавшей песок неэкономной очереди, что привела к столь быстрой кончине боекомплекта. Насекомоподобный механизм лежал, опрокинувшись набок, а его сервоприводные конечности продолжали ритмично сгибаться. Видно, все еще куда-то шел, бедолага…

В поле зрения Вадима оставались еще три механизма, наиболее близко подобравшиеся к этому холму. Ни один из них не двигался; у тех, кого достали автоматные очереди, из корпусов лениво струился пепельно-серый дымок, последний же, которого настиг исторгнутый старухой мерцающий шар, лежал целенький всего метрах в тридцати от подножия возвышенности.

Вадим некоторое время наблюдал за ним, за окрестностями, а потом все же решил рискнуть. Информация стоила того.

Спустившись вниз, он вновь склонился над женщиной, но никаких перемен в ее состоянии не нашел — она лежала в глубоком обмороке, совершенно расслабленная, дышала ровно, но как-то тяжело, хрипло.

Вадим ничем не мог помочь ей. Бить по щекам, прыскать водой — без толку. Был бы хоть один шприц-тюбик с метаболическим активатором, он бы попытался его вколоть, а так — по симптомам оставалось надеяться, что это действительно обморок от перенапряжения…

Сидеть рядом и хлопать ушами он тоже не собирался.

Прихватив разряженный автомат, он резво обогнул холм, рывком добежал до поверженной машины, присел под прикрытием ее черного корпуса, огляделся.

Тишина… Слышно, как на вершине соседнего холма потрескивает горящий куст да нервно воет сервомоторами подбитая машина.

Пальцы Вадима скользнули по черному корпусу неведомого механизма, ощупывая его. Он выглядел монолитным, без каких-либо стыков — эдакое чрезмерно вытянутое, сегментированное в четырех местах яйцо длиной в полтора метра и диаметром в средней части сантиметров семьдесят. Тот, которого достала самая первая очередь, был

намного крупнее.

Материал брони нагрелся на солнце и жег пальцы. Интересно, что за металл? С обшивкой робота, гонявшегося за ним на борту «Альфы», пока совпадал только цвет, но на взгляд состав сплава не определишь, нужно бы добыть кусок для анализа.

Вадим еще раз выглянул из-за корпуса, придирчиво осмотрел окрестности и, коротко размахнувшись, ударил прикладом по синевато-черной броне.

Она внезапно поддалась под ударом, хрустнула, как настоящий хитин насекомого.

«Черт… Опять такая же тонкая…» — неприятно удивился Вадим, раз за разом вбивая приклад в район обозначившейся трещины.

После нескольких минут такого варварского вскрытия ему удалось пробить дыру, отломив приличный кусок брони. Теперь сомнений уже не осталось — материал был тот же самый, достаточно хрупкий, зернисто поблескивающий на изломе.

Заглянув внутрь, он ожидал увидеть там полуметровый увитый шлангами шар, но ошибся.

Внутреннее пространство машины занимали в основном элементы опорно-двигательного механизма, между которыми компоновалось множество прямоугольных блоков серого цвета. Интересной оказалась обшивка. От серых прямоугольников к ней тянулись тысячи тоненьких, но чрезвычайно прочных металлических нитей, из чего следовал очевидный вывод: броня энергопоглощающая, недаром что черная.

Дальнейший внешний осмотр не дал никаких новых результатов. Некоторые узлы в принципе показались Вадиму знакомыми, но внутренности машины были так тесно и замысловато сплетены в единую схему, что ее истинное предназначение, цель, для которой она конструировалась, оставались полнейшей загадкой.

Пока что он мог с полной определенностью сказать только одно — эти механизмы уничтожали органику, изменяли рельеф и пытались охотиться на людей.

В чем крылся смысл перечисленных действий, он надеялся узнать у своей новой знакомой, когда та очнется; сейчас же следовало уходить отсюда, причем чем дальше, тем лучше — это Вадим осознавал абсолютно четко.

Он задержался у поверженного механизма еще на несколько минут, вырвав из его чрева несколько серых прямоугольников. Они оказались легкими и очень твердыми. Нити, связующие их с обшивкой, лопались с

большой неохотой, хотя своей толщиной походили на волос.

Наковыряв с десяток прямоугольных пластин, Вадим поднял автомат и бегом кинулся назад, к холму.

* * *

Лес, на окраине которого остался челнок, отсюда не был виден вообще, но Вадим спокойно ориентировался по солнцу, без приборов. Там, где много лет назад он «отбывал» обязательную воинскую обязанность во славу идеи интернационального братства всех Человеческих миров, от некоторых первобытных навыков в конечном итоге зависела твоя жизнь, так что наука въелась крепко…

«Ничего… Прорвемся…» — подумал он, взваливая на плечи закутанное в рубище тело старухи. Она дышала хрипло, надсадно. Еще бы… В ее-то возрасте попасть под гравитационный удар, потом завалить такую махину…

Солнце медленно карабкалось вверх по небосклону и уже палило нещадно, несмотря на ранний час. Вадим шел по песку, поросшему редкими пучками чахлой желто-зеленой травы, утопая в нем по самые щиколотки, — все-таки груз на плечах оказался приличный.

Определяя направление, он сознательно уклонился в сторону от челнока, рассчитывая выйти к лесу в нескольких километрах от него. Космический корабль являлся слишком яркой приманкой для любых детекторов, и ломиться к нему напролом не стоило.

Спустя два часа, преодолев по диагонали примерно десять километров, он достиг кромки синего леса.

Узловатые фиолетовые стволы образовывали непроходимые заросли, чащобу, в молчаливой стене которой на первый взгляд не угадывалось никаких прорех, не бросались в глаза даже звериные тропы. Следов человеческой деятельности не было и подавно. Никаких просек, вырубок, линий электропередачи… Девственная, не тронутая цивилизацией природа.

Некоторое время Вадим шел, маскируясь редким кустарником, который рос на границе леса и пустыни. Он не останавливался, чтобы не сбиться с тупого, монотонного ритма шагов, не пустить в свое сознание усталость Он собирался пройти еще как минимум пару километров, но конец изнурительному марш-броску положила внезапно очнувшаяся женщина.

Вадим уже несколько минут ощущал, что она начинает подавать признаки жизни: дыхание стало более ровным, потом притихло вообще, будто она, придя в сознание, затаила его…

— Стой… — внезапно раздался над самым ухом ее хриплый, надтреснутый голос.

Вадим продолжал монотонно переставлять ноги.

— Очнулась? — спокойно поинтересовался он.

Дыхание опять появилось, она засопела, обдумывая его фразу.

— Поставь… На землю…

Вадим отрицательно мотнул головой.

— Отдыхай. Нужно уйти подальше. Нас могут преследовать.

Опять несколько секунд тишины, нервный, судорожный вдох, слабое шевеление на плече.

— Не будут… Ты убил Фага… Новый придет не скоро…

— Ой ли?

— Не понимаю…

— Я спрашиваю, ты уверена?

— Да… Поставь меня на землю…

— Ну хорошо. — Вадим сдался. — Приехали… — Он медленно присел. Старуха с удивительным проворством соскользнула с его плеча и тут же отпрянула в сторону.

Ну и пусть себе порезвится… Вадим скинул с плеча самодельный, изготовленный из рубашки рюкзак, в котором жалобно хрустнули вырванные из нутра машины блоки, присел, оперся спиной о ветвистый, пружинящий куст. Автомат, который он нес всю дорогу, удерживая за цевье, лег рядом в пожухлую траву.

Старуха стояла в напряженной позе, разглядывая его, как какую-то невиданную тварь.

Вадим молчал, казалось, что он вконец обессилел и вот-вот потеряет сознание, но на самом деле он сидел в нечеловеческом напряжении, ожидая, что же последует дальше, во что выльется эта загадочная встреча?..

Рука расслабленно лежала на теплом пластиковом прикладе древнего оружия. Патронов в нем не было, но как дубину использовать можно.

Наконец затянувшаяся немая сцена начала действовать ему на нервы.

Интеранглийский Вадим знал в пределах разумного, насколько того требовало межпланетное общение. Говорил он на нем бегло, но с акцентом. Повсеместное употребление данного языка пошло на убыль несколько десятилетий назад — с падением централизованной власти Конфедерации везде повылазили полузабытые национальные традиции. Не избежала их и Земля. Родным языком Вадима Полуэктова был русский, и сейчас в голове вертелось несколько фраз, адекватных ситуации, но…

Почему-то эта старуха, внешне похожая на ведьму, с глазами голодной

волчицы, не вызывала в нем ни настоящего страха, ни тем более — гневливости.

Усталость, раздражение — плохие советчики, тем более когда информации ноль, а проблем по горло. Поэтому Вадим спокойно выдержал ее взгляд, улыбнулся краешком губ и спросил:

— Что же ты так на меня смотришь, мать?

Она едва заметно повела бровью.

— Откуда ты взялся?

«Это у них тут такая форма благодарности за спасение…»

— Издалека… — вздохнул он. Дотянулся до рубашки, порылся в ее складках, шурша завернутыми в нее пластинами, нашарил нагрудный карман, вытащил оттуда сигареты. — Может, не будешь смотреть волком, присядь, поговорим?

Она продолжала напряженно сверлить его взглядом.

— Что такое «волком»? — неожиданно спросила она.

— Зверем, — пожал плечами Вадим, прикуривая сигарету. — У вас тут волки не водятся… Да и у нас тоже… Реликтами стали…

Она слушала его, напряженно наблюдая, как разгорается на кончике сигареты едва заметный при свете дня уголек. Когда сизый дымок достиг ее обоняния, старуха скривилась и… чихнула.

— Будь здорова… — буркнул Вадим, которому надоело напряженно сидеть в ожидании внезапного подвоха.

Она непонимающе уставилась на него, а потом лед в глазах старой женщины вдруг подтаял. Может, до нее наконец дошло, что Вадим имел более чем достаточно времени и мог сто раз разделаться с нею тем или иным способом? Стоило для этого волочь ее два часа по пустыне.

— Ты странный… Я… Я не знаю тебя!…

Было в этом высказывании что-то очень важное, Вадим умел различать интонации, но истинный смысл вырвавшейся фразы не давался ему, ускользал.

— Вадим… — представился он. — А как твое имя?

Лицо женщины посерело.

— Хочешь знать мое имя?..

Вадиму показалось, что он сболтнул лишнего, видимо, допустил нечаянную бестактность. Перед ним опять стояла не женщина, а престарелая гремучая змея в боевой стойке.

— Да в принципе мне без разницы… — попытался он загладить невольную оплошность. — Не знаю я ваших обычаев, если обидел, извини. Не хотел.

Женщина немного расслабилась.

— Послушай, что мне сделать, чтобы мы могли говорить по-человечески? Я ведь ясно сказал: издалека, нездешний, ничего не знаю… Не ваш я!..

— Не наш?

— Ну да…

Интересно, какое у нее представление об истории? Помнит ли, что данная планета не являлась родиной ее далеких предков?

— Оттуда я… — Вадим ступил на скользкую дорожку полунамеков, неопределенным жестом указав на небо.

Она покачала головой.

— Оттуда? — явно передразнивая его интонации, переспросила она. — Оттуда приходят только Фаги!..

— Кто такие Фаги?

Старуха нервно усмехнулась.

— Ты их убивал.

— Эти… черные?

— Да. Пожиратели душ.

У Вадима на языке уже крутилось слово «машина», но он воздержался от комментариев. Так, по зернышку, может, и наберется толковая информация.

Пока он размышлял, искоса поглядывая на свою нечаянную спутницу, та, видимо, пришла к какому-то определенному решению

— Ты позволишь… осмотреть тебя? — без всяких дипломатических предисловий, лишь запнувшись на середине фразы, осведомилась она.

Вадим размышлял недолго. Он встал, развел руками.

— Давай.

Старуха приблизилась к нему очень медленно, словно Вадим действительно являл собой невиданную, богомерзкую тварь. От его внимания не укрылось, что кончики ее пальцев дрожали, когда рука тянулась к его груди. И еще: чуть выше запястья, сразу за полоской серебряного браслета, на тыльной стороне руки в складках морщинистой, дряблой кожи пряталась ровная продолговатая крышечка телесного цвета.

Его подозрения относительно биологической природы старухи вспыхнули с новой силой, но отступать было поздно — дрожащие пальцы уже коснулись его груди, женщина замерла, прикрыв глаза…

Вадим покосился на руку, которая за несколько часов до этого сбросила с пальцев смертельный для машины энергетический шар. Ощущения от такой мысли не стали приятнее.

Старуха открыла глаза. Отняв руку, она отступила на шаг, смерила Вадима внимательным взглядом и признала:

— Ты действительно не наш. Но ты — Его творение, иначе не выжил бы тут ни минуты.

Вадим не стал переигрывать.

— Его? Кто это?

— Он.

— Мне ничего не говорит этот термин. Кто ОН? Где ОН?

Старуха посмотрела на Полуэктова, не скрывая своей заинтересованности подобным невежеством.

— Владыка душ. Отец всего сущего Он над нами. — Ее глаза указали на небо. — Мы смотрим на него, но не всегда способны увидеть.

Вадим проследил за ее взглядом, но действительно не увидел ничего, кроме раскаленной лазури небес, горячечного пятнышка ослепительного солнца да смутной, едва различимой при дневном свете красноватой тени газового гиганта, вокруг которого обращалась данная планета.

Скорее всего речь шла о боге.

Если это так, то имеет место чрезвычайно сильная деградация технических знании. Колония явно регрессировала, утратив не только технологии, но и представление о космосе.

— Ты мне расскажешь, кто такие Фаги? — спросил он, напряженно глядя на старуху.

Она ответила ему таким же долгим, пристальным взглядом.

— Я мало что сама знаю о них… — наконец произнесла женщина.

— Но там, откуда я пришел, о них не слышали вообще.

— Откупа ты пришел? — мгновенно отреагировала она вопросом на вопрос.

— Издалека… Из-за океана.

Женщина недоверчиво покачала головой.

— Я не знаю иных поселений людей, кроме Скального Замка.

Вадим пожал плечами, доставая новую сигарету. Страшно хотелось есть… Между прочим, впервые после своего пробуждения на «Альфе» он испытывал нормальный человеческий голод. Да и тему разговора пора было менять — нахрапом он и так выдавил из старухи достаточно информации, дальше следовало быть более тактичным, — без взаимного доверия явно не обойдешься.

— Ладно, мать… — Он привстал, подбирая рюкзак с выдранными из машины блоками и автомат. — Я отдохнул. Кем бы ни были эти твои Фаги, но нам следует убраться от них подальше, верно? Или у тебя другие планы?

О корабле он решил пока что не упоминать.
Старуха размышляла несколько секунд, а потом ответила:
— Нет. С твоей помощью мне удалось сделать больше, чем я надеялась. У нас уже давно не было такой победы. Теперь мне нужно срочно попасть в Храм.

* * *

Вадим не стал задавать идиотских вопросов, типа «Что такое Храм?», а пожал плечами и односложно осведомился:
— Далеко?
Она огляделась. Долго смотрела на небо, потом повернулась к горизонту и наконец произнесла:
— Нет. Думаю, что скоро будет поворот. Ты шел в правильном направлении.
Вадим кивнул, собирая свои немногочисленные пожитки.
— Откуда ты взял такой странный имплант? — спросила его старуха, кивком указав на автомат.
— Это оружие. Он не вживляемый.
Она недоверчиво покачала головой, но ничего не сказала. Закутавшись в свою хламиду, женщина пошла вперед, указывая дорогу.
Вадим молча последовал за ней. Теперь, когда не нужно было сосредоточиваться на ритме шагов, он смог осмотреться.
Лес еще ночью показался ему странным. Сейчас это ощущение только усилилось. Образующие чащобу псевдодеревья с кручеными стволами и редкими мясистыми листьями переплетались между собой, создавая непроходимую стену.
Он то и дело поглядывал в сторону молчаливых зарослей, пытаясь понять, что так сильно тревожит его? Мало ли что странный… каких только экзобиологических зон не существовало на колонизированных мирах, пора бы привыкнуть к разнообразию растительных и животных форм Вселенной.
И вдруг он понял — тишина! Его угнетала тишина, царящая вокруг. Не было пения птиц, стрекота насекомых — из леса вообще не доносилось ни звука.
— Тихо как… — словно невзначай обронил он. Старуха не обернулась.
— Придут Фаги, не доищешься тишины… — спустя какое-то время обронила она, не замедляя шага.
Глядя на ее походку, трудно было предположить, что каких-то десять

минут назад эта самая женщина безвольным кулем лежала на его плече.

«Откуда в ней только силы берутся?» — подумал Вадим, а вслух спросил:

— Что ты делала там, на холме?

Вопрос, видно, задел старуху за живое. Она остановилась, медленно повернула голову, ожгла его взглядом.

— А что ты там делал? — неожиданно осведомилась она.

— Наблюдал.

— Вот и я наблюдала.

Вадим, пользуясь передышкой, достал сигарету.

— А в драку зачем полезла? — усмехнувшись, спросил он. Водянистые глаза старухи потемнели.

— Не выдержала… — глухо призналась она. — Не могу смотреть на них… спокойно. Они — смерть, понимаешь?

«Смерть…» — мысленно повторил Вадим произнесенное ею слово. — «А может, не смерть, а жизнь? Только иная, та, что давно забыта, потеряна?»

Вслух он произносить это не стал. Глаза женщины излучали ненависть, когда она говорила про машины, и пытаться привить ей идею о древних автоматах терраформирования казалось делом безнадежным.

— А зачем мы идем в Храм?

Старуха насмешливо посмотрела на него. Видимо, невежество Вадима показалось ей неуклюжей попыткой шутки.

— Ты спас мою сущность, — неожиданно признала она. — Но не думай, что из-за этого войдешь в Храм до срока. Это я иду в Храм, а ты будешь ждать снаружи. — Старуха опять посмотрела на него, но уже не с насмешкой, а зло, подозрительно. — Лучше бы тебе вообще не ходить за мной.

Глава 7

Ночью Вадим уснул, но ненадолго.

Очнулся он от холода примерно за час до рассвета.

Костер почти потух, вокруг таинственно, невнятно шумел фиолетовый лес. Небо было пасмурным, но в прорехах низких лохматых туч нет-нет да и проглядывал багряный диск газового гиганта, сияющий неживым, отраженным светом. Он висел так низко, что, присмотревшись, можно было различить движение газовых циклонов в его атмосфере.

Вадим встал, подбросил в костер ломких, почти невесомых ветвей, и огонь нехотя взялся за них, потрескивая и плюясь искрами, будто костер выражал неудовольствие такой кормежкой.

«Извини, брат, другого ничего нет…» — подумал Вадим, обращаясь к огню.

Языки оранжевого пламени казались ему сейчас самым близким, понятным явлением на этой странной планете.

Храм возвышался за его спиной черной угрюмой массой.

Вход внутрь так и не открылся для него. Старуха исчезла за стальной плитой, будто в воду канула — ни слуху от нее, ни духу. Еще накануне вечером Вадим обошел кругом всю постройку, но не обнаружил ничего похожего на вторую дверь.

Кое-что он, конечно, начинал понимать.

Храм, к которому стремилась его спутница, представлял собой старый спускаемый модуль с «Альфы». Не было никакой мистики — обыкновенный отделяемый отсек, который тысячу лет назад пламенеющим болидом прочертил небеса и рухнул посреди фиолетового леса, выбив глубокую воронку, раскидав псевдодеревья, оставив на века незарастающий шрам. Согласуясь со спецификациями «Альфы», которые он получил от Покровского, Вадим знал, что каждый такой отсек нес в своем чреве шестьдесят спящих колонистов.

Он не смог попасть внутрь, но это обстоятельство не мешало Полуэктову ясно представлять внутреннее устройство Храма.

Спускаемый модуль имел форму усеченной в вершинах сферы. Внутри находились десять криогенных отсеков-долек, центр занимала автоматическая навигационная рубка. Все, никаких изысков, сплошная функциональность.

Нет, мысленно перебирая в памяти спецификации, Вадим не находил

в них ничего мистического, скорее всего термин «храм» пришел много позже, когда люди совершенно забыли свои корни, похоронили космическое прошлое под плесенью регресса.

Единственное, что смущало Вадима, — это тарелка спутниковой антенны, выдвинутая за пределы старой обшивки и сориентированная в какую-то точку мутно-красных ночных небес.

Если сам Храм производил понятное впечатление, то она — нет. Старый, полузарывшийся в почву отсек колониального транспорта в окружении земляного вала и примитивных тотемных столбов вполне вписывался в религию регресса, но тарелка связи совершенно не казалась реликтом… не тянула на то, чтобы называться ржавым обломком прошлого. Наоборот, она выглядела вполне исправной, будто являлась чужеродным вкраплением на фоне старой, опаленной огнем обшивки.

У Вадима не было с собой никаких приборов — все оборудование осталось в штурмовике, иначе он не побоялся бы святотатства, обязательно бы залез на вершину Храма, познакомиться с теми данными, что протекали через электронные блоки устройства связи.

Оставшись без оборудования, он мог выжить, но выполнение возложенной на него миссии становилось в таких условиях весьма проблематичным.

Он мог дождаться появления старухи, мог наплевать на свою симпатию к ней и выдавить из пожилой женщины нужные сведения о загадочном Скальном Замке, например, но Вадим не видел в таких действиях смысла.

Эти люди жили тут вот уже около тысячи лет, тесной, замкнутой общиной, и ломать их устои, вторгаться со своими требованиями было бы как минимум неразумно. Вадим знал множество плачевных примеров подобных вторжений — люди не любят чужаков, что-то настырно выясняющих, требующих. Ну а времени вживаться в их общество, исподволь что-то выяснять, тратя на это годы, он не мог да и не хотел. Перед ним стояла конкретная задача — узнать судьбу «Альфы», и он ее выполнил.

Оставалось лишь найти способ вернуться назад, к обитаемым человеческим мирам.

Вадим вздохнул, поворошил костер, вдыхая его прогорклое тепло. Корабля с гипердрайвом у него не было. В сложившейся ситуации оставались лишь два варианта действий — либо он терпеливо сидит тут, ожидая, пока Покровский вышлет следующую разведгруппу, либо…

Он глубоко, тяжело задумался, глядя в огонь.

Этот голубой шар, который помог ему выжить на борту «Альфы», слишком явно напоминал Предтеч с хроникального видео «Черной Луны». Плазмоид, если задуматься, выдерживал любые сравнения с ними — и по внешнему виду, и по энергетической структуре, и по способам воздействия на окружающую среду.

Предтечи… Самый страшный враг, с которым когда-либо сталкивалось Человечество на пути своей галактической экспансии. Могут ли эти древние формы неорганической жизни, некогда уничтожившие три цивилизации прошлого, выступить в роли друга? Что-то сомнительно… — думал он. — Все известные свидетельства говорили в пользу того, что Предтечи — форма крайне агрессивная, совершенно некоммуникабельная, а главное — неразумная. Сгусток водорода в оболочке электромагнитной капсулы. Источник поля так и остался неуловим для исследователей. Прямого контакта с Предтечами не было, все случаи физического взаимодействия с ними характеризовались одним страшным термином — смерть. Эти организмы с удивительной прожорливостью старались поглотить все доступное вещество с единственной целью — делиться.

Могли ли они осесть тут, в этой изолированной газопылевыми облаками системе, и как-то эволюционировать в более разумную и менее агрессивную форму?

Опять сомнительно. Три миллиона лет — это слишком короткий эволюционный отрезок для столь значительных, качественных перемен. Хотя применимы ли к ним стандарты биологической эволюции?

Этого Вадим не знал. Тут нужен был труд сотен, тысяч специалистов. Он же был простым солдатом. Значит, у него не оставалось права сидеть тут, грея руки у костра. Если это Предтечи, исторический враг всего сущего, то он обязан предупредить об их существовании в Туманности Ориона.

Чума они или нет, выяснят другие. Его же задача — донести информацию.

Кроме Предтеч, существовали еще другие загадки.

Главная из них — кто пытался контактировать с ним на борту «Альфы»? Вадим сумел на некоторое время отрешиться от данного вопроса в угоду выживанию — забот хватало, но теперь, немного расслабившись, вернулся к нему. Он был совершенно далек от всякого рода мистики. Мертвые компьютеры не оживают сами по себе, не пытаются выдавать осмысленные, но явно не предусмотренные программными функциями сообщения. Этим процессом должен кто-то управлять. Кто-то, оказавшийся в состоянии вытащить его тело из обломков раскроенного лазерным лучом

штурмовика…

Взгляд Вадима оторвался от пляшущих языков пламени и переместился на тарелку спутниковой антенны, застывшую серебряным блюдцем на покатом куполе Храма.

Может быть, руководство осуществлялось отсюда?

Кто пытался достучаться до его сознания, кто просил о помощи, намекая на свою скорую гибель? Человеческая община этой планеты?

Нет, не вязались в сознании Вадима Предтечи и люди. Не могли последние управлять древней космической проказой, а если и так, то почему тогда они, по словам этой старой женщины, медленно, век за веком, отступают под напором непонятных машин? Штук пять Предтеч, выпущенных порезвиться на простор соседнего материка, быстро бы положили конец всякой экспансии со стороны омерзительных механизмов. Тех попросту бы не стало…

Столько вопросов… и ни одного ответа.

Вадим встал, разминая затекшие ноги, потянулся, вдыхая стылый, влажный утренний воздух. Под деревьями плавали первые клочья тумана, казалось, что фиолетовый лес дышал, медленно выдавливая их в воронку, оставшуюся от древнего катаклизма, на дне которой лежал полузарывшийся в почву посадочный модуль.

Вадим вздрогнул, когда за его спиной в напряженной утренней тишине отчетливо зашелестел механизм подачи.

Резко обернувшись, он увидел полосу неяркого желтоватого света, упавшего через открывшийся дверной проем.

На пороге Храма стояла девочка.

Ей было лет семь, не больше.

Вадим вдруг почувствовал, как в районе шеи ползут мурашки. Все-таки обстановка таинственного леса располагала к чему-то нереальному. Девочка стояла в проеме, глядя наружу, и пляшущие языки костра отражались в ее глазах маленькими оранжевыми чертиками.

Он затаил дыхание, разглядывая юную незнакомку.

Одета девочка была так же бедно и неброско, как старуха, скрывшаяся накануне вечером за этими самыми дверями. Волосы девочки влажными волнами рассыпались по плечам, черты лица были худыми, заостренными, а глаза казались неправдоподобно большими…

Несколько минут она, не отрываясь, смотрела на огонь, затем наконец перешагнула порог, повернула голову, оглядываясь по сторонам.

Вадим выступил из тени.

Девочка не испугалась. Она пристально, совсем не по-детски

посмотрела на него, потом сделала шаг к костру, присела на корточки и пожаловалась:

— Холодно…

Вадим уже устал удивляться. Он тоже подошел к костру, присел рядом, искоса посматривая на юное создание, в чьем облике действительно угадывалось что-то нереальное, неправильное… Слишком взрослое, серьезное выражение лица? Не свойственное детству спокойствие, скупость проявленных при неожиданной встрече эмоций?

— Откуда ты? — поинтересовался он, протягивая руки к костру. Девочка повернула голову, посмотрела на него и ответила:

— Не помню… Холодно… — повторила она.

Вадима наконец начала разбирать злость. Есть у человека такое неистребимое свойство психики — злиться, когда чего-то не понимаешь.

Он встал и, не оглядываясь, пошел к открытому проему, откуда падала полоска бледного желтого света.

На этот раз никто не препятствовал ему.

Проникнув внутрь, он оказался в длинном коридоре с порядком обшарпанной в некоторых местах отслоившейся облицовкой.

Здесь все оказалось именно таким, как он себе представлял. Похожие на дольки остроугольные отсеки отходили от центра приплюснутой сферы. В каждом по шесть пустых, темных криогенных камер, выстроившихся пирамидой: у входа одна, за ней две, и еще три уже у задней, глухой стены.

Все запущено, мертво, не светятся огни на терминалах жизнеобеспечения, не работают компьютеры, лишь плафоны источают бледный свет.

В центральном зале, где была установлена навигационная система, когда-то управлявшая посадкой модуля, на терминалах лежала пыль. Если это действительно храм, место поклонения, то почему тут все так убого, запущено? У Вадима создалось ощущение, что десятилетиями никто не заглядывал сюда…

В таком случае откуда тут взялась девочка, а главное — куда исчезла его спутница?

Вадим задрал голову, осматривая потолок. Несколько кабелей, не спрятанных под обшивку, тянулись, как он и предполагал, к сводчатому потолку отсека управления и заканчивались, несомненно, той самой спутниковой тарелкой. Только вот беда — на терминале не светился ни один огонек, система была мертва, и по слою пыли становилось ясно: никто не притрагивался к панелям управления уже очень и очень давно.

Вадима охватила дрожь. Он не мог объяснить самому себе, что

именно заставляет его содрогаться. Нагнувшись, он стал изучать следы на полу и быстро нашел отпечатки босых ступней, которые вели от входа, шли через центральный зал и исчезали в одном из отсеков-долек.

Дверь открылась при его приближении, мягко, бесшумно скользнув вверх, к потолку.

Внутри стояли шесть криогенных камер. Колпак одной из них был поднят Терминалы жизнеобеспечения оставались темны, как ночь…

…Через пять минут, совершенно обескураженный, он вышел наружу. Старухи внутри не было, он тщательно обошел все помещения, но не нашел никого…

Девочка сидела у костра. Создавалось впечатление, что она не шелохнулась за то время, пока он отсутствовал. Услышав его шаги, она повернула голову и спросила:

— Ты тоже ничего не помнишь, да?

Вадим сел рядом.

— Я ничего не понимаю… — признался он.

— Не расстраивайся… — Девочка зябко повела плечами, кутаясь в слишком большой для нее балахон. — Я знаю, нужно только вспомнить свое имя, и тогда все вернется…

— Что именно?

— Память… Знания… Жизнь.

Для своих семи лет она говорила слишком серьезно.

Вадим не любил загадок подобного рода. А чересчур умные детишки вызывали в нем вполне оправданное недоверие. Когда ребенок проявляет не свойственную возрасту глубину мыслей, осознанность чувств, это кажется наигранным, ненатуральным. Так и знай, либо рядом находится кто-то из взрослых, кому он пытается подражать, либо не все чисто с генетикой, бывают такие случаи, когда в ребенка пытаются впихнуть информационную нагрузку еще до рождения, преследуя при этом отнюдь не благородные цели…

Девочка не могла услышать его мысли. Погрузившись в ведомые только ей образы, сидела и смотрела на пляшущие языки пламени, не шелохнувшись, словно маленький бледный призрак…

— Я вспомню… — внезапно произнесла она. — Вспомню и быстро вырасту… А ты… — Девочка повернула голову к Вадиму. — Ты уходи, ладно? Никому нельзя быть тут, когда я стану вспоминать и расти.

Вадим усмехнулся, хотя в этот момент его щеки были серыми, как пепел от угольев, раскиданных вокруг костра.

Он внезапно вспомнил круглый криогенный отсек на «Альфе», дрожь

пробуждения, вонь… И тут же пришли на ум слова старухи:

«Ты наш… Ты Его создание…»

Дрожь ползла вдоль позвоночника, поднималась к загривку, стягивала кожу на затылке.

Куда я попал?.. Что все это значит?… Кто я?

Страх, неведомый раньше капитану Полуэктову, царапнул сердце. Он хотел ответа на свой вопрос и боялся его.

* * *

До оставленного на краю леса замаскированного увядшими ветвями посадочного модуля Вадим добрался только к вечеру следующего дня.

Все, происходящее с ним здесь, находилось где-то на грани реальности. Граница дозволенного в рамках известных ему технологий вроде бы не оказалась пересеченной, а с другой стороны…

Его уходу с территории Храма предшествовала еще одна сцена, которая и предопределила в конце концов решение Вадима относительно своих дальнейших действий.

…В какой-то момент, сидя подле огня, он понял, что откровенно не знает, как ему поступить.

В каждом из нас живет некое чувство долга. Есть моральные принципы, которые не имеют ничего общего с воспитанием, расовой или планетной принадлежностью, образом жизни…

Ребенок всегда оставался ребенком.

Он не мог бросить ее, позволить остаться одной в зачарованном фиолетовом лесу.

— Слушай, у тебя есть родители? — спросил он, бесцеремонно оборвав задумчивое оцепенение девочки.

Та непонимающе посмотрела на него. Похоже, что она не поняла смысла заданного ей вопроса.

— Твои папа и мама, — настойчиво повторил Вадим. — Где они? Они живут здесь? Или, может быть, в Скальном Замке? — решился употребить он слышанное от старухи название.

Девочка продолжала смотреть на него, равнодушно, спокойно.

«Маленькая зомби…» — метнулась в его голове нехорошая, злая мысль.

— Ты должна была где-то родиться, понимаешь? Есть ведь кто-то, кто тебя любит, заботится о тебе? Любовь, родители, дом? — машинально перечислил он банальные, привычные на слух термины.

В ее глазах наконец мелькнула искра понимания.

— Мы рождаемся в Храмах, — ответила она. В глазах девочки росло напряжение, зрачки вдруг стали расширяться. — Я где-то слышала это слово… Любовь? Что это такое?

Вадим совершенно не был готов к ответу.

Любовь… Как просто это слово срывается с губ, но как тяжело, практически невозможно объяснить его смысл. Она либо есть, либо ее нет. У каждого термин «любовь» содержит свой, совершенно неповторимый набор эмоций и чувств…

Маленькая девочка с глазами старухи… Она смотрела на него, а ее зрачки все расширялись, поглощая белок, казалось, еще секунда — и случится что-то страшное, непоправимое…

Тонко, заполошно запищал какой-то прибор.

Вадим мгновенно напрягся, не понимая, откуда доносится звук, пока девочка, закусив губу, не прикоснулась к своему запястью.

Там была крышечка. Маленькая, продолговатая, выполненная под цвет и фактуру кожи. Она открылась от легкого нажатия, совершенно бесшумно отскочив вверх.

Под ней в углублении лежал ряд мерцающих кнопок, рядом тревожно взмаргивал красный индикатор.

— Адреналин… — с нотками испуганной вины в голосе произнесла девочка. — Сейчас я все исправлю… — Ее дрожащий палец коснулся маленьких кнопочек, пробежал по ним в определенной последовательности.

Назойливый сигнал тут же стих. Цвет индикатора сменился на зеленый.

В этот момент Вадим потерял самообладание. Наверное, он выглядел глупо, уставившись на нее, бледный, с перекошенными чертами лица и зловещим пониманием в глазах.

— Извини… Произошел выброс адреналина. Я не могу управлять этой функцией метаболизма… Никто не может… Но мы должны быть спокойны, отрешены от страха, возбуждения, иначе нам никогда не справиться с Фагами. Они убьют Его, и тогда исчезнем все мы… Ты ведь знаешь об этом, да?

Вадим был повинен лишь в том, что не удержался и посмотрел на свое запястье. Пока он не кинул беглый взгляд, кожа на нем горела огнем, словно там действительно присутствовала эта маленькая крышечка телесного цвета, но нет…

Он испытал постыдное облегчение. Его адреналин никто не контролировал, в ушах шумело от его переизбытка.

— Киборг… — сорвалось с его губ.

Девочка посмотрела на него своим обычным, спокойным, чуть задумчивым взглядом. Ее зрачки вновь стали нормальными.

— Еще раз назовешь меня киборгом, я тебя убью, — спокойно произнесла она, коснувшись кончиками сомкнутых пальцев импланта за своим ухом. — Киборги — это Фаги. Я человек.

Больше она не сказала ничего. Развернулась и ушла в нездоровый желтоватый свет, который лился из дверей старого спускаемого модуля.

Двери за ней закрылись и больше уже не открывались.

Вадим промаялся подле почти сутки, но не смог ничего сделать — модуль казался запечатанным наглухо, и не было способа проникнуть внутрь — старую добрую керамлитовую броню не расшибешь пластиковым прикладом автомата.

* * *

Разве можно нахрапом понять чужую реальность?

Вадим думал об этом всю дорогу. Он ощущал себя голым. Оказывается, иногда мало просто выжить, совершить определенный набор усилий. Нужно понять окружающую тебя реальность. Но как? Что он мог сделать голыми руками, без приборов, снаряжения?

Он брел вдоль низкой поросли кустарника, разделяющего собой два пространства: с одной стороны молчаливой стеной возвышался лес. С другой желтел песок, постепенно переходящий в туманную даль залива, за которым лежала земля Фагов.

Выше были звезды…

Вадим вдруг вспомнил множество прочитанных в юности книг, где один герой обязательно спасает всех живущих, проявляя при этом абсолютно недюжинные способности. Если бы он мог так… Взять этот мир, вывернуть его наизнанку, заглянуть внутрь, мгновенно понять, что к чему, и стать неким мессией с готовым рецептом спасения…

Раскидав увядшие ветки, прикрывавшие посадочный модуль, он отворил люк, но, прежде чем лезть внутрь, в тесную пропахшую металлом и пластиком утробу, оглянулся.

Молчаливо синел лес. Падало к горизонту фиолетовое солнце.

На безоблачном небе наливался цветом дурной крови необъятный шар газового гиганта.

Он пробыл тут совсем недолго, мало что понял, но успел сжиться с фрагментом этого мира.

«Я вернусь…» — мысленно пообещал он. — «Я вернусь, и мы вместе

разберемся, что к чему… Обещаю…»

* * *

Его путь вновь вел к «Альфе».

Вадима абсолютно не устраивала противоречивость полученной информации. Непонимание происходящего давило на психику.

После гибели «Гепарда» для возвращения в человеческие миры у него оставался единственный путь: Слепой Рывок.

В принципе это было возможно. Древняя техника импонировала Вадиму своей запредельной мощностью: каждый автономный корабль с борта «Альфы» имел свой термоядерный реактор и мог выкачать из него необходимое для прыжка количество энергии. Пробить метрику пространства также не являлось проблемой, достаточно выплеснуть энергию, создать аномалию, а там гиперсфера сама затянет корабль внутрь, как, собственно, это и случилось в свое время с первым колониальным транспортом человечества.

Но, прежде чем покидать систему горячей голубой звезды, следовало найти ответ на некоторые вопросы.

Хорош он будет, вернувшись к Покровскому с той кашей в голове, которая смущала его сейчас. Что он скажет? Будет эмоционально размахивать руками, описывая невиданные формы и говорить: там такое, такое, чего мы никогда не видели!

На этот раз Вадим твердо решил попасть в район носовой полусферы. В исполинской конической втулке, соединяющей полушарие отсеков управления и вращающийся корпус, не имелось посадочных мест, способных принять его корабль внутрь «Альфы», но там, среди редкой щетины антенн, просматривались стыковочные узлы, предназначенные для технических аппаратов поддержки. Вадим не сомневался в том, что все системы колониального транспорта стандартизированы, и потому смело пошел на сближение.

Фагов в пространстве не наблюдалось. «Черная Роза», атаковавшая его сразу после гиперпространственного перехода, также исчезла, зато громада «Альфы» существенно приблизилась, выходя на виток вокруг газового гиганта.

Несколько часов Вадим потратил на маневр сближения. Автопилот модуля работал по своим меркам быстродействия, но приходилось мириться.

Пока модуль неторопливо сближался с громадой «Альфы», у Вадима оказалось достаточно времени, чтобы обдумать все произошедшее с ним.

«Сплоховал ты, капитан… — мысленно упрекнул себя Полуэктов. — Запсиховал, начал метаться… Оценка — „два“, — вынес он самому себе вердикт по пятибалльной шкале. — Девочку все же бросил… Мечешься, как легкораненый новобранец в первом бою…»

* * *

Древняя техника не переставала приятно удивлять Вадима. Предки мало доверяли своим машинам, и, положа руку на сердце, правильно делали, дублируя все значимые системы механическими приводами, ручными переключателями, рубильниками…

Он уже понемногу освоился с логикой технической мысли тех поколений и потому не сильно волновался, когда стыковочный узел лязгнул, сомкнувшись с ответной частью в корпусе «Альфы».

Естественно, сам шлюз оказался обесточенным, но этот факт никоим образом не отразился на его функциональных возможностях. Внутри переходной камеры, как и рассчитывал Вадим, присутствовали два винтовых механизма аварийного управления люками, а также открывающееся при помощи рычага сопло декомпрессора, через которое даже при неисправных насосах можно было уравнять давление между шлюзом и внутренними отсеками.

Возня с механикой отняла у него еще несколько минут.

Наконец внешний люк был задраен. Вадим взялся двумя руками за заглубленный в переборку окрашенный в красный цвет рычаг со сдвоенной ручкой и резко потянул его вниз.

Внешние микрофоны скафандра тут же уловили тонкий свист поступающего в вакуум воздуха. Под потолком взвихрилось мутное облачко хлопьев кислородного снега, но оно быстро растаяло. Скафандр Вадима обмяк, плотнее прилегая к телу, из чего стало ясно: давление уравнивается, можно открывать внутренний люк.

Наличие атмосферы внутри носовых палуб «Альфы» радовало.

* * *

Второй раз он вступал на борт «Альфы», но теперь Вадим чувствовал себя совершенно иначе — он был морально готов к встрече с древним кораблем и делал все осмысленно, по своей воле.

Механический привод натужно скрипел, отодвигая толстый люк.

В коридорах носовой части колониального транспорта функционировало аварийное освещение. Редкие плафоны, источающие зловещий красный свет, располагались с интервалом в десять-пятнадцать

метров, так что их мощности едва хватало на скупое обозначение контуров окружающих предметов.

Присутствовали и звуки. Внешние микрофоны скафандра улавливали их, передавая в коммуникатор шлема. В стылой тишине коридора отчетливо звучали далекие монотонные вздохи, где-то шипел протравливаемый под давлением воздух, несколько раз раздавались непонятные, будоражащие воображение стуки…

Индикатор, вшитый в рукав скафандра, показывал температуру воздуха в пять градусов по шкале Цельсия.

Медленно и осторожно Вадим двинулся вперед. Он уже представлял себе планировку «Альфы». В ее основе лежали длинные, прямые, как стрела, радиальные коридоры, похожие на спицы в колесе, они пронзали корпус космического корабля от внешнего обода обшивки до центральной ступицы, где располагались основные лифтовые шахты.

Сейчас гравитация в коридорах носовой части корабля отсутствовала, но под тонким слоем облицовочного пластика находился металл несущих конструкций, и магнитные подошвы скафандра достаточно прочно «слипались» с ним сквозь незначительную преграду декоративной отделки.

Звук шагов отдавался отчетливым эхом.

Коридоры, отсеки, боковые ответвления — все несло на себе печать векового запустения. Оброненные когда-то предметы неподвижно застыли в воздухе. Сила инерции их движения давно погасла, и Вадиму казалось, что он смотрит на внезапно остановившуюся жизнь…

Так оно, собственно, и было. Люди, очнувшиеся от криогенного сна, лишь ненадолго заполнили эти помещения, а потом бежали прочь с корабля, в панике десантируясь на близлежащую планету.

Тускло освещенный радиальный коридор без каких-либо эксцессов вывел Вадима к кольцевой развязке уровня.

Он оттолкнулся ногами от пола, перевернулся в невесомости, нашел новую сцепку для магнитных подошв и осмотрелся.

Он попал, как говорится, в самое яблочко.

Вдоль стен кольцевого коридора тянулись длинные указующие стрелы, снабженные надписями:

«Главный пост управления».

«Навигационная рубка».

«Компьютерный центр».

«Обсерватория».

* * *

Мостик «Альфы» поразил Вадима своими размерами и таинственным, молчаливым величием.

Ему здорово повезло, бронированные двери, ведущие в главный пост управления корабля, оказались полуоткрыты. Что-то помешало створкам сомкнуться в ту далекую пору, когда колониальный транспорт погибал от критической нехватки энергоресурсов.

Войдя внутрь, он невольно остановился.

Помещение показалось ему огромным. Всю переднюю стену и часть потолка занимали плотно пригнанные друг к другу экраны обзора. Посты управления располагались уступами, в виде амфитеатра, и их было не менее двадцати.

Тусклый аварийный свет мешал рассмотреть подробности, и Вадим включил плечевые фонари скафандра. Два столба света раскроили сумрак, отразились от матовой поверхности погашенных экранов, заискрились на терминалах, высвечивая их приборные панели.

В этой части «Альфы» практически не было никаких разрушений. В конструкциях корабля не использовались материалы, подверженные тлену, поэтому спустя века только слой пыли на консолях компьютеров напоминал о той бездне времени, которая прошла с момента исчезновения отсюда людей.

Осмотревшись внимательнее, Вадим начал кое-что понимать. Покидая этот зал, экипаж «Альфы» рассчитывал на возвращение, если не свое, то хотя бы своих потомков: именно поэтому, как догадался он, двери мостика остались приоткрытыми. Спускаясь по ступеням лестницы между пультами управления, он видел детали, которые явно свидетельствовали о намерениях экипажа. Например, специальные ключи, аккуратно вставленные в замки активации пультов. Или карточки доступа, торчащие из прорезей мертвых контрольных устройств систем безопасности корабля. Эти предметы можно было с легкостью потерять или повредить, захватив с собой на поверхность планеты, и потому логичнее было оставить их тут.

Эти подробности очень ярко свидетельствовали о тех людях, которые управляли «Альфой».

Они надеялись вернуться, несомненно… Он представил себе их чувства в те критические часы и понял: в этих маленьких свидетельствах намного больше мужества и надежды, чем он мог себе вообразить. Безусловно, им было страшно, но они не поддались охватившей корабль панике, и в хаосе человеческих эмоций небольшой по численности экипаж продолжал прежде всего исполнять свой профессиональный долг…

Вадим остановился, повел фонарями, отыскивая место, где работал

командир корабля.

Вот он, выдвинутый вперед подковообразный пульт, с единственным установленным за ним креслом.

Не колеблясь, он прошел к нему, сел, постарался расслабиться, отключиться от гнетущей, пыльной, мертвой реальности корабля.

В данный момент им руководило не любопытство, а здравый смысл. Терминал командира должен являться сосредоточением всех контрольных систем корабля. С него можно было беспрепятственно выйти на любую исполнительную систему «Альфы». Человек, занимающий это кресло, имел власть над такой мощью, что невольно должен был ощущать себя богом…

Вадим поднял взгляд, скользнул им по панелям терминала.

Незнакомая система молча смотрела на него черными глазницами трех погашенных мониторов. Он протянул руку, поднял прозрачную крышку, под которой было расположено заглубленное в пульт гнездо. Мелкие буквы складывались в надпись:

«Внимание! Для реактивации системы корабля вставьте аварийный ключ и подтвердите доступ».

Ключ уже был вставлен в гнездо рукой того человека, чьи записи читал Вадим, прежде чем совершить посадку на планету.

Он просто повернул его и тут же услышал, как внутри терминала сухо щелкнули сомкнувшиеся контакты.

Нервно, тревожно заморгал красный индикатор.

Секунды вдруг стали тягучими, долгими… Он ждал, напряженно выпрямив спину. Ждал, что сейчас посыпятся искры замыкания старой проводки, что-нибудь задымит, взорвется…

Тускло вспыхнул центральный монитор терминала.

Под сводом зала действительно заискрила какая-то из ламп, потом в недрах корабля прошла вибрация, и вдруг…

На монитор одна за другой посыпались надписи.

Они менялись так быстро, что глаз не мог уследить за сменой строк, да это было и не нужно — кибернетическая система «Альфы» инициировала перезапуск и теперь работала, загружая программные блоки, пытаясь определить свою состоятельность, обмениваясь сигналами с десятками тысяч неведомых Вадиму устройств…

Это показалось ему потрясающим, невероятным…

Скудный запас энергии, накопленный аварийными системами за время тысячелетнего дрейфа, сейчас оживал в байтах информационных потоков, обретая упорядоченный смысл…

Один за другим ожили два боковых монитора. Вадим внимательно осмотрел появившиеся на них сервисные оболочки и понял, что правый отражает работу локационных, а левый — энергетических систем «Альфы».

Тому, кто создавал интуитивные интерфейсы общения между человеком и машиной, следовало поставить памятник. Компьютерная система «Альфы» являлась образчиком именно таких технологий, ориентированных на человека, а не на программиста.

Здесь при желании и минимуме знаний мог разобраться даже десятилетний ребенок, однако Вадим долго смотрел на появившиеся значки, читал и перечитывал поясняющие надписи к ним, прежде чем коснуться световым маркером первой виртуальной кнопки.

Дрейф «Альфы» по окраине газопылевых облаков туманности оказался успешным. Все происходило именно так, как упоминал капитан в своих записках. Емкости колониального транспорта сейчас были на две трети заполнены активным веществом, и очнувшаяся от векового сна система корабля спрашивала, следует ли ей инициировать реакцию термоядерного синтеза для восполнения потерь бортовых энергоресурсов.

Вадим был бы глупцом, ответив ей «да».

Неизвестно, в каком состоянии находился основной реактор «Альфы». Если он не был погашен и законсервирован по всем правилам, если в его агрегатах имеется хотя бы одна поломка, то ситуация наверняка чревата термоядерным взрывом, который уничтожит корабль.

Нет. С этим следовало подождать.

Главное он проверил — система корабля работала.

Внимание Вадима переключилось на монитор локационных устройств.

Прежде всего Полуэктова интересовала темная планета, в непосредственной близости от которой сейчас проплывала «Альфа». Момент подворачивался как нельзя более удачный. Энергии, накопленной за тысячи лет дрейфа, должно было хватить на активацию бортовых телескопов.

Экспериментировать с системой локации было намного безопаснее, чем с реактором. В отношении бортового компьютера «Альфы» такое распоряжение с пульта капитана являлось варварством, по сути — вторичным убийством системы, ведь он своими действиями собирался отнять ее последние эрги, но потребность в информации не оставляла в нем никаких сомнений. Такой шаг с его стороны был правильным.

Ему достаточно быстро удалось разобраться в системе ориентации

двух бортовых умножителей.

Оптико-электронные комплексы ожили, заработали механизмы их точной наводки на объект, по монитору поползли первые строки сообщений.

* * *

Две планеты выглядели, как сиротливые бусинки, нанизанные на незримые нити орбит. Они скользили на рыже-коричневом фоне газового гиганта в бесконечной погоне одна за другой…

Система локации «Альфы» увеличивала изображение, до тех пор пока Вадим не получил возможность заглянуть в прорехи облачности обеих планет.

Несколько часов он экспериментировал, работая с ракурсами, масштабом и детализацией изображений. Ему удалось подключить суммирующий монитор на одном из соседних терминалов, и он перебрался туда, чтобы иметь возможность охватить всю картину целиком, а не просматривать сотни разрозненных фрагментов реальности.

После долгого наблюдения он понял, отчего управляемый им модуль сумел беспрепятственно проскользнуть к «Альфе».

В системе голубой звезды назревали нешуточные события.

«Черная Роза» никуда не исчезла, она по-прежнему присутствовала в пространстве, но в данный момент корабль был занят отнюдь не патрулированием определенных районов космоса. Он парил на высоких орбитах мертвой планеты, осуществляя прикрытие целой вереницы непонятных объектов, внешне похожих на цистерны, емкости, имеющие по одному соплу в корме и широкий воронкообразный раструб в носовой части.

Некоторое время Вадим наблюдал за вереницей из трех десятков «танкеров», как он мысленно окрестил объекты, пока те, вытянувшись длинной цепью, не начали стремительно погружаться в атмосферу газового гиганта.

«Черная Роза» сопровождала «танкеры» на всем пути от орбиты планеты до точки погружения, и, как выяснилось, — не зря.

Вадим интуитивно переместил изображение, следя за размытой границей метано-водородных облаков.

Оттуда навстречу «танкерам» всплывал десяток плазмоидных созданий.

Конвой повел себя очень грамотно, очевидно, ситуация оказалась не новой. «Танкеры» моментально окутались выхлопами реактивных струй,

притормозив свое стремительное пике, с тем, чтобы корабль прикрытия мог занять позицию между ними и всплывающими навстречу плазмоидами.

Схватка казалась неизбежной, но Вадим понял, что ее масштаб не ограничится локальной стычкой между «Черной Розой» и несколькими аналогами Предтеч. Внезапно в поле зрения телескопов попали еще четыре огромных эбеново-черных корабля, которые стремительно приближались к месту назревающего конфликта, появившись с разных сторон, из чего сам собой напрашивался вывод: кораблей, подобных «Черной Розе», атаковавшей его «Гепард» на выходе из пространственной аномалии, в системе намного больше, чем он мог предполагать…

Увеличив изображение, он увидел, как борт ближайшего к «танкерам» черного корабля внезапно взорвался, будто из его лепестков в пространство вырвался целый рой черных мушек.

Еще одно касание сенсоров, и Вадим понял, что это десятки Фагов — тех самых, неприятно поразивших его взгляд, «дышащих» космических истребителей с чешуйчатой броней. Они рассыпались в разные стороны, окружая базовые корабли, а снизу навстречу им всплывали уже не десятки, а сотни плазмоидов…

Вадим замер, впившись взглядом в экран.

Два сонмища странных, необъяснимых созданий стремительно сближались друг с другом.

Неприятная дрожь предчувствия окатила Полуэктова. Слишком похожа оказалась картина на виденные им однажды хроникальные кадры гибели Черной Луны, но…

Внезапно передовое звено Фагов затормозило. Маленькие корабли-истребители почти остановились, образовав пространственную стену, и вдруг начали быстро вращаться вокруг оси, одновременно выпустив во врага жалящие лучи инфракрасных лазеров.

Пространство на размытой границе атмосферы газового гиганта вскипело: плазмоиды взрывались с ослепительными вспышками, а Фаги, поразив одну жертву, тут же, не прерывая огня, мгновенно меняли ориентацию, перенося смертельную фокусировку излучателей на новый объект.

Схватка длилась не более двух-трех минут.

Первая волна Фагов быстро исчерпала свой энергоресурс — маленькие корабли вдруг порхнули в разные стороны, разлетелись, словно стайка вспугнутых птиц, стремительно заглатывая водород расположенными по всей площади брони заборниками. Вадим потрясенно следил за ними и видел: это не просто механизмы, они двигались

стремительно, точно, но почему при одном взгляде на их пируэты в разреженном газовом облаке создавалось стойкое ощущение того, что они купаются в водородной среде, упиваясь только что одержанной победой?

* * *

Два часа Вадим наблюдал, как гибнут все новые и новые плазмоиды, пока их волны, поднимающиеся из глубин атмосферы газового гиганта, не пошли на убыль.

Зрелище космической битвы подавляло разум, трудно было даже представить то количество энергии, которое затратили обе противоборствующие стороны, — напряженность схватки исчислялась десятками тысяч мегаватт.

Более всего Вадима поразило то обстоятельство, что за все время, пока в пространстве бушевал энергетический ад, плазмоидам удалось уничтожить едва ли десяток черных истребителей.

В том, что шарообразные сгустки являются близкими родственниками Предтеч, не оставалось никаких сомнений — в те моменты, когда им удавалось прорваться сквозь заградительный огонь, эти существа действовали точно так, как засвидетельствовали камеры, снимавшие трагическую гибель Черной Луны.

Разница заключалась лишь в том, что теперь Предтечи выступали отнюдь не в роли космической чумы, а, наоборот, оказались жертвами, обороняющейся стороной, и это обстоятельство заставляло задуматься прежде всего над тем, насколько смертельной для всего сущего может стать непонятная природа черных космических кораблей.

Развязка наступила незаметно. Всеобщая битва, от буйства которой слепли оптические датчики, постепенно пошла на убыль, распавшись на отдельные затухающие очаги противостояния.

Фаги победили, в этом не оставалось никакого сомнения. Все черные корабли были невредимы, погибло не более десятка выпущенных ими истребителей.

Плазмоиды перестали всплывать из пучин водородной атмосферы, словно там, под мутно-коричневыми облаками, иссяк некий генератор, пополнявший до этого их ряды.

Конвой танкеров, из-за которого, собственно, и закрутилась смертная карусель битвы, продолжил свое движение.

Прошло немного времени, и он скрылся под облаками.

* * *

За время отсутствия конвоя Вадим успел подготовиться к его возвращению, активировав бортовые спектрографы «Альфы».

Настроив приборы, он оставил один телескоп следить за атмосферой газового гиганта, а фокус второго переместил к темному спутнику планеты.

Черные корабли не спешили принимать на борт выигравших битву Фагов. Те резвились. То и дело один из кораблей совершал резкий, стремительный нырок в клубящуюся красновато-коричневую облачность, чтобы спустя несколько минут вынырнуть из теплых водородных облаков, поднимаясь к черному мраку пустоты.

Они питались, восполняя потери активного вещества.

В этом зрелище было что-то зловещее и одновременно завораживающее. Вадим слишком хорошо понимал, что на его глазах протекает *жизнь*, но одному богу известно, насколько зловеще выглядели ее биомеханические формы.

Фаги не могли возникнуть естественным путем. Они являлись порождением местного мира людей, но как, зачем и, главное, для каких целей они были созданы — вот что оставалось неразрешимой пока загадкой.

Полумашина-полужизнь — страшный синтез двух материй, замешанный на достижениях человеческой науки. Форма, инициировавшая собственную эволюцию… или их действиями все же руководил кто-то?

Вадим не мог даже предположить ответа на заданный самому себе вопрос.

Пока он разглядывал резвящихся Фагов, темный спутник газового гиганта совершил четверть оборота вокруг своей оси, и в плотной завесе его пепельно-серой облачности появилось значительное окно.

Вадим тут же переключил свое внимание на второй телескоп; который заранее развернул к планете в ожидании именно такого случая.

Тихо защелкал носитель информации, на который велась постоянная запись событий, протекающих в прицеле оптических систем слежения «Альфы».

Палец Полуэктова лег на сенсор разрешающей способности.

Касание, и поверхность планеты поплыла навстречу, укрупняясь серией стоп-кадров.

Щелчок…

Край лохматых пепельно-серых облаков уплыл в сторону. Внизу просматривались смутные очертания планетной тверди. Ничего похожего на огни, блеск водных поверхностей, зелень лесов… Просто смутное, серое пространство с более черными тенями в складках рельефа.

Еще щелчок…

Часть квадрата укрупнилась, стали более заметны очертания расположенных внизу сооружений.

Планета была обитаема, но вот кто населял ее поверхность? После нескольких последовательных увеличений путаница серо-черных линий внизу приняла более конкретные формы, которые стали ближе к геометрическим, чем это могло показаться сначала. Вадим вновь коснулся сенсора, пытаясь понять, что там. Город? Планировка сельскохозяйственных полей? Или просто такой складчатый рельеф?

Освещение было очень слабым. Пепельно-серые облака блокировали свет звезды, но в разрыве облачности стало чуточку светлее, создавалось впечатление, что вечная, царящая внизу ночь лишь на короткое время превращается в сумерки, не более…

Продолжая укрупнять и фиксировать кадр, Вадим понял, чем это обусловлено. В воздухе присутствовала мельчайшая взвесь пылевых частиц.

Еще один кадр, и понимание, узнаваемость черт лежащего внизу мира резанули по нервам мгновенной догадкой, озарением.

Смог… Концентрированное промышленное производство.

Вадим смотрел в одну избранную им точку, постоянно укрупняя ее, пытаясь шаг за шагом постичь раскинувшуюся внизу мрачную реальность, но бортовая локационная система «Альфы» делала в этот момент тысячи снимков, фиксируя в изображениях всю область в зоне «окна облачности».

Смутные контуры построек, видимые сквозь взвешенную в воздухе пыль, в какой-то момент стали расплываться. Увеличение изображения резко ухудшало его качество, и вскоре Вадим вообще перестал понимать что-либо на поступающих снимках. Все занял собой крупнозернистый серый фон со смутными прожилками линий.

Он остановил увеличение. Диск-кристалл еще немного пощелкал и успокоился.

Вадим извлек бесценный источник информации и спрятал внутри скафандра.

Оставалось ждать, пока вернутся бочкообразные корабли, если, конечно, те вообще собирались возвращаться в космос.

* * *

Конвой появился внезапно спустя пять с половиной часов после своего погружения. Количество кораблей осталось тем же, но двигались они гораздо медленнее, натужно выкарабкиваясь из гравитационных

объятий газовой планеты.

Вадим активировал приборы.

Он знал, что рискует спровоцировать атаку со стороны черных кораблей, но разве после всего увиденного был у него какой-то выбор?

Недоступные глазу потоки ускоренных частиц ушли в сторону всплывающего конвоя, пронзили один из его кораблей, просвечивая его обшивку и содержимое.

Посмотрев на результат, Вадим в первый момент ничего не понял.

Обшивку танкеров, так же как и их содержимое, составлял водород в металлическом состоянии, легированный элементом, который масс-спектрограф отказался однозначно определять!..

Требовалось повторить сканирование.

Как ни велик казался риск, но информация требовала уточнения. Вадим покосился на экран оптических умножителей, оценивая расстояние до ближайшей группы Фагов. Успеет ли он что-либо предпринять, если эти существа воспримут направленный на танкер поток ускоренных частиц как атаку на их подопечных?

Нет… не восприняли.

Он посмотрел на результат.

Металлический водород. Легирующий элемент в базе данных отсутствует.

Рисковать в третий раз не имело никакого смысла. Пора было убираться отсюда вместе с той бесценной, но не укладывающейся ни в какие рамки информацией, которую ему удалось добыть.

* * *

Прежде чем окончательно покинуть «Альфу», Вадим довел до логического конца начатое исследование системы.

Второй спутник газового гиганта, на поверхности которого уже побывал Полуэктов, выглядел намного приятнее. В его атмосфере преобладали бледно-зеленые и фиолетовые тона, смазанные спиралевидными циклонами облачных масс. Вадим сделал серию снимков, подумав при этом, что машины, вторжение которых он наблюдал, вскоре, вероятно, превратят и эту планету в черно-серый унылый отравленный шар.

«Если в ближайшее время не произойдет чего-то экстраординарного…» — подумал он, переключая систему в режим сканирования планетных масс. В последние часы его все больше и больше беспокоил очень неудобный, скользкий вопрос: ради чего он собирается

рискнуть, решившись на слепой рывок?

Что искал его руками генерал Покровский в районе тысячелетнего дрейфа колониального транспорта? Выживших людей?

Нет, Покровский не из тех, кто действует под напором эмоций. Жалость, беспокойство, любопытство — не его амплуа. Холодный, трезвый расчет, замешанный на реальном знании, — вот на что опирался Андрей Георгиевич в своих действиях.

«Он что-то знал про „Альфу“…» — Мысль вертелась в голове, назойливая, требующая внимания, осмысления.

Что можно извлечь из древнего корабля?

Ответ был один: какие-то технологии, либо утраченные впоследствии, либо запрещенные в силу своей крайней сомнительности, неэтичности. Вадим знал прецеденты подобных запретов. Многие миры до сих пор поддерживали табу на элементарное клонирование, запрещали искусственно выращивать людей, считая подобные действия подрывающими моральные устои цивилизации. Или, например, генная инженерия, связанная с гибридным клонированием…

«Уж не Фагов ли искал Покровский?»

Эта мысль была неприятной, она обожгла, но отмахнуться от нее не удалось. Логика в таком поиске присутствовала.

«Придется, Андрей Георгиевич, ответить на неудобные вопросы…» — подумал Вадим, заранее зная, как воспримет генерал подобную попытку давления.

Пока он размышлял, детекторы масс обнаружили два астероида и одну комету. Негусто… В последний раз осматривая экраны, на которые продолжало поступать изображение с телескопов, он уже положил руку на ключ, собираясь повернуть его в положение «дезактивация», когда детектор планетных масс вдруг коротко и тревожно взвыл.

Еще одна планета? Неужели?!

Взглянув на показания приборов, он понял: да, это было именно так. Не спутник, не луна, а еще одна планета, обращающаяся вокруг голубой звезды!

Вадим убрал руку с ключа, опускаясь назад, в кресло.

* * *

Старые системы ориентации «Альфы» затратили немало времени, прежде чем удалось поймать новый объект в прицел бортовых телескопов.

Планета оказалась мертвой, чем-то она была похожа на Плутон. Такая же безжизненная, серая, лишенная атмосферы.

До нее было порядка астрономической единицы, не меньше.

Вадим некоторое время наблюдал ее в телескопы, сделал еще одну серию снимков, но ничего, стоящего внимания, не обнаружил. Однако следовало проявить терпение, и он приготовился ждать еще несколько часов, чтобы оптические системы «Альфы» смогли отфотографировать ее поверхность.

Его терпение было вознаграждено самым внезапным образом, когда из-за края безжизненной планеты вдруг показалась еще одна космическая конструкция.

Услышав сигнал, предупреждающий об изменении обстановки, он обернулся к мониторам, на которые выводилось изображение оптических умножителей.

Лицо Вадима внезапно побледнело, потом на щеках вдруг вспыхнул румянец.

В поле зрения телескопов медленно вплывал тускло-серый, отливающий глянцем керамлитовой брони, усыпанный гроздьями внешних антенн шар орбитальной станции.

«Черт… Этого не может быть!..»

Как хотелось ему ошибиться, сморгнуть и понять, что выплывающий контур совсем не то, о чем он подумал, но… ошибиться было попросту невозможно. По орбите вокруг обнаруженной планеты величественно плыла ощерившаяся антеннами, абсолютно узнаваемая станция Гиперсферной Частоты!

Часть вторая

Глава 8

В рубке патрульного корабля царил полумрак, в котором ярко мерцали световые шкалы приборов. Пилот действовал без суеты — передав все необходимые сведения, он развернул свою машину, которая описала в пространстве плавную дугу и легла на новый курс.

— Внимание, всем станциям планетарной обороны, фиксирую несанкционированный гиперпространственный переход. — Голос пилота был абсолютно спокоен. — Даю координаты возмущения метрики… Иду на перехват объекта.

Бесшумно открылись створки носовых лазерных орудий.

— Ноль-ноль-один, иду по пеленгу, объект визуально недоступен, возмущение метрики слабое.

— Это что-то небольшое? — пришел вопрос по каналу связи.

— Думаю, да… — Пилот несколько раз коснулся сенсорных кнопок, переключая режимы масс-детекторов. — Контур пока неясен, но масса не больше тонны. Похоже на спасательную капсулу или небольшой прогулочный катер. Какие будут указания?

— Выполни стандартную процедуру опознавания.

— Понял вас. Остаюсь на связи…

Пилот пробежал глазами показания приборов и начал сбрасывать скорость. Похоже, он прибывал в точку рандеву первым.

Так оно и оказалось. Приборы фиксировали возмущение метрики, но сам объект появился лишь спустя пять минут. Он всплывал из «гипера» буквально в нескольких километрах от полностью затормозившего патрульного корабля.

Сначала в пространстве появилось бледное сияние, которое постепенно стало принимать подобие формы; сгусток света все уплотнялся, становился ярче, пока вдруг не блеснула ослепительная вспышка… и в черноту космоса внезапно вышвырнуло странный, совершенно неузнаваемый по внешним обводам обшивки корабль.

— Так, вижу его, веду запись с камер слежения… — глядя на медленно вращающийся аппарат, пилот патрульного корабля смог лишь покачать головой — эти очертания показались ему абсолютно незнакомыми. Появившийся в трехмерном космосе объект действительно походил на спасательную шлюпку, но интересно, где применялась такая конструкция? Сигарообразный корпус оканчивался трезубцем

двигательных секций, разнесенных под углом в сто двадцать градусов, ближе к носу выделялась выпуклость рубки управления, по бокам нелепо топорщились короткие крылья или стабилизаторы. — «Уж не для атмосферных ли полетов?» — ужаснулся про себя пилот, не смея даже предположить, как такая каракатица будет вести себя в атмосфере…

— Внимание, неопознанный объект, вы вторглись в зону охраны планеты Кьюиг, прошу выйти на связь и сообщить данные о своей принадлежности. Если на борту есть проблемы, я готов выслушать вас. Предупреждаю, вы под прицелом моих орудий.

Несколько минут в эфире царила гробовая тишина. Возможно, пилот этого странного аппарата сейчас настраивал свой передатчик, пытаясь определить длину волны, на которой с ним общались.

Да. Так оно и было. Слова пилота патрульного корабля повторялись в автоматическом режиме, и наконец он услышал ответ:

— Да, я слышу вас! — голос был хриплым, усталым. — У меня действительно проблемы…

— В чем они заключаются, пилот? Сколько человек на борту и к какой планете вы приписаны?

— На борту я один. Планеты приписки нет, я сотрудник станции «Гамма-4», Элианского института исследований космоса. Мои проблемы заключаются в трех Слепых Рывках. Я совершенно не представляю, где вышел.

— Вот как?.. — Пилот не спешил убирать руку с джойстика наводки лазерных орудий. — Авария гиперпривода? — уточнил он.

— Да. Неудачные испытания после ремонта.

— Хорошо, информацию принял. Системы жизнеобеспечения еще работают?

— Да, как будто… Поручиться не могу, сижу на всякий случай в скафандре.

— Ясно. Включите канал телеметрии данных с бортового компьютера, используя стандартную аварийную частоту. Я введу данные по навигации со своей машины.

— Извините, но этого сделать я не могу…

— Почему? — нахмурился пилот.

— Тут нет бортового компьютера в современном понимании. Просто пульт управления с некоторой долей автоматики.

Несколько секунд пилот патрульного корабля переваривал столь нелепое, шокирующее откровение. Потом, приняв решение, коснулся панели связи:

— Хорошо, будем считать, что я поверил. Не дергайся, сейчас отстрелю магнитный буксир. Молись на свое корыто, чтобы выдержало среднюю скорость моего корабля, тащиться несколько суток до ближайшей базы я не собираюсь.

— Нет… Так не пойдет… — запротестовал коммуникатор. — Я четверо суток не вылазил из скафандра!.. Больше не могу…

— Я же сказал — пойдем быстро.

— Не выдержит эта колымага буксировки. Я и так чудом остался жив — это понятно?..

Пилот патрульного корабля невнятно выругался.

— Мне нужны твои данные для проверки. Сканер генетического кода, надеюсь, присутствует на борту?

— Черта с два, — пришел не менее раздраженный ответ. — Эта колымага еще со времен Первой Галактической. Могу дать визуальный канал. Надеюсь, для подтверждения личности сотрудникам «Гаммы» хватит картинки.

— Ну ты даешь! Из-за тебя связываться по ГЧ?! Ты хоть знаешь, сколько это стоит?

— Есть другие предложения? Может, мне позволят сдохнуть после аварии вблизи цивилизованной планеты?

При последних словах пилот патрульного корабля насупился.

— Полегче, парень… Давай свою картинку и данные.

Экран связи осветился.

Да, выглядел этот тип действительно не очень. За выпуклым стеклом старинного гермошлема отчетливо виднелось землистого цвета лицо с набрякшими синяками под глазами. Пилот ощутил укол совести, но что он мог поделать со строго регламентированной процедурой?

Принесло же эту проблему на его голову…

— Джордж Гаррисон, гражданство Элио, — отрекомендовалось изображение.

— Минуту подожди, не исчезай с экрана.

Патрульный включил дальнюю связь:

— Нол-ноль-первый, пилот сообщает, что он приписан к станции «Гамма». На борту технические проблемы. Система жизнеобеспечения дала сбой. Вот его данные, — он коснулся сенсора, отправляя файловый пакет. — Есть предложение связаться с «Гаммой» для визуального опознания.

Несколько минут в эфире царила тишина, затем коммуникатор что-то забубнил.

— Да… Да, понял.

Пилот патрульного корабля переключил канал:

— Вот что, путешественник… Я выдвигаю аварийный переходник. Давай собирай шмотки, мне приказано снять тебя с этой развалины.

— Спасибо…

Через несколько минут два корабля соединились, состыковавшись посредством мягкого переходного тамбура, плотно облепившего шлюз всплывшей из гиперсферы допотопной посудины.

Пилот, пристегнутый ремнями к сложной противоперегрузочной системе ложемента, терпеливо ждал, пока его пассажир поднимется на борт.

Рубка патрульного корабля была тесной, в ней с трудом могли поместиться два человека.

Когда открылись двери и в них появился спасенный, пилот смог только повернуть голову, неодобрительно покосившись на вошедшего.

— Что это за фигня у тебя в руках, парень?

Вадим шагнул вперед, приставил ствол к затылку его гермошлема и спокойно произнес:

— Это автоматическая штурмовая винтовка Шагина образца 2197 года. Не дергайся, заряд хоть и пороховой, но пуля рассчитана на бронебойный эффект. Быстро убери руки с пульта…

Пилот повиновался. А что ему оставалось делать, глядя на то, как черный зрачок ствола переместился к его лицу и застыл, покачиваясь, прямо перед глазами?

Если бы он знал, что в магазине страшного, допотопного оружия нет ни единого патрона…

— Ты покойник… — все же выдавил он.

— Не думаю. — Вадим смертельно устал, и у него не было сил на диалоги. — Сними свой доступ, введи общий пароль на управление.

— Что ты собираешься…

— Делай, как говорят!..

Пилот покосился на зрачок ствола и понял, что он не герой. Одно дело управлять отлично защищенной и вооруженной машиной, а другое — столкнуться вот так, лицом к лицу, с каким-то психом… Ладно, парень, все равно тебе никуда не уйти…

Он ввел требуемые команды и вопросительно поднял взгляд.

Полуэктов протянул свободную руку и рывком закрыл забрало его шлема.

— Герметизация?

— В норме… — машинально ответил обалдевший пилот, покосившись на внутренние датчики шлема.

— Вставай.

— Эй, ты что?!..

— Я сказал — вставай!

Непослушные пальцы пилота с трудом справились с замками ложемента. До него вдруг дошло, что этот парень с осунувшимся лицом и ввалившимися глазами даже и не пытается шутить.

— В шлюз. Не будешь дергаться, — выживешь.

«Вот дерьмо…»

* * *

Вадим отстрелил мягкий переходной тамбур вместе с барахтавшимся в нем человеком, отнюдь не чувствуя себя героем. Впрочем, пилоту ничего не угрожало. В худшем случае через пару часов его подберут.

— Не трепыхайся… — посоветовал он по связи, одновременно пристегивая себя к ложементу пилотирования.

Эта модель патрульной машины была ему знакома и вполне отвечала целям Вадима, иначе он не стал бы рисковать с угоном. Основным мотивом, заставившим его пойти на этот шаг, являлись маркировки «Альфы», которыми были буквально испещрены конструктивные детали шатла.

Он осторожно тронул джойстики ручного управления, и корабль мягко ушел из точки, где остался болтаться тамбур с пилотом. Вадим включил буксировочный магнит, отволок шатл на безопасное расстояние и бросил его, предоставив некоторое время двигаться по инерции.

Развернув машину, он перевел излучатели в режим «Альфа-плазма».

— Закрой глаза, а лучше отвернись в другую сторону, — в последний раз связался он с пилотом, прежде чем спустить гашетки носовых орудий.

Пухлый шар нестерпимого, пронзительно-белого сияния возник в пространстве.

Теперь они могут сколько угодно ковырять тот ком металла и пластика, что остался на месте древнего корабля. Из причудливой, расплавившейся и тут же застывшей кляксы вряд ли можно будет извлечь хоть крупицу информации.

Конечно, его проследят по данным, которые Вадиму волей-неволей пришлось сообщить, но это уже являлось головной болью генерала Покровского. Он свое дело сделал чисто и старательно, насколько это позволила обстановка.

Через минуту патрульный корабль ушел в черную воронку гиперпространственного перехода.

* * *

За орбитой Плутона, во мраке, далеко от зон действия станций слежения, в космосе перемещаются плотные астероидные массы, собранные в отдельные скопления.

Это «строительный мусор», оставшийся после формирования Солнечной системы.

Скопления астероидов, так же как и кометы, движутся по своим орбитам за миллиарды километров от солнца. Никому нет дела до этих безжизненных кусков камня; порода астероидов бедна ископаемыми, они холодны, лишены атмосфер, а их эксплуатация не оправдывает затрат на доставку сюда какой-либо техники.

В таком вот пустынном, забытом богом и людьми месте, неподалеку от темного скопления астероидных глыб, и произошло непредвиденное событие.

В темном пространстве внезапно появился проблеск света. Мертвенное, призрачное сияние озарило мрачные глыбы камня, заискрившись в прожилках вкраплений льда.

Небольшой космический корабль всплывал из гиперсферы. Его контур материализовался в трехмерном континууме, затем, затмевая бледное сияние, полыхнула короткая, яркая вспышка, и космос опять погрузился во мрак.

Корабль некоторое время летел по инерции, сближаясь с роем астероидов. Наконец, когда бесформенные обломки камня уже окружили его, заработали двигатели коррекции, освещая мрачные, уродливые трещины бездонных каньонов, которые покрывали ближайшую к кораблю каменную глыбу, и на поверхности астероида в стробоскопических вспышках двигателей ориентации внезапно обозначился покатый герметичный купол, подле которого по всем правилам был пришвартован транспорт с эмблемой Земных Транссистемных линий…

Покинув борт угнанного патрульного корабля, Вадим десантировался на астероид, воспользовавшись ранцевыми двигателями скафандра.

Ему было отлично известно и про купол, и про пришвартованный рядом корабль. На поверхности астероида располагалась одна из организованных Покровским резервных точек, предназначенная для нештатного возвращения агентов. Здесь Вадим мог немного отдохнуть, отправить сигнал о своем прибытии в систему и воспользоваться

транспортом для легального возвращения на Землю. Бортовому компьютеру угнанного корабля он ввел команду на самоуничтожение.

* * *

…Спустя две недели пилот транспортного корабля Андрей Желехов, оформив все положенные документы, сдал груз, который действительно присутствовал на борту, и покинул таможенный зал космопорта, расположенного в экваториальной части африканского континента.

Покровский уже знал о его прибытии и должен был ждать Вадима в оговоренном заранее месте, на одной из оборудованных для подобных встреч конспиративных квартир.

Во время короткого перелета до центра бывшей Евразии, контур которой сильно изменился из-за обмелевших океанов, Вадим успел привести в порядок мысли, морально готовясь к предстоящему докладу.

Он уже пришел к твердому убеждению, что нельзя отдавать генералу информацию просто так, без встречных объяснений.

Выйдя из автоматического такси за несколько сот метров до нужного ему обшарпанного подъезда в квартале старых, наполовину опустевших небоскребов, он еще минут десять блуждал по переходам и уровням прилегающих здании, проверяясь на предмет возможной слежки. Убедившись в ее отсутствии, Вадим наконец поднялся на нужный этаж и остановился перед обычной, ничем не примечательной дверью квартиры.

Он уже однажды бывал тут и знал, что вместо кнопки звонка установлена пластина сканера, к которой следует приложить палец. В квартире было оборудовано несколько запасных выходов, и в случае неподтверждения генетического кода посетителя. Покровский бы попросту ушел без шума и риска, оставив непрошеного гостя перед запертыми дверьми обычной необитаемой квартиры.

Вадим надавил на пластину сканера, но искра индикатора на панели активации дверей по-прежнему оставалась красной.

Он удивленно посмотрел на нее, ощутив беспокойство, но в этот миг индикационный сигнал сменился на зеленый, сухо щелкнул электрозамок, и дверь приоткрылась, словно приглашая войти.

Покровский ждал его, стоя у зашторенного окна.

Услышав шаги, ом повернул голову.

— Вадим! Ну наконец-то!

Генерал шагнул навстречу Полуэктову, обнял его.

«Черт… Никогда не замечал за Покровским таких сентиментальных порывов…»

Мысль была здравой, тревожной, но несколько запоздалой.

Вадим внезапно ощутил укол в область шеи, и сознание крутанулось, мгновенно погружаясь в липкую бездну небытия.

* * *

Многотонная плита мягко скользнула в сторону, открывая узкий проход.

В обстановке подземного антирадиационного убежища не чувствовалось дыхания времени — тут мало что изменилось, с тех пор как Земля воевала со Свободными Колониями.

Покровский кивнул дежурившему у дверей офицеру, прошел вдоль коридора, на секунду задержался подле сканирующего устройства, установленного на входе в модуль спецопераций.

Дверь открылась, и он вошел внутрь.

Вадим Полуэктов лежал, пристегнутый ремнями к жесткому пластиковому одру исследовательского медицинского комплекса. Сверху его накрывал прозрачный, едва заметный колпак.

Навстречу генералу из-за компьютерного терминала торопливо поднялся сотрудник лаборатории, но Покровский жестом остановил его порыв.

— Работайте, — буркнул он, подойдя к ложу диагностического комплекса.

Несколько секунд генерал пристально смотрел сквозь прозрачный пластик на бледное, осунувшееся лицо Вадима. Тот не подавал никаких признаков жизни, хотя синусоиды графиков на многочисленных приборах свидетельствовали об обратном.

Сзади раздались торопливые шаги.

— Господин генерал?

Покровский обернулся, хмуро взглянув на начальника исследовательского комплекса.

— Давай, Денис Петрович, докладывай… как он?

Генерал посмотрел вокруг, заметил стоявший поодаль стул из легкой шугой арматуры. Взяв его, он сел, облокотившись на спинку.

— Что именно я должен доложить? — пожилой майор в белом халате тоже взял стул и сел напротив, неспокойно, нервно сцепив пальцы рук. — Случай совершенно уникальный, и двух дней явно недостаточно…

— Я хочу знать, кто это лежит перед нами, — Голос Покровского повысился. — Это не тот Вадим Полуэктов, которого я знал.

Денис Петрович не спешил с ответом. Несмотря на белую униформу

со знаками различия майора внутренних сил Земной Безопасности, в облике Бесколова угадывался человек мягкий, вдумчивый, скорее гражданский, нежели военный. Он не пытался вытягиваться перед Покровским, как это делали иные сотрудники лабораторий сектора.

— Извините, могу я спросить, на чем основана ваша уверенность? — спросил он.

Несколько секунд прошло в гробовой тишине. Было слышно лишь попискивание приборов в изголовье диагностического одра да напряженное, недовольное сопение Андрея Георгиевича.

— Генетический код, — наконец произнес Покровский. — Там, где мы встретились, установлен сканер. Его генетический код не был подтвержден прибором. Это не Вадим Полуэктов. Это его двойник. *Засланный*, понимаешь меня, майор?

— Да, теперь понимаю, — кивнул Бесколов.

— Тогда растолкуй мне. Но сначала ответь, эти изменения действительно существуют или прибор лгал?

Майор покачал головой:

— Нет, прибор не лгал. У этого человека, — он кивнул в сторону неподвижного тела, — каждая произвольно взятая на анализ клетка имеет изменения генетического кода.

Покровский помрачнел. Оправдывались самые худшие его опасения. Клон… Подменыш… Но кто подсунул его вместо Вадима? И главное — зачем? Какой смысл подсылать агента-двойника, который не сможет обмануть сканер?

Его тяжелые мысли нарушил Бесколов:

— Андрей Георгиевич, — осторожно напомнил он о своем присутствии, — могу я высказать несколько соображений?

— Давай…

— Я бы хотел коснуться тех несоответствий, которые имеются в генетическом коде. Дело в том, что они уникальны.

— А в чем это заключается? — насторожился Покровский. Майор на некоторое время задумался.

— В нашем организме есть органы, которые поддаются осмысленному контролю, а есть такие, которые совершенно неподвластны сознанию, — собравшись с мыслями, начал объяснять он. — Например, усилием воли можно задержать дыхание, но нельзя заставить сердце остановиться… Нельзя принудить по-иному работать желудок. Нашему разуму неподконтрольно большинство внутренних органов. — Он вскинул взгляд. — Это понятно?

— Понятно, — буркнул Покровский. — Ближе к делу.

— Хорошо… Тогда возникает вопрос а почему мы не задумываемся о том, что наше сердце должно биться? Почему мы не можем случайно «забыть», как нужно дышать? Тысячи сложнейших функций исполняются в нашем организме ежесекундно, и все они не требуют осмысления… — Бесколов многозначительно посмотрел на генерала и пояснил: — Это происходит потому, что везде — в сердечной мышце, в стенках кишечника, и во многих других органах, — присутствуют скопления изолированных нервных клеток, которые мы называем «центрами автоматии». Очень характерным примером служит так называемый «водитель сердечного ритма». Это нервный узел, который постоянно возбуждает сердечную мышцу, заставляя ее сокращаться с определенной частотой. На опытах доказано: сердцу не нужен мозг, для того чтобы оно билось. Стоит извлечь из организма любой орган, снабженный центром нервной автоматии, поместить его в питательный раствор, и он продолжит свою работу — сердце будет биться, стенки кишечника — ритмично сокращаться, и так далее.

— Ну… И что дальше? — генерал старательно пытался вникнуть в суть сказанного.

— В организме этого человека, — майор опять кивнут в сторону прозрачного колпака, — все центры автоматии напрямую связаны с центральной нервной системой. Это единственное изменение, или, как я бы назвал, улучшение, внесенное в код построения его организма. Я обнаружил у него особые нервные волокна, которые отсутствуют у обычного человека. Они исполняют функцию соединителей, интерфейсных перемычек… ну, как шлейфы внутри электронной машины, соединяющие различные схемы.

— И что это дает? — напрягся Покровский.

Бесколов был готов к такому вопросу, поэтому ответил сразу, без паузы:

— Думаю, что его мозг может полностью управлять всем организмом. Регулировать обмен веществ, замедлять или ускорять химические реакции в клетках, концентрировать энергию в определенных точках… трудно даже представить все его возможности. Причем, заметьте, — я сказал *мозг*, а не разум! Управление вполне может осуществляться на уровне подсознания.

— Это имеет смысл?

— В плане экстремальных условий выживания, приспособляемости организма к какой-либо среде — смысл огромный! — горячо заверил его Бесколов. — Человек с такими коррекциями нервной системы может

выжить там, где мы с вами погибнем.

Покровский слушал его, мрачнея.

Генерала терзали сомнения, и майор лишь растревожил, расшевелил их своими фантастическими утверждениями.

— Вот что, Денис Петрович… — наконец произнес он, вставая со стула. — Подготовь его к процедуре сканирования… Да не бледней, ради бога, я знаю! — отмахнулся он от попытавшегося протестовать Бесколова. — Делай что говорю!

* * *

Первым осознанным ощущением Вадима была злость.

«Покровский… сволочь…»

Чувство оказалось острым, болезненным, будто детская обида от несправедливой порки.

Более холодные, рациональные, взвешенные эмоции пришли чуть позже, когда он понемногу начал осознавать реальность.

Разум мучительно выкарабкивался из черного провала, куда был погружен на неизвестный отрезок времени. Зрения не было, но он воспринимал звуки, далекие, идущие сквозь толстый слой чего-то мягкого, глушащего их.

Шаги… Тихие, вкрадчивые.

Тонкий, едва уловимый, монотонный писк какого-то прибора…

Сиплые вздохи… Щелчки…

Голос…

— Пока мы держим его на препарате, в сознание не придет, не волнуйся.

— А на фига его к нам?

— Не знаю. Приказ Покровского. Спроси у этих ребят за дверью, они тебе популярно объяснят, что к чему…

Кто-то проволок мимо стул, царапая металлическими ножками по пластику пола.

Тихо, нудно пищит прибор. Сипло вздыхает насос.

Ощущение тела возвращалось постепенно, словно организм медленно очищал себя от отупляющего воздействия той лекарственной дряни, которой был напичкан.

Некоторые участки кожи на лодыжках и запястьях не воспринимались вовсе, словно они онемели.

«Метра два до них… Двери… Охрана… Покровский… сволочь… Ремни… Я пристегнут к чему-то…»

Некоторое время Вадим лежал, сознательно пытаясь сконцентрироваться на ощущениях тела. Это удалось ему с неожиданной легкостью.

Злость продолжала копиться, колыхаясь мутной отстойной лужей на дне души.

«Выбраться отсюда…»

Эта мысль с каждой новой секундой становилась все настойчивее, именно она внезапно превратилась в стимул для сознания, не давая ему вновь окунуться в дурманящую дымку небытия.

«Сначала зрение… Потом ремни…»

Страстное желание увидеть хоть что-нибудь в окружающем мраке помогло сосредоточиться, *ощутить* свои зрительные нервы, словно те действительно были подвержены подобному контролю со стороны разума. Нет, конечно… вернее всего, это были фантомные ощущения, но они помогли… тьма медленно начата отступать, словно с его лица кто-то стаскивал черное непроницаемое покрывало.

Свет…

Далекая, ровная плоскость белого потолка с редкими квадратами встроенных плафонов.

Тень, проскользнувшая по некой поверхности в полуметре от лица…

Колпак… Его накрывал прозрачный пластиковый колпак. Вадиму внезапно и болезненно припомнилось пробуждение на борту «Альфы». Какая-то странная, роковая повторяемость событий…

Некоторое время он лежал, наблюдая из-под полуприкрытых век за игрой бликов на поверхности прозрачной преграды, потом начал поочередно напрягать руки и ноги в тех местах, где онемение говорило о ремнях, пристегивавших его к ложу.

Постепенно он начал чувствовать покалывание. Кровообращение восстанавливалось.

Вадим уже полностью пришел в сознание. Черная мгла отступила окончательно и бесповоротно.

* * *

В этот час лаборатории сектора спецопераций были достаточно многолюдны, но Вадим, осторожно скосив глаза, пришел к выводу, что он помещен в каком-то отдельном боксе. За матовой, полупрозрачной перегородкой несколько раз проплывали какие-то смутные тени, но в самом помещении он разглядел лишь одного, сидящего спиной к нему человека.

На нем была белая стерильная униформа, маска респиратора опущена,

на шее смешным бантиком завязано ее разорвавшееся крепление.

За ним не наблюдали…

«Не факт… Возможно, видеокамера в изголовье…»

Экспериментировать он не стал. Поднимать тревогу раньше времени ему не нужно.

Во рту ощущался насильно втиснутый между зубами мундштук аппарата искусственной вентиляции легких.

Рискнув чуть шире приоткрыть глаза, он скосил взгляд и с облегчением убедился, что запястья охватывают обыкновенные ремешки.

Стараясь не шевелить головой, Вадим миллиметр за миллиметром начал выталкивать языком пластиковый мундштук.

Есть…

В изголовье тут же тревожно запищал зуммер. Человек в белой униформе резко обернулся, вскочил, едва не опрокинув стул, и кинулся к блоку аппаратуры.

«На охранника не похож… Дежурный медбрат, наверное…»

В изголовье раздалось невнятное ругательство.

Вадим лежал, как мумия, не шелохнувшись.

Прошло еще секунд десять, и тревожный сигнал стих. Колпак камеры начал открываться, характерно зашипев пневматикой. Рука с теплыми, влажными пальцами поправила какой-то датчик на его теле, затем медбрат сильным, точным и бесцеремонным движением заграбастал его лицо, надавив под челюстью так, чтобы открылся рот.

Вадим резко открыл глаза, одновременно напрягая запястья рук.

На лицо парня стоило посмотреть.

Он в долю секунды побледнел, пытаясь отшатнуться, но ремни на запястьях Полуэктова уже лопнули, не выдержав яростного напряжения мышц, и он не дал парню ни единого шанса выдавить хоть звук перекошенным ртом. Вадим ударил точно и безжалостно, вложив в движение обеих рук всю скопившуюся на дне души холодную ярость.

Медбрат смог только судорожно вздохнуть; его голова дернулась, а тело вдруг превратилось в дряблый куль оползающих на пол мышц.

Не теряя ни секунды, Вадим сел, обрывая со своей груди датчики контрольных систем.

Отстегивая ремни на лодыжках, он услышал за матовой перегородкой торопливые шаги.

Дверь открылась. В проеме возникла еще одна фигура в белом.

— Стивен, что тут у тебя происходит?!

Безжалостный удар в пах тут же заставил вошедшего согнуться,

медленно оседая на колени. Перекошенный рот не мог больше выдавить ни звука — не хватало дыхания.

Вадим рывком втащил его внутрь, позволив двери мягко скользнуть на место.

Вырубать медика вторично не пришлось, его сознание не выдержало боли от первого удара и милостиво отключилось.

Голова Полуэктова работала четко, ясно. Злость не уходила. Ему потребовалось меньше минуты, чтобы натянуть на себя белоснежную униформу и закрыть лицо антибактериальным фильтром. К сожалению, бритую наголо башку спрятать оказалось не подо что, но ничего, сойдет…

В нагрудном кармане униформы отыскался тонкий пластиковый прямоугольник пропуска, но беда Вадима заключалась в том, что он абсолютно не представлял, где находится, насколько велик окружающий его комплекс помещений и в каком направлении следует двигаться, чтобы попасть к выходу из него.

Ждать, пока очнутся эти двое или сюда припрется очередная делегация с проверкой, было бессмысленно.

Поправив смешную повязку на бритом затылке, Вадим открыл дверь и выскользнул из бокса.

* * *

Как выяснилось, двери отдельных помещений выходили в длинный, ярко освещенный коридор, в конце которого за легким, пластиковым столом-тумбой сидел дежурный в форме.

Ворота, запирающие коридор, не понравились Вадиму с первого взгляда. Даже издалека они выглядели чересчур массивными.

«Похоже на бункер», — подумалось ему.

Сзади, в противоположном конце коридора, внезапно наметилось шумное движение, послышался топот ног, отрывистая, эмоциональная речь.

Сделав вид, что поправляет закрывавшую пол-лица повязку, Вадим оглянулся.

По коридору бежали солдаты, не меньше двух отделений. Перепуганный персонал жался к стенам, пропуская их.

Больше не оборачиваясь, Вадим пошел прямо на охранника, стараясь чтобы походка была непринужденной, спокойной. Куда, по чью душу бегут эти шумные, бравые парни, он уже понял.

«Спокойно…»

Охранник у многотонных ворот выглядел заинтересованным, но не

очень встревоженным. Вадим кивнул ему, доставая из нагрудного кармана карточку доступа, одновременно боковым зрением фиксируя и его движения, и табельное оружие, засунутое в выдвинутый ящик стола, чтобы не давило на рано обозначившееся брюшко лейтенанта внутренней службы, уже успевшего обрюзгнуть на сидячей, непыльной работе…

— Эй, ты что, новенький? Или правила забыл?

— А что? — спокойно спросил Вадим, увидев, что считывающее устройство уже заглотило карточку.

— Маску сними. И удостоверение в развернутом виде…

Договорить он не успел. Вадим принял решение за долю секунды до этого, услышав, как за спиной в коридоре возобновились топот ног и крики.

Врезав ногой по столу, он перескочил через сомлевшего охранника и рванул из ящика его автоматический «Стайгер».

Компьютерная система, считав доступ с предложенной карточки, уже открывала тяжелые створы модульных ворот.

Вадим рывком перевернул стол и, ныряя под его ненадежную защиту, резанул веерной очередью вдоль коридора.

Звонко посыпалось стекло, коротко взвизгнул рикошет, топот ног мгновенно стих, но тут же сменился отрывистыми командами и нежным шелестом активации интегральных затворов.

Не дожидаясь, пока рявкнут импульсные винтовки, он еще раз полоснул очередью поверх стола и метнулся в открывшиеся на полметра створы ворот.

* * *

С той стороны массивных створов проблем не стало меньше.

Фактор внезапности в военных учреждениях работает слабо. Очередной охранник, выскочивший из-за стола, на котором был установлен компьютерный комплекс наблюдения, мгновенно сообразил, что импульсный штурмовой автомат «Стайгер» никак не вяжется с белой униформой медперсонала.

— Стой!

Вадим обернулся, делая шаг в сторону. Чувства работали на пределе, в голове была полная ясность.

Стоило ему чуть сильнее сжать сенсор, и охранника просто бы перерезало очередью, но Вадим, несмотря на клокотавшую внутри холодную ярость, вдруг осознал всю дикость ситуации: он ведь был дома, на Земле, и этот молодой парень, который впился в него взглядом расширенных зрачков, по понятиям капитана Полуэктова, никак не должен

был умереть.

Эта мысль проскользнула и ушла, отняв лишь долю секунды, не больше.

Смещаясь в сторону, он рывком сократил дистанцию, оказавшись между охранником и его рабочим местом.

Время в такие мгновения имеет свойство субъективно замедляться. Вадим ударил рукой по кнопке запирания тяжелых ворот, а парень с коровьими глазами в новенькой, наверняка отглаженной руками молодой жены униформе уже справился с мгновенным замешательством и вскинул оружие, целясь ему в лоб.

— Не шевелись! Руки за голову, лицом к стене!

«Молодец, мог бы просто начать пальбу. Жить будешь…»

Вадим нырнул под направленный на него ствол, вбивая удар укороченного приклада «Стайгера» в коленную чашечку охранника. Парень рухнул, как подкошенный, уже не воспринимая реальность из-за дикой боли в раздробленном колене.

Неаккуратно, болезненно, но остальные подобные точки на теле охранника прикрывал штатный бронежилет, а в голову Вадим целил, лишь когда хотел убить.

Стремясь наверстать упущенные секунды, он ринулся вперед по коридору, наугад проверяя двери по одну его сторону.

Немногочисленный персонал лабораторий благоразумно не вмешивался, предпочитая распластываться по стенам. Открывая очередную дверь, которая, как все предыдущие, вела в обыкновенный, не имевший второго выхода кабинет, Вадим услышал отдаленное, глухое завывание сирены. Ситуация ухудшалась с каждой секундой.

Выскочив назад в коридор, он пробежал по нему еще метров пятьдесят, прежде чем понял: выхода в противоположном конце нет. Этот участок комплекса оказался тупиковым.

С момента, как он покинул свой бокс, прошло не более трех минут. Сзади створы ворот уже медленно открывались, и в коридор вот-вот ворвутся силы Безопасности.

Вадим толкнул предпоследнюю дверь, показавшуюся ему более прочной на вид, чем остальные, заклинил ее подвернувшимся под руку стулом и огляделся.

Какой-то склад.

Вокруг остро и неприятно пахло медикаментами. Решетка вытяжной вентиляции маленькая, узкая, впору лишь для крысы.

Он выключил свет и отступил в глубь небольшой комнаты.

В темноте ярко светился счетчик зарядов на укороченном прикладе штурмового автомата «Стайгер», показывая цифру «58».

«Все… — подумал Вадим. — Хеппи-энда не будет…»

Глава 9

Спустя несколько минут дверь сорвало взрывом. Вадим стоял, вжавшись в простенок за стеллажами. В ушах после тугого удара взрывной волны протяжно звенело. Во рту чувствовался кисловатый привкус, а все происходящее с ним казалось ненормальным, противоестественным…

Стул, которым он забаррикадировал дверь, взрывом ударило о стену. Он глухо стукнул об нее и отскочил назад, жалобно звякнув погнутыми ножками.

Полуэктов выглянул в проем стеллажа. Позиция была, мягко говоря, никудышной.

Несколько минут в коридоре, вне поля зрения Вадима, происходило какое-то шевеление, видно, перегруппировывались, занимали позиции перед штурмом.

Ситуация по-прежнему оставалась чудовищно нелепой, но ведь инициировал-то ее как раз не он… Стоило ли выполнять задание, идти на смертельный риск, совершать Слепые Рывки на допотопном аппарате, угонять патрульный корабль, чтобы дома тебя вот так скрутили без объяснения причин, швырнули в какой-то изолятор…

Покровский… Он затеял какую-то игру с «Альфой». Я стал не нужен ему… Неудобен…

Вадим уже переступил внутри себя незримую черту. Теперь в нем не осталось никакой жалости, он пойдет до конца, вероятно, по трупам.

Движение в коридоре стихло.

Полуэктов напрягся, готовя себя к прорыву. Сейчас они сунутся, и…

В коридоре громко, неестественно четко прозвучали шаги.

Один… Один человек…

Проем выбитой двери заслонила тень. Покровский.

Генерал остановился в проеме, обвел взглядом учиненный взрывом разгром, потом наклонился, взял погнутый стул и с видимым усилием выпрямил его металлические ножки.

Полуэктов не выстрелил в первую секунду, пока им не был узнан этот человек, и теперь он мысленно клял себя. Ну почему? Почему сразу, бездумно не сжал сенсор гашетки?

— Ну, что, Вадим, может, давай поговорим? — Покровский сел на стул, поставив его задом наперед, так, чтобы можно было облокотиться на спинку. — Что же ты, голуба, так запсиховал, а?

Вадим счел за благо пока помолчать. Хватит уже, наговорился. Генерал не видел его в темноте разгромленного взрывом склада.

— Значит, считаешь меня козлом? — Андрей Георгиевич задал этот вопрос спокойным, бесстрастным тоном, но многие знали настоящую цену его внешней невозмутимости. — А как я должен был к тебе отнестись?

Вадим понял, что стрелять поздно. Переиграл его Покровский, шагнув под выстрел. Пока… переиграл.

Выступив из своего убежища на свет, он смерил его злым, пристальным взглядом.

Генерал обиделся. Или скорее всего сделал вид. «Играет, как кот с мышью…» — подумалось Вадиму. — «Загнал в угол и теперь балуется. Пользуется моментом, знает, что ствол ему в пах сейчас никто не пихнет. Хотя — почему нет?»

— Значит, решил, что я себе на уме, играю тобой втемную? — Покровский пристально посмотрел на Полуэктова, укоряя того взглядом. — Не мог я поступить иначе, понимаешь? — внезапно признался он.

Вадим усмехнулся, так, краешком губ.

— Значит, не понимаешь. Хорошо, тогда я скажу тебе: прилетает неизвестно кто с легендой капитана Полуэктова и заявляет: «Здравствуй, Андрей Георгиевич, принимай меня родимого, героя-разведчика…»

— Не надо… перегибать, — хрипло и зло ответил Вадим. — Насчет «неизвестно кто», — уточнил он. — Грубо работаете, Андрей Георгиевич.

— Ну-ну. — Покровский покачал головой, полез в карман, достал оттуда две тонкие, прозрачные на свет, исчерченные близко расположенными штрихами пластинки. — А вот это тебе знакомо? — Он протянул Полуэктову сначала одну, а затем другую.

Вадим кинул быстрый взгляд на дверной проем.

— Спокойнее. Мы же просто разговариваем, верно? — проронил Покровский.

«Чего же ты от меня хочешь?» — подумал Вадим. Он отнял левую руку от теплой, рифленой рукояти оружия, оставив правую на сенсоре огня, чтобы ребята Покровского там, за стеной, не очень обольщались.

Взяв первую предложенную генералом пластину, мельком глянул на нее и, принимая вторую, ответил, пожав плечами:

— Карточка генетического кода. Ну и что?

— А ты сравни.

Вадим поднял руку, посмотрел на свет, удерживая обе пластинки рядом. От пристального взгляда Покровского не укрылось, как едва заметно дрогнула рука капитана.

— Первая карточка твоя, — выдержав паузу, объяснил генерал. — А вторая… — он невесело усмехнулся, — тоже твоя, только одна из базы данных Полицейского Управления, а другая со сканера на входе в квартиру, где мы встретились. Разницу видишь?

Вадим слушал Покровского напряженно, неприязненно. Внутренне он был готов отринуть любой довод, извиняющий действия генерала, но сейчас моментально вспомнил, как сдавленно моргнул красный огонек в окошке сканера, перед тем как сработал дверной электрозамок той квартиры, где была условлена их встреча с генералом, и от этого отчетливого воспоминания внутри все неприятно похолодело.

Да, было… Но он принял это за сбой электронной системы, ведь секунду спустя дверь открылась!..

Несколько мгновений он мучительно обдумывал эту неприятную новость.

К очевидному выводу оказалось не так и сложно прийти. Значит, Покровский сам открыл ему дверь. Это сделал не прибор, а генерал. Открыл, уже будучи абсолютно уверенным, что перед ним не капитан Полуэктов.

Карточка кода… Несовпадения… Что бы это могло означать на самом деле?..

— Подними рубашку, — оборвал его мысль Покровский. — А теперь посмотри на свою поясницу, туда, где был шрам от осколочного ранения.

Вадим повиновался с какой-то смертной, обреченной тоской. Шрама не было. Не осталось даже намека.

— Вот так… — подытожил Андрей Георгиевич. — А теперь давай поговорим нормально, — предложил он.

— Нормально — это как?

— Без психа, — резко ответил генерал. В нотках его голоса внезапно прозвучала дикая усталость. — Поиграли в войну и хватит… Только потом шепнешь мне на ухо, где у нас клепают таких суперменов… Раскидал по сторонам охранников, напугал до полусмерти весь персонал медицинского крыла. Орел…

Вадим насупился. Ерунда какая-то получалась. При чем тут генетический код?

— А какой смысл признавать меня своим при таком вот раскладе? — он выразительно посмотрел на карточки, которые все еще держал в руке.

— А какой смысл инопланетной разведке подсовывать твоего двойника, шитого белыми нитками? — вопросом на вопрос ответил Андрей Георгиевич. — Был бы ты не тот, за кого себя выдаешь, — генетический

код тогда бы совпадал, понимаешь? — Покровский опять укоризненно посмотрел на него. — Нет, Вадим, я еще ни разу не опускался до того, чтобы думать о дураках в системе недружественных нам разведок. Там их нет, а если и попадаются, то исключительно редко. — Андрей Георгиевич вздохнул и признал: — Крутил я твою историю и так и сяк, пока не понял — единственное разумное объяснение заключается в том, что ты сам не подозреваешь обо всем этом.

— Какую историю? — зло спросил Вадим. — Я и рта раскрыть не успел… — Он осекся, когда неприятная догадка скользнула, словно холодная змея вдоль позвоночного столба.

Покровский выдержал его взгляд, пожал плечами.

— Да, Вадим. Мыслесканер — прибор запрещенный, и мной лично не любимый, но пришлось…

— Вы *вывернули* меня?!

— Да, и я не собираюсь скрывать это. Я даже знаю, где ты спрятал ключ активации бортовой кибернетической системы «Альфы». Извини, капитан…

Полуэктов молчал, переваривая эту мерзкую новость.

— Сколько прошло времени?.. — наконец глухо спросил он.

— После твоего возвращения? Неделя.

Вадим ощущал себя в эти секунды так, будто на него вылили ушат ледяных помоев. Какой-то мерзкий озноб пробежал по телу…

Итак, большая часть его жизни, по крайней мере, последние яркие воспоминания были известны Покровскому так, словно тот просмотрел видео. В некоторых мирах за подобные методы извлечения информации приговаривали к пожизненному заключению.

Эти мысли пришли, обожгли рассудок, душу, все, что было внутри, и так же внезапно схлынули, оставив пустоту. Всё, получается, козырей больше нет… и при таком раскладе он вроде бы и не нужен уже в качестве источника информации?

Тогда с какой стати Покровский так рисковал, подставляясь под выстрел? Не из отеческих же чувств он вошел сюда, наверняка не зная заранее, насколько Вадим владеет собой? Ведь мог и очередь в живот схлопотать…

— Разговор есть, — произнес Покровский, вставая со стула. — Серьезный разговор, — добавил он, протягивая руку за автоматом. — Давай без глупостей, ладно?

* * *

В кабинете Покровского их ждал горячий кофе.

Вадим сел в знакомое кресло, пошарил глазами по сторонам, но Андрей Георгиевич, проследив его взгляд, сделал успокаивающий жест:

— Я готовился к разговору, тут все теперь блокировано наглухо. А ты молодец, бдительности не теряешь…

Вадим пожал плечами, взял кофе, сделал глоток. Чувствовал он себя неуютно, как зверь, который попал в ловушку и смотрит на охотника, не в силах ничего противопоставить стальной хватке капкана.

Генерал явно чувствовал его настроение. Сев напротив, он сцепил руки в замок.

— Ты готов выслушать правду?

— О чем? — глухо спросил Полуэктов.

— Обо всем. Но в первую очередь о себе, — выдержав его взгляд, ответил Покровский. — Вадим, на основе привезенных тобой сведений я за неделю накопал тут такую кучу… дерьма, что становится страшновато. — Он исподлобья посмотрел на капитана и добавил:

— Я собираюсь поделиться с тобой всем, что знаю, но прежде ты должен отбросить обиды и ответить на один вопрос, причем не мне, а самому себе: насколько сильно ты заинтересован в правде? Не встанет ли она поперек горла?

Полуэктов не совсем понимал, о чем толкует ему Покровский.

— Нечестно получается… — тем не менее буркнул он. — Вы, Андрей Георгиевич, знаете все, а мне играть в русскую рулетку?

— Нет никакой рулетки, Вадим, — резко ответил генерал. — Есть куча проблем, которые придется решать, вероятнее всего, ценой крови, а выгоды, кроме сомнительных моральных дивидендов, не будет никакой, поверь. И разговор наш не станет для тебя приятным.

— У меня и так неприятностей по горло… — мрачно парировал Вадим. — Переживу…

— Хорошо… — Генерал достал из лежавшей на столе папки несколько заготовленных заранее листков и протянул их Полуэктову:

— Это заключение комплексной экспертизы. Прочти.

Через несколько минут Вадим поднял глаза.

— Это означает, что я умер? — с неестественным спокойствием спросил он, а у самого в глазах таились такая боль, недоверие, испуг, что Покровскому впервые за время их разговора вдруг стало не по себе.

— Я тоже не сразу поверил в это, Вадим… Но тот лазерный луч, который пробил обшивку «Гепарда», достал и тебя, — собравшись духом, произнес генерал.

Вадиму вдруг отчетливо вспомнились и жалящая вспышка когерентного света, и вонючая криогенная ванна с расколотым колпаком… *Душно…* Он негнущимися пальцами расстегнул ворот нелепой белой униформы.

— Не верю… — тихо произнес он. Несколько раз сжав и разжав пальцы правой руки, которыми только что расстегивал ворот, он посмотрел на них, будто видел впервые, и вдруг резко повернул голову, зло, упрямо вскинув взгляд на Покровского:

— Хорошо, я готов выслушать аргументы. В чем моя нечеловеческая сущность?! — резко спросил он.

— Ты не ершись, — осадил его генерал, зная, что нельзя позволить Вадиму жалеть себя. — Никто не говорит, что ты перестал быть человеком. Но в твоем новом теле есть серьезные усовершенствования, и чтобы поверить в это, попробуй сам ответить на вопрос: кто снабжал тебя кислородом, пока ты метался по «Альфе» в энергетическом скафандре? Или как ты ухитрился дышать в атмосфере планеты, где всего десять процентов свободного кислорода? Почему не заболел и, извини, — не загнулся от агрессии местной микрофлоры?

— На поверхности планеты я использовал имплант!

— Хорошо, допустим. А на «Альфе»? Когда тебя обволакивал плазмоид? Чем ты дышал?

Вадим не мог ответить на этот вопрос. Ему оставалось лишь пожать плечами, зло посмотрев на генерала, но тот остался невозмутим:

— Ответ один: ты сам защищал себя, на уровне подсознания реализуя новые, данные тебе способности. Твой организм сам вырабатывал кислород в тех объемах, как того требовало влияние окружающей среды!

Вадим понял, что ничего не может противопоставить ни словам Покровского, ни этому чертовому заключению экспертизы… Кто и как вытащил его из «Гепарда»? Как он попал в криогенную ванну? Как дышал под оболочкой плазмоида?

Неужели единственным объяснением является его смерть и последующее воскрешение на борту древнего колониального транспорта?!

Покровский подтолкнул к нему сигареты и вдруг тихо сказал:

— Вадим, когда сканер не опознал тебя, я думал, что вся операция засвечена, а мне подсунули твоего двойника. Я был вынужден либо устранить тебя, либо увериться в том, что ошибаюсь. Сейчас вопрос о твоей двойственности для меня больше не стоит. И мне, как никогда раньше, нужна твоя помощь.

— Нет, Андрей Георгиевич… Теперь я хочу получить ответы на ряд

вопросов, — глухо произнес Вадим.

— Что ж… Справедливое требование. Попробую ответить, — согласился Покровский.

— Кто такие Фаги? — Вадим был зол, испуган, подавлен, но твердо решил стоять на своем, мысленно уже рассудив, что больше терять ему нечего.

Нужно признать, что ни один мускул не дрогнул на лице генерала. Он лишь исподлобья посмотрел на Полуэктова и признал:

— Ты прав. Я действительно поделился с тобой не всей информацией, но тогда это было и ни к чему… — Покровский щелчком выбил сигарету из пачки, прикурил. — «Альфу» строили как корабль-первопроходец, предназначенный для терраформирования планет, — произнес он, выпуская дым. — Знаком тебе такой термин?

— Да, — ответил Вадим. — По-моему, это означает преобразование миров по шаблону земной экосистемы.

— Вот именно. Спустя пятнадцать лет после старта «Альфа» должна была разгрузить колонистов в системе Проциона и двигаться дальше, но теперь уже под командой военных. Для этого и понадобился второй экипаж, о котором так неприязненно упоминает капитан Глатышев в своих записях.

— Он не знал о дальнейшем задании корабля? — спросил Вадим.

— Знал, но не в полном объеме, — пожал плечами Покровский. — «Альфа» действительно несла на борту секретный груз, который во всех декларациях значился как «роботехническое оборудование планетной адаптации». Витиеватое название, но, по большому счету, правдивое. Машины для терраформирования планет были одной из секретных разработок военного ведомства Земли того времени. Они никогда не применялись в Солнечной системе.

— Что-то запредельное? — спросил Вадим.

— И да, и нет… — пожал плечами Андрей Георгиевич. — С одной стороны, обычная техника, в основном представленная гибкими многофункциональными роботизированными комплексами. А с другой — обнародуй тогда их спецификации, и проект «Альфа-2», как значилась в документах вторая фаза полета, обязательно бы «зарезали».

— Почему?

— Машины управлялись живым мозгом, — ответил Покровский.

Вадим резко вскинул взгляд.

— Человеческим?!

— Нет, Вадим… Человеческий мозг слишком опасная штука. Он

ориентирован эволюцией на абстрактное мышление, и закладывать его в основу управления механизмом — значит наживать себе проблемы. Рано или поздно такой агрегат начнет *по-настоящему* думать, и тогда уже не избежать беды. Поэтому военные в своих разработках использовали мозг шимпанзе. Такой же замечательный, надежный, отшлифованный эволюцией биологический компьютер, только, если можно так выразиться, с обрезанными функциями интеллекта. Идеально для внедрения в механическую структуру, правда?

«Что-то подобное следовало ожидать…» — подняв взгляд на генерала, неприязненно подумал Вадим.

Еще на «Альфе», увидев совмещенную с механическими приводами нервную ткань, он понял, что подобный гибрид не мог возникнуть сам по себе. Это было делом рук человеческих. Механизм, атаковавший его, содержал в себе узнаваемые, *человеческие* технологии, которые, правда, уже давно не использовались, по крайней мере, легально. Слишком опасны и непредсказуемы были плоды подобного «творчества»…

— А какой смысл использовать живой мозг? — вслух осведомился он. — Разве добрый, старый кремний не надежнее?

Генерал отрицательно покачал головой, не соглашаясь с его логикой

— В условиях цивилизации, может быть, и надежнее, — ответил он, — но в отрыве от технологической базы клонировать биологический процессор гораздо проще и дешевле, чем собрать сложный компьютер. Вспомни, в какой период и для чего проектировалась «Альфа». О гиперсфере тогда еще не знали, и осваивать новые планеты наши предки намеревались в абсолютном отрыве от Земли.

«Логично…»

— А как внедрялся мозг в серв-машину? Каким способом он включался в цепь управления?

Генерал встал, прошелся по кабинету…

— Был выделен фрагмент ДНК, отвечающий за формирование структуры серого вещества обезьяны. То есть клонировалось не все существо. Не было никакого «отрезания голов» и прочей ерунды. Формирование мозга происходило внутри искусственной черепной коробки. Я внимательно просмотрел описания технологии — сейчас она уже не является таким жутким секретом, просто признана неэтичной, да и нужда в таких чудовищных гибридах, учитывая их потенциальную опасность, отпала. Так вот, изнутри поверхность искусственного черепа усыпана иглообразными шунтами. Когда масса серого вещества разрастается до нужных размеров, они, естественно, впиваются в нее,

контактируя каждый со своим нервным центром. Этот контакт, включение формирующегося мозга в цепь, одновременно служит и «выключателем» процесса роста. Простота и гениальность технологии в том, что если мозг погиб, то достаточно извлечь его останки и клонировать в той же оболочке новый биологический процессор — тогда связанный с ним аппарат оживет и станет дальше осуществлять свои функции.

— А как он программировался?

Покровский пожал плечами.

— Это мы умеем давно, — криво усмехнувшись, ответил он. — Биохимическая инсталляция, слышал такой термин?

Вадим понимающе кивнул.

— Ты не смотри так на меня… — перехватив его взгляд, отрезал генерал. — Этим технологиям уже много веков. Да, с точки зрения сегодняшнего дня многие из них кажутся дикими… и запрещены они вполне справедливо, но тогда все виделось несколько иначе, пойми. Использовать живой мозг было выгодно, а что до этики… Знаешь, когда миллиарды людей либо просто не рождались, либо были вынуждены влачить убогое существование из-за перенаселения, то ставка на терраформирование иных миров казалась оправданной, и средства для достижения желанной цели избирались не по канонам морали, а по степени их надежности.

Он повернулся, посмотрел на Полуэктова и спросил:

— Ты удовлетворен?

Вадим смог только покачать головой.

— Есть еще один вопрос, — твердо заявил он.

— Какой?

— Как вы собирались использовать «Альфу»?

Покровский вернулся за стол, сел, сцепив руки в замок.

— «Альфа» строилась как военный корабль, — после некоторой паузы ответил он.

— Даже так? — Вадим не смог скрыть своего удивления.

— Да. Никто не знал, что встретится на пути колониального транспорта во время второй фазы его полета, когда начнется этап проникновения в неизведанное пространство.

— Готовились к «первому контакту»? — не удержался от саркастической усмешки Полуэктов.

— А как ты думал? Мы очень долго бредили иллюзиями относительно «братьев по разуму», — без тени иронии ответил Андрей Георгиевич. — Наших предков здорово шатало в этом вопросе из

крайности в крайность. Одни предполагали, что чуждый разум будет похож на мудрых, вдумчивых и отечески-ласковых полубогов, иные живописали чужаков монстрами, готовящими нам рабство и медленную смерть по непонятным причинам, но были и третьи, кто не имел ничего общего с разными фантазерами и психопатами. Эти люди, для того чтобы предсказать основные черты, вероятно, существующей космической цивилизации, смотрели прежде всего на нас самих. Все живое во Вселенной подчинено схожим законам развития. Люди, строившие «Альфу» и разрабатывавшие концепцию ее полета, не знали того разнообразия миров и биосфер, которое доступно нам сейчас, но они оказались как минимум прозорливы. Все живое борется за существование, эволюционирует в результате естественного отбора, и любая встреча с иной цивилизацией, так же, как и мы, свободно перемещающейся в космическом пространстве, стала бы прежде всего конфликтом интересов. — Покровский посмотрел на Вадима и внезапно добавил, со странной полуулыбкой: — Знаешь, Полуэктов, у меня была одна хорошая знакомая, так вот она говорила. «Не люблю выходить на улицу, каждый встречный смотрит на меня и оценивает, насколько сильно он может меня поиметь…» Понимаешь?

— Не совсем. У нее были проблемы с мужчинами?

— Да нет. — Генерал сделал отрицающий жест. — В этом случае она не разделяла мужчин и женщин по категориям пола. Поиметь — значит «использовать». Приятно пообщаться, что-то одолжить, получить какую-либо информацию… Она была умной женщиной и понимала, что окружающие ее оценивают: насколько она может стать для них полезной и на какой отпор следует рассчитывать при неблагоприятном обороте ситуации. Примерно то же самое должно происходить при встрече в космосе двух цивилизаций. Не факт, что вспыхнет конфликт, но взаимная оценка будет производиться обязательно, так сказать, в полном объеме, и исходя из этого ситуация пойдет дальше в ту или иную сторону. «Альфу» разрабатывали трезвомыслящие люди, и они готовили корабль к любому обороту событий.

— Что-то я не заметил там огромных пушек…

— Зря пытаешься иронизировать. Они там есть. Шестьдесят вакуумных орудий главного калибра плюс полторы сотни установок залпового огня типа «Ураган», а также пусковые шахты ракет класса «космос — космос» и «космос — земля», всего тридцать стартовых стволов, расположенных по периметру вращающегося корпуса. Все это есть в секретных приложениях к спецификациям колониального

транспорта, которые, естественно, никогда не обнародовались…

«Недурно…» — Вадима поразили приведенные Покровским цифры, но он постарался удержаться от проявления лишних эмоций.

— И все-таки, как вы планировали использовать «Альфу», Андрей Георгиевич? — настоятельно переспросил он.

— Не «планировал», а планирую, — поправил его Покровский. — Поскольку бортовой компьютер колониального транспорта жив, а в его емкостях имеется активное вещество, накопленное там за столетия дрейфа, значит, мои планы осуществятся. «Альфа» пройдет световые годы в режиме автоматического полета и вернется сюда, на орбиту Земли. — В глазах генерала внезапно мелькнули и погасли веселые чертики. — Никто в обитаемой Галактике не сможет оспорить того факта, что к Земле вернулась ее собственность. «Альфа» не подпадает под действие параграфов Элианского протокола — это огромный транспорт, причем ни один ее технологический узел не нарушает наложенные на Землю ограничения.

— А дальше?

— А дальше посмотрим. Покажем им зубы и поглядим, как станет изворачиваться Совет Безопасности, у которого отняли его длинный кнут — Флот Конфедерации Солнц. Когда тут появится «Альфа», Земля сможет сама обеспечивать суверенитет своего внутрисистемного пространства, и их орбитальные станции окажутся в очень щекотливой ситуации, не находишь?

Вадим обдумал его слова, кивнул и вдруг понял, что Покровский выполнил поставленное перед ним условие — он ответил на все вопросы, которые были заданы.

* * *

— А теперь выслушай меня, Вадим… С происхождением Фагов и перспективами использования «Альфы» мы с тобой разобрались, но у нас есть еще несколько очень важных проблем. Это твое воскрешение, плазмоиды, колонисты и, наконец, станция ГЧ на орбите безвоздушной планеты. Я могу рассчитывать на тебя в этих вопросах?

Вадим кивнул.

— Тогда давай вернемся к исходной точке. — Покровский откинулся в кресле, внимательно посмотрев на него. — Исходя из строения твоего нового тела, мои специалисты предположили, что сегодняшние обитатели второго спутника имеют сходную структуру нервных связей. Тогда становится ясно, как удалось колонистам выжить на планете, чья

атмосфера содержит такой низкий процент кислорода, но за все, как известно, нужно платить. В данном случае организм человека, приспособившись к враждебной окружающей среде, очень быстро исчерпывает свои внутренние ресурсы.

— Срок жизни? — подумав, предположил Вадим. Ему вдруг вспомнилось, как слабость после двухчасового пребывания в энергетической оболочке буквально свалила его с ног. Это было самое натуральное истощение.

— Да, — подтвердил его догадку Покровский. — По предварительному заключению, они живут там не больше чем полтора десятка лет.

Заметив, как напрягся при этих словах Вадим, Андрей Георгиевич сделал отрицающий жест:

— Не беспокойся. Специалисты говорят, что пятнадцать лет — это срок, отпущенный *там*. Здесь тебе не грозит скоропостижное старение — в любом мире с нормальной кислородной биосферой ты проживешь свои положенные… если, конечно, не станешь сознательно использовать полученные способности.

Вадим взял успевший остыть кофе. Рука вроде бы не дрожала.

— Пятнадцать лет… Это мало. Я имею в виду процесс размножения. Или он также ускорился?

— Не думаю, — категорично ответил генерал. — Меня не покидает предчувствие, что они перестали рожать детей.

— А как тогда? — недоуменно переспросил Вадим. — Я же видел девочку! — воскликнул он.

Андрей Георгиевич исподлобья посмотрел на Полуэктова и проговорил тихо, но внятно:

— Они не умирают, Вадим.

Чашка в руке все же дрогнула, холодная струйка кофе скользнула по запястью.

Девочка с глазами старухи… Слишком взрослая, серьезная, глубокомысленная для своих лет. Неужели правда?

Да, черт возьми, иного объяснения попросту не было!..

— Значит, мое новое тело было воссоздано в рамках технологий, которыми владеют колонисты?!

— Не совсем, — покачал головой Покровский. — Тело клонировать достаточно легко. Оно может быть воссоздано в бывших криогенных камерах с использованием отслужившей свое плоти. Есть такая разработанная специально для «Альфы» технология утилизации

биологических отходов, обеспечивающая очень быстрый, взрывообразный процесс роста желаемого образца.

Вадим выглядел обескураженным.

— При чем тут криогенные камеры? — спросил он. — Они же обеспечивают низкотемпературный сон!

— Вадим, «Альфа» — это колониальный транспорт, забыл? Какой резон выбрасывать сложнейшие агрегаты поддержания жизни после разгрузки в колонии? Криогенные капсулы, предназначенные для сна колонистов во время полета, имели еще несколько встроенных функций, которые ясно отражены в доступной мне документации. После посадки они должны были использоваться для клонирования пищевой биомассы. Такой аппарат легко перепрограммировать на выращивание не мясного брикета, а целого организма, например, человеческого тела, понимаешь?

«Холод в груди… Неприятный, ноющий…»

— Меня тоже так? Из отслужившей свое плоти?

— Выходит. — Покровский встал, прошелся по кабинету. — Но клонировать тело мало, — остановившись у затянутого свинцовой мутью окна, произнес он. — Кто переносит сознание в выращенную оболочку? Где оно хранится, куда и как передается в момент гибели предыдущего носителя?

Вадим поднял голову, хмуро посмотрел на Покровского.

— Да не было там в этом их Храме никакой дополнительной аппаратуры! — не выдержав, взорвался он. — Только несколько кабелей, брошенных поверх облицовки стен, да спутниковая тарелка на крыше!

— Вот-вот. К тому же тебя воссоздали не там, а в космосе, на борту «Альфы», — напомнил генерал.

Это замечание немного охладило Вадима. В конце концов он вынужден был прислушаться к себе и в который раз признать, что не ощущает никаких перемен. Вся его память, сознание были на месте…

— Она говорила о боге… — вспомнив девочку, произнес Вадим, осознавая, что процесс переноса сознания не может быть объяснен в рамках каких-либо известных ему человеческих технологий.

— Может быть, бортовой компьютер «Альфы» играет роль высшей силы? — осторожно предположил Покровский.

— Да ну… Какой из него бог…

— Тогда остаются эти… Фаги?

— Эволюционировавшие потомки машин-терраформеров? Охотящиеся на людей? — фыркнул Вадим, отметая несостоятельную гипотезу. — Один из них бегал за мной, желая оторвать башку!

Черт… Все смешалось в эти минуты в голове Полуэктова.

Сущность этих полуживых машин он еще мог понять — пояснения Покровского, почерпнутые из древних документов, вносили некоторую ясность в их происхождение, и главной проблемой теперь становился вопрос о том, кто хранит разум людей в момент их смерти, с тем чтобы передать его новому телу? Кого они называют богом?

— Здесь мы вступаем с тобой в область серьезных допущений, Вадим, — нарушив ход его мыслей, произнес генерал. — Кое-что не стыкуется. Судя по записи твоих воспоминаний, сознание старой женщины было ориентировано на ненависть к машинам-терраформерам и на поклонение какому-то богу. При этом она использовала боевые импланты, способные аккумулировать энергию тела и преобразовывать ее в электрический или электромагнитный импульс. Эти технологии также известны, но они слишком пагубно влияют на здоровье. Некоторое время знакомая тебе Зороаста поставляла на галактический рынок живые излучатели и прочую дрянь, за что была подвергнута зачистке силами Патруля Совета Безопасности, помнишь?

Вадим кивнул

— Так вот, напрашивается вопрос: почему колонисты используют боевые импланты и отказались от имплантов мирных, таких, каким пользовался ты, обогащая свою кровь кислородом? Они променяли их на новое строение тела, поступившись сроком жизни и способностью иметь детей. Во имя чего?

Не дождавшись ответа, Покровский вновь принялся мерить шагами ковер.

— Нелогичность этого массового, общественного поступка может быть компенсирована только сильным влиянием на оборотную сторону разума — психику. Этот вывод прекрасно сообразуется с утверждением Бесколова, моего начальника лаборатории спецопераций…

Вадим поднял взгляд на генерала. Ну, говори, не тяни…

— Исследовавшие тебя медики пришли к выводу: тот, кто внес в твой генетический код существующие изменения, должен знать его настолько хорошо, как будто изначальный вариант был написан им самим.

«Значит, все-таки бог?!»

* * *

Несколько минут они молчали, думая каждый о своем. Первым затянувшуюся паузу нарушил Покровский.

— Мне кажется, что поначалу они пользовались химическими

имплантами, чтобы выжить на поверхности враждебной планеты. Внедрение нового сознания, образа жизни должно было происходить постепенно. Не зря спускаемые модули превратились в Храмы, а прилегающая местность получила название «зоны реинкарнации». Переселение душ…

— Возможно, толчком послужила начавшаяся война с терраформерами?

— Вероятно… Учитывая специфику их биосферы, срок жизни и невозможность нормально продолжать свой род, что следует предположить, Вадим?

— Зависимость от бога? — ответил Полуэктов.

— Молодец, быстро соображаешь. Кто-то дал колонистам новое строение тела, избавив от неудобных имплантов и связанного с ними постоянного риска, адаптировал людей к исконной биосфере планеты, но взамен вся колония оказалась посажена на короткую цепь жесткой и недвусмысленной зависимости: либо ты поклоняешься богу, исполняешь предначертанное им, либо… следующей реинкарнации не будет.

— Интересно, что мешает им вернуться к прежним имплантам, которые не используют внутренний ресурс организма? — размышляя вслух, поинтересовался Вадим. — Плюнуть на этого бога, завести детей и, в конце концов, освободиться?

Покровский задумался.

— Да, ты прав… Человек плохо переносит свое подчиненное положение. Кровь начинает бунтовать… Странно. Вероятно, должен быть еще какой-то подавитель эмоций…

Кровь бунтует? Эти слова Покровского накатили на Вадима внезапным, ярким воспоминанием:

…Тонко, заполошно запищал какой-то прибор.

Вадим мгновенно напрягся, не понимая, откуда доносится звук, пока девочка, закусив губу, не прикоснулась к своему запястью.

Там была крышечка. Маленькая, продолговатая, выполненная под цвет и фактуру кожи. Она открылась от легкого нажатия, совершенно бесшумно отскочив вверх.

Под ней в углублении лежал ряд мерцающих кнопок, рядом тревожно взмаргивал красный индикатор.

— Адреналин… — с нотками испуганной вины в голосе произнесла она. — Сейчас я все исправлю… — Ее дрожащий палец коснулся маленьких кнопочек, пробежал по ним в определенной

последовательности.

Назойливый сигнал тут же стих. Цвет индикатора сменился на зеленый.

— Извини… Произошел выброс адреналина. Я не могу управлять этой функцией метаболизма… Никто не может… Но мы должны быть спокойны, отрешены от страха, возбуждения, иначе нам никогда не справиться с Фагами. Они убьют Его, и тогда исчезнем все мы… Ты ведь знаешь об этом, да?

Вот, значит, как оборачивался тот намек на Вечную Жизнь, который лейтмотивом звучал в начале их разговора!.. Гримаса… Страшная, противоречащая человеческой сущности гримаса выживания, цепь вынужденных мер, замешанная на непонятной религии и в конечном итоге не усовершенствовавшая, а скорее искалечившая организмы и души людей…

— Я не представляю, кто это может быть… — глухо произнес Вадим.

— Кто угодно… — ответил Покровский. — Плазмоиды… — предположил он. — В их существовании одновременно кроется и загадка, и угроза.

— Нужно искать, — порывисто произнес Вадим. — Но прежде надо эвакуировать…

— Погоди, — Покровский жестом остановил его. — Ты еще не слышал наиболее пакостную часть истории, так что не спеши… — Он снова принялся мерить шагами кабинет. — Мы не можем очертя голову кинуться назад в Туманность. Я же сказал тебе, что накопал тут такого, что волосы начинают шевелиться по всему телу…

— Станция ГЧ? — мгновенно напрягаясь, спросил Полуэктов.

— Она самая… И еще тот кусочек металлического водорода, обломок обшивки Фага, который ты сподобился прихватить оттуда.

— Они взаимосвязаны?

— Еще как. Но давай по порядку. Пока ты был у медиков, мои ребята многое успели накопать. Хорошо, что ты отснял все объекты. Это дало нам в руки ключ к направлению поиска… — Он вернулся к столу, взял сигарету. — Как известно, станции ГЧ являются конструкциями неприкосновенными, но все же на них был совершен ряд нападений, — прикуривая, произнес генерал. — Любопытное совпадение: все они почему-то имели место десять лет назад, сразу после развала Конфедерации. Ганианские пираты тогда здорово пошерстили обитаемые миры. Брали все подряд, до чего, как говорится, лапы дотягивались. Мне

думалось, что они просто пользуются случаем, ловят рыбку в мутной воде галактических перемен, но нет. Я тут удосужился сделать сводный анализ всего похищенного с различных миров в результате их настойчивых разбойных нападений, и получился любопытный список… Смотри: герметичные разборные купола, климатические станции, тяжелая всепроходная техника, оружие, генераторы силовых полей, ну и так далее… Станция ГЧ, утащенная в гиперсферу одним особо крупным капером, тоже значится в этом списке. Усекаешь?

— Готовили базу на безвоздушной планете?

— Вот именно… А теперь еще одна новость с галактического рынка космической техники. — Генерал достал голографический рекламный проспект и протянул через стол Вадиму. — Корпорация «Аллорские Космоверфи» анонсировала пять лет назад новый вид энергостойкой брони для малых космических судов. Баснословно дорогая, но удивительно эффективная обшивка, созданная на основе неизвестного ранее металлического соединения водорода, способная выдержать прямое попадание лазерного луча мощностью до десяти мегаватт без потери внешнего вида и физических свойств корабля. Эта презентация нового продукта вызвала легкий шок в военных кругах — разработка свалилась как снег на голову, будто ей не предшествовали долгие годы экспериментов и испытаний. «Аллорские Космоверфи» обогатились на этом до полного неприличия. Заметь, броня выпускается в строго ограниченных количествах, никто не в курсе, откуда берется исходный материал сплава. Я в свое время попытался сунуться туда, но наткнулся на полный информационный вакуум. Какая-то мистическая загадка…

Полуэктов посмотрел на изображенный в трехмерной проекции иссиня-черный корпус космического корабля, поверх которого недобрым огнем пылала надпись: «Аллорские Космоверфи» представляют…

— Узнаешь броню?

Вадим кивнул.

— Они строят боевые корабли? — спросил он.

— Пока нет. До последней поры это была гражданская верфь, ты же знаешь — Конфедерация строго контролировала Окраину, но теперь там сущий беспредел… — вздохнул Покровский. — Колониальная Администрация Аллора постепенно подминает под себя периферийные миры. Взяли на вооружение «Закон о правах Разумных Существ» и шерстят потихоньку. Внешне все выглядит чинно, благородно, так сказать, «в законе». Пару лет назад они начали разгребать два кладбища кораблей, оставшихся в пространстве со времен Первой Галактической. Хоронят

обнаруженные тела со всей помпой, на какую только способны.

— А сами корабли? Куда они их девают?

— По документам вся техника идет в утилизацию, на заводы «Аллорской Космоверфи». Недавно они даже распространили запись утилизации одного из крейсеров.

Вадим потянулся за сигаретой.

— А на самом деле? — спросил он, зная, что Покровский не станет затрагивать определенную тему, не имей она прямого отношения к их разговору.

— Вот посмотри. Это снимки, сделанные тобой через телескопы «Альфы» и обработанные в компьютерной лаборатории до нужной кондиции.

Вадим принял из рук Покровского очередную серию отпечатков, невольно вспомнив, как с такой же пачки снимков начался его вояж в Туманность Ориона.

Съемка поверхности безвоздушного мира получилась отменной. Была видна и станция ГЧ, плывущая по орбите, и какие-то постройки внизу, накрытые мерцающим куполом силовой защиты, как города на Стелларе — знаменитом военном спутнике планеты Рори.

Вадим взял другой отпечаток. Станция Гиперсферной Частоты ушла на нем назад и вправо, теперь только фрагмент выпуклого борта виднелся на краю увеличенного изображения, зато постройки внизу стали крупнее, четче…

Вадим присмотрелся и понял — это не здания, а корабли.

Пять космических кораблей стояли на поверхности планеты, отбрасывая резкие черные тени. В некоторых местах их обшивка зияла провалами демонтированных сегментов. Можно было понять, что под куполом защиты присутствовал воздух, а внутри самих кораблей велись монтажные работы, — на внешней обшивке древних крейсеров, словно муравьи, застыли крошечные фигурки людей, а в одном месте сквозь чернь провала ясно виднелась пойманная в кадр вспышка сварочного аппарата.

Вокруг на огромных полотнищах, уложенных прямо на оранжево-желтый грунт, были размещены снятые с кораблей агрегаты. Взгляд узнавал неповторимые контуры лазерных комплексов «Прайд», которые составляли основу бортового вооружения земных крейсеров, вторгшихся много веков назад в Колонии.

— Вот так, Вадим… Видишь, как замыкается круг?

Замыкается круг?! Покровский и впрямь обладал железным самоконтролем. Это же новая, назревающая *война*!..

— Кто эти люди? — справившись с эмоциями, спросил Вадим.
— Ганианцы.

* * *

Спустя час, после короткого тайм-аута, пока Вадима осматривал врач, они возобновили прерванный разговор.

Покровский, устав сидеть, расхаживал по кабинету.

— Итак, смотри, какая у нас прорисовывается схема… Думаю, что ганианцы обнаружили эту систему лет пятнадцать назад, скорее всего по чистой случайности. Каперские корабли испокон века прятались в разном скрывающем их окружении: в поясах астероидов, туманностях, на поверхностях мертвых, безжизненных планет. Эта тактика выработана у них веками разбойных нападений, поэтому нет ничего мистического в том, что их корабли посещали газопылевое облако в Орионе.

— Ну и что? — резонно возразил ему Вадим. — Любой корабль, появившись в системе голубой звезды, прежде всего получил бы по зубам от Фагов.

— Вероятно, так оно и было, — согласился Покровский. — Получили по зубам, но смогли уйти на гипердрайве. Отсюда возник естественный интерес: кто это еще такой наглый прячется в облаках пыли и газа? Ты же знаешь ганианцев — задень их, потом беды не оберешься…

— Тогда откуда взялась база? И зачем им понадобилась станция ГЧ?

— А вот тут мы пока вступаем в область предположений. Неизвестно, как развивались события, но, судя по размаху, десять лет назад за дело взялись кланы Ганио — это не каперская шайка, а настоящий криминал, причем битый, скрепленный религиозной идеологией Шииста. Ты сам знаешь, они контролируют весь рынок ганианских наемников, торговлю оружием, межзвездную контрабанду… Видно, среди них нашелся человек, который сумел по достоинству оценить случайное открытие.

Генерал, стоявший у окна, повернул голову. Вадим сидел, напряженно выпрямившись в кресле, и что-то обдумывал, не замечая, что сигарета в его пальцах уже дотлела до самого фильтра.

Изображения на снимках потрясли его. Крейсера Земного Альянса в свое время являлись страшным оружием — отлично бронированные, вооруженные, несущие на борту по нескольку десятков космических истребителей, они едва не предрешили исход войны в пользу прародины человечества. Колонии избежали поражения, лишь разработав и применив аннигиляционную установку «Свет», которая сжигала любую, самую толстую броню, превращая надстройки кораблей в бесформенные сгустки

металла.

Эра энергетического оружия положила конец господству в космосе крейсеров Альянса и предрешила победу Колоний в Первой Галактической войне. От установки «Свет» не спасали ни силовые щиты, ни керамлито-титановый сплав, именно поэтому никто не стал прилагать усилия для сбора и реставрации старых машин уже после окончания войны. К тому времени сменилось несколько поколений космической техники, и о кладбищах просто забыли.

И вот спустя века боевые корабли пытались реанимировать…

Трудно было даже вообразить, что способен натворить один такой крейсер, обшитый новым типом энергостойкой брони, которая, судя по имеющимся отзывам, в сочетании с силовым полем защиты запросто сможет выдержать энергию полного ядерного распада…

«Дьяволы Элио…» — подумал Вадим, чувствуя, как холодеет спина от одной мысли, что запредельная технология отдана сейчас в руки людям, которые по историческому определению никогда не гнушались ограбить и уничтожить ближнего, если для этого предоставлялась хоть малейшая возможность.

Да… Перед этим бледнела и проблема затерянной колонии, и даже присутствие в Туманности плазмоидов на миг показалось ему не таким страшным, как эти отреставрированные боевые корабли.

Полуэктов поднял взгляд, посмотрел на генерала, но тот сидел, склонившись над бумагами.

«Знать бы, о чем сейчас думает Андрей Георгиевич…»

Вадим не просто так задался этим вопросом. Он работал в секретном аппарате Покровского давно — фактически с той поры, как вернулся на Землю после обязательной службы в интернациональных силах Патруля, подчинявшегося Совету Безопасности Миров, но особенно близок к генералу никогда не был. Да, он выполнял задания, иногда покидая Землю, иногда нет; работа чаще всего оказывалась трудной, неприятной как морально, гак и физически, но исполнял он ее добросовестно — не по законам субординации и подчиненности, а скорее из идейных соображений. На взгляд Вадима, современная Земля имела полное право встать в ряду независимых миров. Его злила и угнетала политика изоляции, избранная галактическим сообществом по отношению к прародине, а орбитальные военные станции, постоянно парящие над головой, попросту заставляли жить в постоянном напряжении.

Он не хотел заводить семью, иметь детей, которым придется расти в погибающем мире, скованном диктатом чужого военного присутствия.

Вадим вспомнил фразу, которую доводили до сведения каждого новобранца в интернациональных космических формированиях почившего вместе с Конфедерацией Патруля:

«КОГДА ТЫ, СТАНОВЯСЬ СОЛДАТОМ, БЕРЕШЬ В РУКИ ОРУЖИЕ, ТО ДОЛЖЕН ПОНИМАТЬ, ЧТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО ОНО ВЫСТРЕЛИТ».

Золотые слова.

Эта фраза могла быть в равной степени отнесена и к стальным «гарантам безопасности» Земли. Они висели над головой уже много веков, и связанное с ними напряжение копилось, обещая разрядиться тем или иным способом…

Вадиму совершенно не нравилось такая жизнь, но эмигрировать с Земли он не собирался. За три года службы в космической пехоте его отдельную разведроту кидало по многим мирам, от одной «горячей точки» к другой, и Полуэктов мог с уверенностью сказать: в Галактике имеется изрядное количество планет, которые действительно нужно контролировать, не давая расползаться всякой чуме и дряни, что веками копилась под шапками их атмосфер. Одна Зороастра или Ганио стоили того, чтобы наглухо запечатать эти миры, на которых процветала работорговля, смешанная с жуткими, не совместимыми ни с одной этикой технологиями…

Но, увы… Орбитальные станции по-прежнему висели над старушкой Землей, а рядом, в десятке-другом световых лет, продолжал цвести махровый беспредел, до которого, как выясняется, никому не было дела.

Поэтому, вернувшись на Землю, Вадим после нескольких бесед с полковником Покровским дал согласие на службу в силах внутреннего порядка родной планеты.

Теперь лейтенант Полуэктов стал капитаном, Покровский носил знаки различия генерала, но оба прекрасно понимали: конечной меркой субординации и подчиненности каждого из них была и будет оставаться совесть.

Покровский мог приказывать Вадиму, но до определенной черты.

Поэтому они и смотрели друг на друга именно так: настороженно, изучающе, пытаясь понять, куда заведет их многочасовая беседа и обозначившийся в ее ходе расклад странных и страшных сил?

* * *

Видимо, Покровский понял, о чем думает Вадим. Он не стал кривить душой, а просто сказал, откладывая в сторону бумаги:

— Знаешь, я, конечно, не космополит, но и к дуракам себя не причисляю. А этих отморозков с Ганио люблю поменьше остального человечества. — Он вздохнул. — Раз уж копнули мы с тобой это осиное гнездо, будем и дальше ворошить его… пока не наступит полная ясность или пока нам с тобой не свернут головы…

Генерал был прав. Головы им могли свернуть запросто.

— У нас в руках сейчас три зацепки… — Покровский машинально перекладывал бумаги на столе, видно, нервничал, обдумывая каждое слово. — Украденная станция ГЧ, затем нить, указывающая на кланы Ганио, а также внешний контур пяти старых крейсеров, которые скорее всего числятся утилизированными компанией «Аллорские Космоверфи», — заключил он.

— В сферу деятельности Колониальной Администрации без убойных доказательств не сунешься, — произнес Вадим, подумав над его словами.

Покровский кивнул

— Мне не дает покоя украденная станция ГЧ, — сознался он. — Я не вижу смысла в такой шумной и сложной акции, как ее изъятие и перемещение через гиперсферу. Для связи можно использовать разовые источники сигнала, это и дешевле, и надежнее в смысле маскировки. У меня есть только одно предположение, зачем им понадобился стационарный генератор гиперсферной частоты… Не догадываешься?

— Нет.

— Интерстар. Межзвездная компьютерная сеть. Любая станция ГЧ является носителем серверов и спецоборудования для поддержания онлайновых каналов. Только вот пока не возьму в толк, зачем? Нужна очень веская причина, чтобы светиться подобным образом. Хотя, Сеть безлика, а продажных спецов, способных замаскировать функционирующий узел так, что и я не найду, хоть лопатой загребай…

— Нет, Андрей Георгиевич… Это не по мне, — подумав, отверг такой вариант Вадим. — Информационная война, Интерстар — не мое, — признался он. — Я полагаю, что ганианцы — самое слабое звено, если, конечно, поставки идут через них.

Покровский продолжат внимательно смотреть на Полуэктова.

«Можно ли ему доверять в той же мере, как раньше?» — вот о чем думал Покровский в эти секунды.

— Думаешь — отпущу? — вдруг, усмехнувшись, тихо спросил он.

— Отпустите, Андрей Георгиевич, — спокойно выдержав его взгляд, ответил Вадим. — Я слишком заинтересован в правде… — добавил он.

Глава 10

Планета Ганио, обращавшаяся вокруг звезды со звучным названием Халиф, являла собой странный, причудливый мир.

Безводные ландшафты пустынь, жаркий климат, скудные ресурсы полезных ископаемых делали планету абсолютно бесперспективной в плане колонизации, но в эпоху Великой Экспансии, когда гиперсфера разбрасывала земные корабли по всему пространству Галактики, этот мир не избежал вынужденной посадки очередного невозвращенца.

Вторично планету открыли уже спустя несколько сот лет после Первой Галактической, когда картографические суда молодой Конфедерации Солнц исследовали все планетные системы в поисках потерянных колоний.

Корабль, посетивший орбиты Ганио, обнаружил автоматический маяк с борта колониального транспорта «Мириам», зафрахтованного в 2370 году некоей группой арабских шейхов, мечтавших увести своих подданных подальше от пристальной опеки международных антитеррористических организаций. Бывшие нефтяные магнаты, короли «черного золота», к тому времени сильно пообнищали из-за тотального оскудения ресурсов, на которых веками жировали их предки. Всемирное Правительство не противилось такому «исходу». По договоренности сторон из тюрем в криогенные камеры колониального транспорта были интернированы десятки тысяч последователей идеологии Шииста, и «Мириам» благополучно отбыл в неизвестность.

Спустя пять веков экипаж картографического крейсера обнаружил на поверхности жаркой планеты анклав полудиких кочевых племен, совершенно утративших память о Земле.

Первые попытки контакта с ганианцами окончились трагедией: миссия, высланная с борта картографического судна, бесследно исчезла.

Современный космопорт, города, дороги — все появилось на Ганио значительно позже, когда Конфедерация Солнц на гребне своего экономического могущества щедро проводила политику планетарного равенства, стержнем которой являлась идея гуманитарной общности планет.

Под термином «гуманитарная общность» в данном случае подразумевались некие моральные и материальные ценности, которые неоспоримо должны были напоминать людям, что они все еще остаются

Человечеством.

Спустя пятьсот лет после Галактической войны, в период бурного расцвета Конфедерации, такую политику было не просто возможно, а даже *выгодно* претворять в жизнь, зарабатывая на этом солидный политический багаж.

Мир Ганио, хотя и не подписал большинства межпланетных договоров, но все же получил свой кусок гуманитарного «пирога».

Старые Колонии возвели тут стандартный космический порт, разместили на удаленной орбите станцию Гиперсферной Частоты и презентовали полудиким, кочующим племенам ганианцев цокольный этаж исполинского города-мегаполиса.

С той поры минуло еще четыре сотни лет, на протяжении которых дурная слава ганианских наемников успела расползтись по всей обитаемой Галактике, а сам мир после взрывообразного расцвета каперства был подвергнут запрету на экспорт туда целого ряда современных технологий.

Конфедерация Солнц опомнилась, осознав, что сама заботливо выпестовала себе проблему, но было уже слишком поздно рушить построенное.

Теперь, когда не стало и самой Конфедерации, для Ганио медленно, но верно наступали золотые времена.

* * *

Паперть, расположенная неподалеку от входа в космопорт, представляла собой старую лестницу, ведущую в давно бездействующий комплекс административных зданий. Некогда она была отделана мрамором, который потом куда-то исчез, и теперь ободранные, загаженные ступени стали местом, где обретались нищие и калеки, выпрашивавшие милостыню у немногочисленных пассажиров орбитальных челноков.

Перед папертью раскинулась площадь, которая в прошлом также знавала лучшие времена. На сером стеклобетоне ее покрытия все еще сохранилась разметка просторных парковочных площадок, но бесшумные, шелестящие широкими покрышками и сияющие мутным глянцем стекол респектабельные машины уже очень давно не рассекали эту площадь — их место заняли аппараты попроще, и сейчас кучка ганианиев, промышлявших частным извозом, как обычно, шумно толпилась неподалеку от замызганных ступеней, изредка отвлекаясь от похожей на нескончаемую брань беседы, когда в раскаленных небесах раздавался тонкий свист или же утробный гул идущего на посадку орбитального челнока.

Мегаполис, окруженный со всех сторон песками знойной пустыни, возвышался за космопортом, будто гигантская, попирающая небеса черно-серая пирамида, каждый уступ которой сам по себе являлся городом в миниатюре.

Стены этих зданий хранили многие тайны вплоть до загадки возникновения самого мегаполиса, через который текли миллиарды теневых галактических кредитов.

Обосновавшиеся же на паперти подле космопорта нищие равнодушно проводили свои дни, слушая редкое позвякивание монет, падающих в их коробки для подаянии.

Вечером в одно и то же время по их рядам проходил некто, обладающий тяжелой поступью и на редкость низким, грубым голосом.

Он отбирал основную часть собранных за день денег, иногда долго, со вкусом бил кого-нибудь, поймав на попытке припрятать часть собранных подаяний.

* * *

В знойных небесах под палящими лучами Халифа промелькнула и скрылась ниспадающая дуга инверсионного следа от очередного, заходящего на посадку челнока.

Темнокожие, загорелые до черноты ганианцы зашевелились, обратив свои взоры на стеклянные двери второго выхода. Сюда обычно направляли пассажиров, путешествующих вторым и третьим классом. Люди более богатые и респектабельные покидали космопорт через новое крытое сооружение, под прозрачным колпаком которого оказалась вся прикосмодромная площадь. Там, несмотря на яростные лучи Халифа, росли пальмы и можно было свободно разгуливать с непокрытой головой.

Частных водителей, а тем более нищих к той площади не подпускали и на выстрел, вот они и толклись тут, у черного крыльца.

На приезжающих (а в особенности на тех, кто прибывал на Ганио впервые) климат планеты производил самое неприятное впечатление буквально с первых шагов. Сухой, обжигающий лица ветер гулял между коробками зданий, весело танцуя пылевыми смерчами. Песок тут был повсюду — горячий, колючий, он больно бил по незащищенным частям тела, напоминая: ты прилетел не на Дион с его мягким, ласковым климатом и дивными золотыми пляжами — это Ганио, Колыбель Раздоров, а с небес на тебя пялится жаркий Халиф, ежесекундно грозя серьезным тепловым ударом.

Пассажиров в этот раз было не более десятка.

Гуськом вытянувшись из-за стойки таможенного досмотра, они вышли в стеклянные двери уже плотной кучкой, остановились, одни в поисках встречающих, иные просто пораженные внезапно открывшимся видом убогой старой площади и накатившим тут же жаром.

Этого секундного замешательства хватило нищим, сидевшим на потерявших свой лоск ступенях, чтобы начать тянуть руки, взывая к состраданию группы отчаянных туристов и мелких бизнесменов.

На них обратили внимание: некоторые из приезжих стремились посторониться, чтобы их, не дай бог, не коснулись грязные, заскорузлые пальцы попрошаек, другие же не шелохнулись, разглядывая с высоты верхней ступеньки жалкое и страшное волнообразное движение человеческих тел, третьи, торопясь разрядить секундную паузу, ринулись вниз, кто раздраженно, а кто брезгливо лавируя между телами нищих.

Навстречу им уже спешили бронзоволикие водители, на ломаном интерангле предлагая поездку в любую точку Ганиопорта.

Из всей этой суеты выделялись лишь несколько фигур.

Одной оказался высокий, сухощавый человек, к запястью которого был прикован тонкой цепочкой наручников кейс. По его лицу пролегал ровный шрам, обозначающий стык живой и искусственной кожи. Стоило приглядеться к нему внимательнее, и тут же становилось понятно, что большая половина его лица, вкупе с правым глазом, — это протез, и лишь небольшая часть в левой половине — настоящая плоть. Когда он оглядывался по сторонам, то в знойной тишине можно было услышать, как тонко повизгивают сервоприводы спрятанной за бутафорией глаза видеокамеры. Волосы незнакомца имели два оттенка — его рано поседевшие виски плавно переходили в коротко стриженную, серебрящуюся макушку, и с первого взгляда казалось невозможно определить, что это за серебристая щетина — настоящие волосы или же тончайшая проволока?

Рядом с ним стоял, широко расставив ноги, голубокожий карлик с налитыми кровью, выкатившимися из орбит глазными яблоками. Вид у него был самый что ни на есть свирепый, и в то же время весь облик этого существа — его осанка, выражение лица, то, как он снизу вверх с детской преданностью поглядывал на своего компаньона (или хозяина?) — мог сообщить прямо противоположные сведения, он казался какой-то гремучей постоянно меняющейся смесью, созданной из доброжелательности, свирепого уродства и детской непосредственности.

От внимательных посторонних взглядов не смог бы укрыться и тот факт, что под расстегнутой курткой карлик носил пояс с набором

метательных ножей, так что любое из первых впечатлений могло оказаться абсолютно обманчивым.

Неудивительно, что нищие не ринулись им под ноги. Лишь один из них, не участвующий в общем содоме, а неподвижно застывший на нижней ступени паперти, неосознанно повернул голову в ту сторону, где стояли эти двое.

Он-то и стал спустя несколько секунд третьим участником разыгравшейся сцены.

Дело в том, что нищий был абсолютно слеп. Его глаза даже не походили на бельма — глазные яблоки просто отсутствовали на положенных им местах, открывая безобразные струпья затянувшихся, но все еще неприятно-розовых шрамов.

Он молча обернулся на шум, который подняли его зрячие коллеги.

В этот момент человек с кейсом, видимо, принял решение о том, каким видом транспорта им двигаться дальше, и тронул своего спутника за рукав.

— Пошли, Ваби, нам светит вон та мутно-желтая колымага, сечешь?

Его спутник кивнул и тут же осведомился:

— Эрни, а если будет плохо говорить, а? — он бросил невинный взгляд на свои ножи.

Эрни Рорих вздохнул, присел на корточки и сказал:

— Ваби, ты выучил то слово, что я тебя просил?

Карлик угрюмо кивнул.

— Повтори его, пожалуйста.

Мутант скорчил отвратительную гримасу, но все же ответил, растягивая звуки по слогам:

— Тер-пи-мость.

— Вот именно, мой друг. Терпимость. Очень хорошее, правильное слово. Когда тебя бьют ногами по ребрам, разрешаю забыть и не вспоминать о нем. Но когда мы с тобой сядем в машину вон к тому смуглолицему джентльмену, то, прошу, вспоминай его почаще, ладно?

— Если он будет кричать что-то про мою маму, я его убью.

— Хорошо, тогда пойдем пешком. Пять километров, по пыльной дороге, пешком.

Ваби насупился. На его лице нарисовался мучительный мысленный процесс.

Рорих тем временем решил закрепить свой педагогический успех и назидательно произнес:

— Человек человеку друг, товарищ и…

— Волк, — угрюмо завершил его мысль Ваби.

— Что-о? Где это ты нахватался?

— Так говорила Эйзиз.

— А, ну конечно, Ледышка для тебя…

— Все, — оборвал его карлик. — Я буду делать, как скажешь.

— Ну, наконец-то. — Рорих уже начал раздражаться от этого бессмысленного спора на жаре. Трудно быть терпеливым педагогом для отсталого по рамкам цивилизованного развития, но сильного, ловкого и бесстрашного по своей внутренней сути мутанта. Его родина — планета Везелвул, покрытая радиоактивными и токсичными отходами — не самое лучшее место во Вселенной для того, чтобы ее обитатели постигали культуру межпланетного общения, ибо главным аргументом на той свалке было не слово, а нож. Именно поэтому Ваби испытывал определенные трудности в общении и не имел никаких проблем в драке.

Эрни очень хорошо знал это. И был терпелив с Ваби. Маленький мутант не раз спасал его жизнь на Везелвуле, а Рорих никогда не забывал подобных вещей. Сейчас он разогнулся и собирался было махнуть рукой топтавшемуся неподалеку ганианцу — хозяину грязно-желтой машины, которую Эрни высмотрел несколько минут назад, но его внимание внезапно отвлек тот самый нищий, который, неподвижно застыв, сидел на нижней ступени ободранной лестницы.

В первый момент в здоровом глазу Рориха мелькнуло безграничное удивление, затем появился и тут же исчез огонек страха… и лишь потом он удивленно сощурился, будто не зная, верить тому, что он видит, или же нет?

— Вадим?! — не очень уверенно произнес он на интеранглийском. — Полуэктов?!

Трудно описать перемену, произошедшую в облике нищего, который минуту назад безучастно сидел на ступенях. Несчастному попрошайке уже нечего было ожидать в жизни, он съежился, сник, представляя собой обломки существа, которое когда-то именовалось человеком, но сейчас…

Нищий вздрогнул, встрепенулся, будто произнесенное вслух имя хлестнуло по нему ударом бича. Его позвоночник выгнулся, он слепо поворачивал голову, одновременно пытаясь шарить руками по горячим ступеням лестницы. При этом его растрескавшиеся пересохшие губы прошептали:

— Эрни… дружище… я не ослышался…

Рорих сделал нетерпеливый жест Ваби — отстань на минуту, затем шагнул вперед и присел на корточки, заглянув в изуродованное, лишенное глаз лицо.

Гримаса страдания исказила черты Эрни Рориха. Живая половина лица побледнела, став неотличимой от скверной пеноплоти, и соединяющий их шрам почти исчез.

Крохотная видеокамера за правым искусственным глазом с тонким визгом поворачивалась из стороны в сторону.

БЕЗ СОМНЕНИЯ, ЭТО БЫЛ ОН, СЕРЖАНТ ВАДИМ ПОЛУЭКТОВ…

— Вадим… — Эрни удивлялся редко, но сейчас он был потрясен. — Дьяволы Элио! Мы ведь думали… думали, что ты мертв!

Нищий, хоть и ориентировался по голосу, но совсем не так уверенно, как это делает опытный слепец, — его рука несколько секунд шарила в воздухе, потом наткнулась на лицо Рориха, пальцы задрожали, остановились на миг, а потом медленно скользнули по рельефу лицевых мышц, вернее того, что от них осталось, — он безошибочно угадал пеноплоть по ее бархатистому холоду, на миг коснулся линзы неживого глаза, потом отнял дрожащую руку от лица Эрни…

В горле Рориха стоял сухой непроглатываемый ком. Решение пришло мгновенно.

— Давай, Вадим, поднимайся. — Рорих наклонился к нищему, собираясь помочь ему подняться, но тот, улучив момент, вдруг шепнул ему на ухо, совершенно иным, уже абсолютно не дрожащим голосом.

— Эрни, дружище, я рад, но не надо поднимать шум. Давай встретимся вечером, после захода солнца. Скажи, где — я приду.

Перемена в голосе Вадима была столь разительна, что Рорих на секунду опешил.

Внимательно посмотрев на потерянного много лет назад друга, он так же тихо, но внятно ответил:

— Я понял. Ты видишь?

Вадим едва заметно пожал плечами.

— На углу, вон за тем сараем с вывеской «Бар». Я подъеду на машине ближе к полуночи.

Дождавшись утвердительного кивка, он выпрямился.

— Эй, Ваби! Поехали.

* * *

Вечер подкрался тихо, незаметно.

Звезда Халиф мутной, кровавой каплей стекла за горизонт, и окрестности космопорта погрузились в густеющие сумерки.

Нищие, отсидевшие день на раскаленных ступенях, сдав положенную

мзду, медленно разбредались кто куда.

Последним с паперти ушел тот слепец, с которым разговаривал Эрни Рорих.

Космопорт Ганио за столетия эксплуатации сильно видоизменился. Бетонный забор, окружавший некогда автоматизированные склады, растрескался под лучами беспощадного Халифа, местами и вовсе рассыпавшись в щебень. Остатки ограждения торчали из песка, как сломанные зубы.

Нищий в грязной, замызганной одежде неуверенной походкой брел вдоль останков бетонного ограждения, прощупывая пространство перед собой обломком трости.

Вот в заборе обнаружился первый провал, и он свернул в него, споткнувшись о выпирающую из песка груду бетона.

Разгрузочные терминалы высились вокруг мрачными прямоугольными коробками. Гонимый ветром песок, шурша, облизывал их стены. Где-то скрипел оторванный лист облицовки. Редкие фонари между зданиями давали лишь иллюзию света, и основная часть посадочных полей оставалась погруженной во мрак.

Жизнь ганианского космического порта протекала очень своеобразно. Днем здесь совершали взлеты и посадки в основном пассажирские челноки, а транспортные корабли грузились и разгружались ночью. Для такого режима было несколько причин, но главная из них заключалась в том, что автоматика порта без надлежащего ухода давным-давно пришла в полнейший упадок, превратившись в горы раскиданного по периметру ржавого железа, и львиную долю работ приходилось производить вручную.

Разгружать корабли под немилосердными лучами Халифа было делом немыслимым. Приходилось ждать сумерек, когда диск яростной звезды скатывался за горизонт.

Вот и сейчас, с наступлением прохладной темноты, здесь в разных местах начали оживать снующие туда-сюда тени, бледными пятнами вспыхивали бортовые прожекторы транспортных судов, освещая площадки, на которых работали люди, из темноты раздавались крики команд и невнятная брань, изредка к освещенным площадкам подъезжали машины.

Нищий брел среди этих островков ночной жизни порта, привычно постукивая по растрескавшемуся стеклобетону обломком трости. Время от времени он сворачивал, ориентируясь на голоса, подходил к громадным кораблям, подле которых суетились люди, и останавливался, выпрашивая еду.

Как правило, его гнали прочь, но иногда бедняге удавалось перехватить кое-что, и тогда он подолгу стоял на границе света и тьмы, медленно пережевывая подачку…

Рабочие на площадках в основном были инопланетниками. Коренные ганианцы среди них встречались крайне редко. Жители планеты, кичливо выставлявшие себя *воинами*, не могли унижаться работой.

— Эй, ну-ка, посторонись!

Нищий, к которому был обращен окрик, повернулся на голос.

— Я сказал, прочь отсюда! — на этот раз слова охранника были подкреплены ощутимым пинком.

Поднявшись на ноги, нищий долго шарил руками по земле в поисках оброненной трости, потом, не произнеся ни слова, медленно заковылял прочь.

Охранник молча сплюнул ему вслед и отвернулся, не заметив, что тот, скрывшись в сумраке, сразу остановился, присев в глубокой, черной тени штабелированных ящиков.

На погрузочной площадке намечалось что-то необычное.

По ту сторону освещенного прожекторами круга, подле открытой грузовой рампы космического корабля стояли сразу три легковые машины.

Спустя несколько минут туда же подъехали два трейлера.

— Осторожно… Загоняй задом! — раздалась отрывистая, лающая команда, произнесенная по-ганиански.

На площадку прибыл какой-то серьезный груз. Это было видно по всему. И количество охраны, и необычная процедура погрузки, когда внутрь грузового отсека корабля зачем-то стали загонять тяжелые, неповоротливые машины, явно свидетельствовали о ценности и неординарности груза.

Зачем бы это? Кого ганианцам опасаться в своей беспредельной, лишенной даже намека на закон вотчине?

Нищий встал и, делая вид, что ковыляет прочь, начал перемешаться по периметру освещенного круга, стараясь оставаться при этом в тени. Оказавшись напротив распахнутого зева грузовой рампы, он отступил в темноту и присел.

Когда микропроцессор, вшитый в ворот его лохмотьев, отрегулировал микроскопические видеокамеры, то на жидкокристаллических дисплеях, тыльная сторона которых как раз и имитировала изуродованные глаза, появилось четкое, контрастное изображение грузового отсека.

За два месяца бесплодных ночных шатаний по территории космопорта он уже свыкся и со своим необычным зрением, и с пинками, и с

той дрянью, которую приходилось жевать на глазах рабочих…

Шестьдесят три дня нищенства на Ганио иссушили тело и ожесточили разум Вадима. За это время он насмотрелся тут всякого. Прибывали и отбывали наемные группы, транспортировалось оружие, несколько раз ему пришлось наблюдать за погрузкой живого товара… Находясь тут, трудно было поверить, что близится к концу четвертое тысячелетие Галактического календаря, настолько убогой, злой и бесчеловечной оказалась реальность пыльной, жаркой планеты.

Измучившись и морально, и физически, он уже всерьез начинал подумывать над тем, что «тянет пустышку», а космопорт «Колыбели Раздоров» вовсе не является перевалочным пунктом для операций, связанных с Туманностью Ориона.

…Задняя дверь трейлера открылась.

Нет, на этот раз определенно наклевывалось нечто неординарное. Загнанную внутрь грузового отсека машину, похоже, собирались разгружать сами ганианцы!

«По меньшей мере платина в слитках…» — подумал он про себя, наблюдая, как первая пара вооруженных «грузчиков» полезла в фургон.

Нет… Это оказалась не платина.

Нищий вздрогнул, когда двое ганианцев выволокли под тусклый свет грузового отсека первую матово-черную плиту обшивки площадью в три квадратных метра.

Они несли ее, заметно напрягаясь, но все же вес нового типа брони не исчислялся тоннами, как прежде…

Нищий привстал. Он уже понял, что действовать нужно немедленно. Не было никакой гарантии, что грузовой корабль не стартует сразу же по окончании процедуры загрузки, и тогда единственный пойманный за два месяца шанс ускользнет, быть может, навсегда…

Он взглянул на встроенный в уголок мини-дисплея хроно.

Без четверти полночь по местному времени Эрни будет ждать его на углу, возле площади через пятнадцать минут. Удачно, что они встретились сегодня, жаль лишь, что придется втравливать его в проблемы, но иного выхода Вадим не видел.

Отделившись от сумеречной стены погрузочного терминала, нищий, слепо шаря перед собой обломком трости, неуверенной походкой пошел вперед прямо на стоявшего вполоборота к нему охранника.

* * *

— Э… куда прешь, кундук безглазый!..

Охранник стоял на границе света и тьмы, там, где яркое сияние прожекторов переходило в глубокую тень.

Слепой повернулся, пытаясь сориентироваться по голосу. Ганианец, неприязненно наблюдавший за ним, решил помочь несчастному найти дорогу: оскалившись в улыбке, он занес приклад импульсного автомата для короткого удара.

В следующую секунду расщепленный конец обломанной трости пробил его горло, вырвав короткий, булькающий хрип.

Вадим еще несколько мгновений держал в объятиях обмякшее тело, осматриваясь по сторонам, затем позволил ему беззвучно оползти на землю.

Нагнувшись, он подобрал импульсный автомат. Удлинив насколько возможно его ремень, он нажал кнопку активации и повесил оружие на плечо стволом вниз, прикрыв сверху лохмотьями.

Обшарив подсумок мертвого охранника, он извлек из него две светотермические гранаты. То, что нужно… Удача, похоже, начинала улыбаться ему. Отступив во тьму, Вадим установил задержки на таймерах, коротко размахнулся и зашвырнул увесистые шарики за штабель ящиков, складированных подле ближайшего терминала.

До корабля, где полным ходом шла погрузка металловодородных листов, от внешнего круга оцепления оставалось метров сто, но у самого корпуса транспортного судна маячила еще одна цепь ганианцев.

Неуверенной походкой слепого человека Вадим направился к носовой части космического корабля.

На него не успели обратить должного внимания. Один из охранников внутреннего периметра повернулся было к ковыляющей фигуре нищего, но в этот миг на краю погрузочной площадки внезапно полыхнула ослепительная зарница, и площадку перед открытой рампой мгновенно огласили болезненные вопли.

Те из охранников, кто стоял лицом к вспышке, сейчас вскидывали руки, хватаясь за глаза; кто-то истошно взвыл, среди раздающихся бессвязных ругательств и воплей сухо прозвучала хлестнувшая по стене озаренного пожаром здания автоматная очередь.

Вадим, мысленно отсчитывавший про себя секунды, не оглядываясь, продолжал двигаться вперед. Как он и рассчитывал, те ганианцы, что еще не ослепли, бросились к месту, где произошел взрыв и вспыхнул пожар.

Нормальная, предсказуемая реакция.

За спиной полыхнула еще одна зарница — это сработал таймер второй гранаты, опять раздались болезненные вскрики временно ослепших

воинов…

Вадим уже был под днищем корабля.

Задрав голову, он бегло осмотрел плоское, отливающее серебром брюхо транспорта, отыскивая подходящее место. Определив взглядом свободный от диафрагменных люков кусок обшивки, он вынул из-под лохмотьев маленький, уместившийся в ладони прибор, метнул его вверх и замер.

Плоская коробочка ударилась об обшивку, прилипла к ней, и спустя секунду в ухе Полуэктова сдавленно пискнул сигнал — молекулярная связь сработала, коробочка намертво приросла к броне транспортного корабля, а ее внутренние системы активировались.

Все… теперь прочь отсюда.

* * *

Вадим, ускользая во тьму, которую то и дело вспарывали короткие хоботки огня, обозначавшие беспорядочную автоматическую пальбу, прекрасно понимал, что паника и неразбериха, вызванные его импровизированным нападением, не могут длиться достаточно долго.

Неписаные законы кланов, царящих на Ганио, жестко регламентировали всяческие столкновения — у местных бытовали свои «понятия», нарушать которые остерегся бы, наверное, и самый отпетый беспредельщик, именно поэтому паника вокруг корабля оказалась такой острой, нервной.

Пока боевики палили во тьму, поражая мифическую армию, а их командиры мучительно пытались эмпирическим путем вычислить того из личных врагов, кто набрался наглости напасть на корабль в самом центре Ганио, у Вадима еще оставался шанс выбраться живым за территорию космопорта.

Маскироваться далее не имело смысла, спустя полчаса тут перетряхнут всех: и нищих, и богатых, и даже разжиревших крыс в полупустых пакгаузах, так что теперь ему оставалось уповать лишь на Рориха и свои ноги.

Площадь перед папертью была пуста.

Вадим вышел на открытое пространство и сбавил шаг, стараясь выглядеть запоздалым попрошайкой, намеревающимся обменять остатки дневного сбора на кружку дешевого пойла в ближайшей пивнухе.

Заметив на углу у вывески «Бар» машину, он облегченно вздохнул.

За спиной на территории порта уже не бесновалась беспорядочная пальба, разъяренные ганианцы наверняка пришли в себя и начали

прочесывать местность.

Открыв дверцу, он упал на сиденье и произнес:

— Эрни, дружище, прости, но нам лучше поскорее убраться отсюда.

Рорих внимательно посмотрел на него, заметил тускло блеснувшую под лохмотьями сталь автомата и врубил передачу.

— Нищенствуешь, значит?

Вадим молча кивнул, двумя пальцами выдавливая из глазниц «шрамы».

Черт, как приятно видеть мир воочию…

— Там, на заднем сиденье, шмотки, переоденься, — посоветовал Рорих, на большой скорости вписываясь в поворот.

Вадим без слов переполз на заднее сиденье.

Слова благодарности он оставил на потом, хотя предусмотрительность Рориха его потрясла. Неужели человек может так мало измениться за двадцать с хвостиком лег?

— Выкинь ствол и лохмотья… — скупо посоветовал Эрни, заметив, что он переоделся.

Вадим подчинился беспрекословно.

— Я, между прочим, тут живу… хотя и временно, — упрекнул его Эрни, когда на полупустой дороге им навстречу попалось несколько машин, словно ошалелые, гнавших к космопорту.

— Извини. Я не знал, что сегодня заварится такая каша. Подгадалось… — ответил Вадим, заворачивая автомат в лохмотья. На ближайшем повороте он избавился от свертка.

— Хорошо, куда дальше?

— Мне нужен доступ в Интерстар. Можешь помочь?

Эрни усмехнулся, насколько ему позволила живая половина лица.

— С этим проще, — к облегчению Вадима, ответил он. — Но ты мне будешь должен одну маленькую сказку о том, как в тихом космопорту Ганио вдруг ни с того ни с сего началась война… Знаешь, сколько местных боссов сейчас висят на телефонах, вызванивая друг друга?.. — опять усмехнулся он, и по этой жутковатой полуулыбке Вадим вдруг понял, что ничего из прошлого не пропало всуе и истинные чувства Эрни к ганианцам не изменились с той далекой поры, когда он вместе с сержантом Полуэктовым месил грязь на одной далекой и вовсе не райской планете…

* * *

Войдя в трехкомнатный гостиничный номер, который Рорих снимал вместе с голубокожим карликом, они несколько секунд стояли, пристально

разглядывая друг друга, словно пытаясь оценить, какой ущерб нанесла обоим жизнь, потом, не сговариваясь, вдруг крепко молча обнялись.

— Ваби, тащи, что у нас там есть в холодильнике! — распорядился Рорих, жестом приглашая Вадима пройти к интерстаровскому компьютерному терминалу.

Низкорослый мутант, нарисовавшись в дверном проеме, угрюмо и оценивающе взглянул на Полуэктова.

— Друг, — коротко и односложно пояснил Эрни. Губы карлика тронула зловещая улыбка.

— Не волнуйся, подружитесь, — успокоил Рорих Вадима, когда Ваби исчез в смежной комнате. — Детство у него было трудное. — Рорих опустился в кресло сбоку от терминала и вдруг спросил:

— Сильно увяз?

Вадим понимал, что должен ответить максимально честно, но пока не ощущал в себе права открываться. Людям свойственно меняться с годами, а первые впечатления вполне могли оказаться обманчивыми.

Видно, какая-то часть чувств все же отразилась на его лице.

— Не напрягайся. Я выйду, — произнес Эрни. — Приходи, когда закончишь.

Рорих вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Вадим несколько секунд помедлил, затем активировал терминал и углубился в работу. Времени на размышления не было, действовать следовало быстро. Воспользовавшись полученными от Покровского адресами и кодами, он арендовал канал Гиперсферной Частоты, оплатив не только работу мощностей станции ГЧ, но и максимально доступный уровень защиты.

Получив в распоряжение мощность генератора низкочастотных волн, он быстро провел наводку частоты.

Прибор, прикрепленный к днищу транспорта, работал.

Контакт с ним длился не более секунды, но этого оказалось достаточно. Теперь автоматика станции ГЧ «узнает» его в гиперсфере и будет следить за перемещением объекта, более того, после выхода в трехмерный континуум связь не прервется и он сможет прямо отсюда отслеживать события.

Сработало… Эта мысль приятным холодком прошлась по позвоночнику. Два месяца лишений и кропотливой слежки за космопортом не пропали зря… Теперь оставалось ждать, когда стартует транспорт. Вероятно, тому понадобится от нескольких часов до суток на совершение прыжка, и тогда ниточка от Ганио потянется дальше, начнет

прорисовываться *схема*…

Закончив настраивать генератор, Вадим не отключился от Сети — теперь терминал должен работать постоянно.

Оставалось заглянуть еще в одно место, посмотреть, не оставил ли чего Покровский.

Зайдя на условленный адрес виртуальной межзвездной Сети, Вадим обнаружил там одно-единственное словосочетание:

«Форс-мажор».

Глава 11

За две недели до событий на Ганио Андрей Георгиевич Покровский сидел в тиши подземного бункера. Перед ним внутри прозрачной полуметровой сферы, заключавшей в себе некий объем освоенного людьми пространства, плавали крохотные огоньки-точки.

Эти световые маркеры не являлись отражением реального космоса.

Так в глубинах монитора была изображена сеть Интерстар, которая вот уже несколько веков опутывала звезды.

В реальности эта паутина не являлась зримой. Лишь ее приемопередающие узлы в виде расположенных в космосе станций Гиперсферной Частоты были чем-то вещественным, а все остальное — цифровые каналы межзвездной связи, потоки обмена данными между узлами Сети, расположенными как в космосе, так и на поверхностях планет — не было доступно человеческому глазу, его могло дополнить, дорисовать лишь воображение или вот такая фантомная компьютерная модель.

В виртуальной среде сети Интерстар текла абсолютно своя, ни на что не похожая жизнь. Потоки аномального излучения действительно «связывали» между собой звезды: они неслись от одной станции ГЧ к другой, ежесекундно транспортируя огромное количество байт информации, а в этих байтах были закодированы люди… вернее, нет, не сами люди, а их призраки, фантомы, наделенные волей и страстями тех, кто их породил.

Интерстар жил, работал, любил, ненавидел, радовался и плакал…

Совсем как реальный мир, ну, может быть, чуть-чуть более экзотично, более остро или более равнодушно — в зависимости от того, как воспринимала виртуальную среду личность, породившая тот или иной электронный призрак.

Если разбираться беспристрастно, то в каждый отдельно взятый момент времени никто не мог с уверенностью сказать, где сейчас больше разумных существ, спешащих по своим делам, — в реальном мире или в сети Интерстар?

Человечество шагало от планеты к планете, все более и более понимая, что одной из главных, непреходящих ценностей является информация.

Среда Интерстар, по сравнению с обыденной реальностью, имела два

главных преимущества: ее оперативность и дешевизна сводили на нет все прочие неудобства, которые воспринимались на этом фоне лишь как досадные, но неизбежные помехи.

Такие, например, как потребность в еде, сне, отправлении естественных надобностей…

Зачем потеть в тесных отсеках космического корабля, платить огромные деньги за сомнительные впечатления (а вдруг не понравится, или там, куда ты прилетел, не найдешь искомого?), когда можно практически мгновенно скользнуть вдоль одной из линий Сети, погрузиться потоком электромагнитных импульсов в гиперсферу, вынырнуть спустя какие-то минуты у абсолютно незнакомой звезды, окунуться в цивилизацию ее планет, может быть, фыркнуть, может быть, удивиться, влюбиться мимолетом, где-то подработать, если понадобится… и скользить себе дальше, ничем не связанным, не стесненным, с неограниченной хотя и иллюзорной степенью свободы, отвлекаясь лишь по самой крайней необходимости, когда от голода уже двоится в глазах, а в паху свело от резкой физиологической потребности…

Сколько людей кануло, утонуло в сети Интерстар, оставив после себя лишь заблудившиеся в виртуальной Вселенной фантомы?

Такой статистики не вел и не ведет никто.

Интерстар — это зона величайшей из свобод, и если отнять у него ту самую свободу, анонимность, дикую в реальном мире *необязанность*, то сеть потеряет свой смысл, превратится в скучный бюрократический бизнес-проект, приложение к реальным коммерческим линиям, не более.

Свобода — без границ.

Ответственности — практически никакой.

Инкогнито — сто процентов.

Была ли это та Вселенная, куда стремились люди?

Однозначного ответа на данный вопрос не знает никто. Одни скажут — да. Иные — нет.

И ни один, навек утонувший в недрах виртуальной Сети, оставивший там свое сознание, наверное, не всплывет, чтобы отдать свой голос той или иной партии сторонников.

Такова реальность сети Интерстар.

Таковы правила игры, в которую оказалось вовлеченным практически все Человечество.

Сеть Интерстар стала незаменимым атрибутом цивилизации. Она помогала людям общаться, работать, отдыхать, порой делая возможности безграничными, а пространство — бессмысленным.

Виртуальная среда не существовала сама по себе. Она отражала действительность, в одних случаях детально, скрупулезно, в иных — изображая ее хуже, мрачнее, но чаще всего реальность той или иной планеты оказывалась приукрашенной, манящей… ведь каждый из нас вкладывает в свою мечту чуть больше, чем имеет на самом деле.

Все это было понятно, объяснимо, но за всей феерией фантомных ощущений и чувств призраком маячил вопрос: могла ли сеть Интерстар влиять на саму Реальность?

Если да, то где, когда и каким образом?

Немногие *знающие*, к коим относил себя генерал Покровский, на первую часть вопроса ответят однозначно: да.

На вторую неопределенно пожмут плечами, вспоминая что-то свое, сокровенное.

На третью ответят:

— Как мы все влияем на жизнь? Самым грубым и непосредственным образом. Одни сажают цветы, а иные стараются растоптать едва оформленную клумбу. Одни пытаются украсить мир, сделать его чуть лучше, просто потому, что осознают: мы живем тут. А другие тут же стремятся уничтожить созданное по прихоти своей странной, иррациональной злобы, потому что, наверное, сами не умеют строить, постигать красоту и радоваться ей.

Эволюция людей в Галактике, экспансивное продвижение к звездам, расслоило человечество так резко, так контрастно, как не расслаивала ни одна экономическая или социальная революция.

Только в Интерстаре все равны, хотя и там, по едва уловимым, косвенным признакам зачастую можно понять, кто пришел сюда, чтобы созидать, а кто разрушать.

…Покровский сидел перед объемной сферой пространственного монитора и смотрел, как растет, выпрыгивая из общего пространства Сети, яркая точка.

Не верилось, что окончился долгий, беспрецедентный по своим масштабам поиск, и система наконец зацепила в Сети нечто, отвечающее заложенным в нее критериям.

В объеме монитора коротко полыхнула феерия красок: вход на центральный сервер планеты Дансия оказался оформлен ярко и безвкусно.

Дансия… Что могло оказаться общего у процветающего аграрного мира с той кашей, которую пытаются расхлебать они с Вадимом?

Андрей Георгиевич протянул руку, вытащил из подлокотника кресла шнур с разъемом нейрошунта и, отвернув за ухом лоскут искусственной

кожи, вставил переходник.

Виртуальная реальность разлилась вокруг калейдоскопом ранящих разум красок.

Система поиска не остановилась на входе, она потянула сознание Покровского дальше, вглубь, сквозь сияющую череду виртуальных канатов, с тем, чтобы спустя минуту оставить его перед вычурными металлическими воротами, на которых красовалась табличка:

«Добро пожаловать в реальности, созданные творцом виртуальных миров Джоем Скриммером. Вход бесплатный».

Нетерпение окатило Покровского горячей волной.

Он толкнул створку ворот и вошел…

…Перед ним был короткий отрезок настила, похожий на обломок моста, висящего над бездной.

Вокруг раскинулась панорама, собранная из трех различных пространств. Справа в бездонном мраке космоса медленно перемещались обломки космических кораблей. В центре мрак светлел, обретал багряные краски, и там, абсолютно узнаваемый, висел тускло-красный шар газового гиганта, вокруг которого обращались две планеты, одна пепельно-черная, клубящаяся нездоровой смоговой облачностью, а вторая зеленовато-фиолетовая.

Справа от Покровского, на фоне переливчатого сияния газопылевой туманности, плыла еще одна планета, лишенная воздуха, изъеденная кратерами метеоритных ударов…

На ее орбите висел серебристый, ощерившийся щетиной антенн шарик станции ГЧ.

Все абсолютно так, как запечатлела память Вадима.

Исключение составляло кладбище кораблей. Покровский повернул голову. Оно казалось ему совершенно чужеродным, да и мрак космоса, свободный от газово-пылевых скоплений, явно говорил о том, что этот участок вырван из иного пространства.

Не было «Альфы». Не было даже намека на Фагов и черные корабли-розы.

Мир вокруг казался статичным, застывшим, как стоп-кадр, вырванный из динамики фильма.

Это была заготовка, шаблон, но для чего он создан, почему отражает эту таинственную, мало кому известную реальность и каким образом он оказался выставлен на всеобщее обозрение, — все это предстояло выяснить, причем немедленно.

* * *

Джой Скриммер считался неплохим Творцом.

Конечно, это было мнение немногочисленных близких друзей, но он надеялся, что такое положение дел продлится недолго, тем более что внезапно подвалившая работа снова обещала ему неплохие деньги, а значит, и независимость, которая так необходима для полноценного творчества.

Иногда нужно переломить себя, стать на время простым ремесленником, чтобы приоткрыть себе дверь в будущее.

Раньше, когда сеть Интерстар еще не охватывала звезды, Джоя могли бы назвать художником, дизайнером, режиссером, теперь же емкий и точный термин «творец» вобрал в себя, поглотил с десяток архаичных терминов, означавших старые направления искусства.

Творец, и этим все было сказано.

Это слово точно отражало суть.

Человеческий разум в сочетании с мощными, быстрыми, точными машинами наконец обрел степень свободы настоящего Творца.

Однако, несмотря на кажущуюся простоту процесса, где рутинные действия выполняли программы компьютера, далеко не всякий мог творить виртуальные миры. Одного желания оказывалось мало. Для этого требовалось иметь взгляд художника, логику программиста, талант режиссера, а главное — внутреннюю чистоту, сопереживание тому, что получается в результате твоей творческой деятельности.

Испоганить уже созданное, сделать гримасу из улыбки, уродство из нежных черт достаточно легко, для этого хватит и грубой силы, желания потянуть так, чтобы окривело… Нелегко создать именно улыбку, именно нежные черты, и, что самое главное, — они необязательно будут нежными на первый взгляд, нет, но чем дольше смотришь на создание истинного Творца, тем больше ассоциаций рождается в голове, тем сильнее тебя охватывает чувство сопричастности, и эмоции сами выдают скрытую сущность образа, пусть даже она кроется под чем-то на первый взгляд непонятным, даже пугающим.

Будить в людях ответные чувства, заставлять работать абстрактное мышление — вот в чем талант настоящего Творца.

Джой был именно Творцом. Он чувствовал это.

А то, что заказали ему на сей раз, являлось шагом назад, непонятным перекосом чьей-то психики, но, как ни странно, заурядное ремесло оплачивалось намного лучше, чем искусство.

Наверное, потому, что заурядная вещь доступна многим, а вот глубокая, которую нужно проживать внутри себя, зачастую не всем?

На этот раз ему пришлось на время забыть о подобных вопросах.

Дел было по горло, что называется, невпроворот, и заказ какой-то странный — нечто среднее между личным бредом и сумасшедшим тренажером, бог знает для каких целей сконструированным.

В общем, это было кладбище космических кораблей, обломков, оставшихся висеть в пространстве после Первой… или Второй?.. Галактических войн.

«Слава богу, что тела прибраны», — подумалось Джою.

Несколько лет назад он уже выполнял подобные заказы Реальности, которые он создал тогда, не имели ничего общего с кладбищами старой техники, но заказчик был тот же самый. Сейчас заготовки тех лет, получившиеся, по мнению Джоя, вполне удачно, демонстрировались всем желающим на его личном сайте в Интерстаре. Туда же он несколько дней назад поместил и новую работу — так, для прикола, просто понравился контраст между красноватой туманностью и бездной чистого пространства. Обломки космических кораблей тоже неплохо смотрелись в соседстве с тусклым шаром газового гиганта. Коллаж получился яркий, впечатляющий…

…Он заканчивал очередной «мазок» к избранному для работы фрагменту вселенского апокалипсиса, когда его отвлекла негромкая, но настойчивая трель коммуникационного устройства.

— Дженифер, ответь… — не прерывая работы, приказал он. Трель вызова смолкла.

— Да? — раздался негромкий голос. — С вами разговаривает операционная система Джоя Скриммера. Он сейчас занят. Я произведу автоматическую запись сообщения.

— Эй, Джо, это я, Серж!

— Сэр, вы не уточнили, мне осуществлять за…

— Джеф, заткнись!.. Джо, я ведь знаю, ты дома!..

Скриммер вздохнул, медленно выдирая свой разум из иной реальности.

— Ну? — Он позволил себе откинуться на спинку кресла. Панорама бескрайнего космоса перед глазами чуть потускнела, отодвинулась, став при этом полупрозрачной, и сквозь толкущиеся в пространстве обломки космических кораблей медленно проступили более осязаемые контуры скромной меблировки его жилища.

Операционная система смолкла, уловив, что хозяин уже не находится

в виртуальной реальности.

— Слушай, Джо, тут такое дело… Понимаешь, ко мне вечером должна зайти одна девчонка… — Голос Сергея был сбивчивым и возбужденным. — Познакомились случайно, в общем, я наплел ей…

— Чего наплел? Говори короче. — Джой протянул руку, взял остывший кофе и сделал глоток.

Изображение, которое продолжало проецироваться на сетчатку его глаз, чуть подернулось рябью, помутнело, смазалось. Встроенный в биоинтерфейс подавитель помех барахлил уже не первый день. Доза кофеина, нарушившая биохимический баланс человеческого мозга, ему явно не понравилась.

— Ну… в общем, я сказал ей, что являюсь Творцом…

— И она купилась? — съехидничал Джой, уже разгадав, куда клонит друг.

— Ну, да… Обещала зайти вечером, посмотреть.

— А я при чем?

— Ну как… Ты же понимаешь, соврал, а у самого ничего нет…

— Своди ее в Сеть. Покажешь там что-нибудь. Скажешь, что твое.

— Ага… А вдруг она уже видела?

— А ты ей, наверное, наобещал эксклюзива, да?

— Ну, Джо!..

— Что Джо?! Мне не жалко, вот только нет ничего. Понимаешь, работа подвалила… Места занимает — ого сколько. Пришлось подчистить Дженифер, кое-что сдал на хранение, под ключом лежит. Часть информации просто стер.

— Фрайг… Как некстати… — огорчился Сергей. — Что мне теперь делать?.. Ну, может, у тебя есть хоть что-то? Над чем ты работаешь? — вдруг, как утопающий за соломинку, ухватился он за мелькнувшую мысль.

— Да ну… Это даже поделкой не назовешь… Какой-то бред на тему последствий войны.

— Да? А что там? — живо заинтересовал Сергей, и по его тону стало совершенно очевидно — нет, не отстанет.

— Я говорю тебе, бред. Космос. Кладбище мертвых, раскуроченных кораблей. Всякие обломки…

— И трупы, да? — горячо подхватил его мысль Сергей. — Такие окоченевшие, с растопыренными руками?..

— Нет, трупов нет. Их не заказывали.

— Хм… А почему? С трупами интереснее…

Джой ненадолго задумался, а потом ответил:

— Наверное, потому, что они все уже убраны. Помнишь последнюю акцию Аллорской Администрации? «Память» называлась? Тогда они, по-моему, убрали все тела с кладбищ кораблей.

— Ну так это же в реальности… — разочарованно напомнил Сергей. — Ну ладно, а еще что? — жадно спохватился он.

— Пустыня какая-то, — пожал плечами Джой. — Техника разная. И тоже корабли, старые, дырявые, только на этот раз полузарывшиеся в песке. Автоматы всякие ремонтные шляются.

— Но все работает, да? По этим реальностям можно ходить?

— Работать-то работает, — с сомнением протянул Джой, а потом мысленно махнул рукой — будь что будет. Все равно Серега не отстанет, да и парень он был неплохой, почему бы и не помочь? Пусть пудрит мозги своей знакомой, авось что и получится у него.

— Ладно… — вслух произнес он, вызвав шумный вздох облегчения на том конце связи. — Знаешь что? Посылать я тебе ничего не буду, ты приводи свою девчонку сюда. Я настрою Дженифер, она тебя впустит, покажет, что надо, даже «хозяином» пару раз назовет. Только учти, реальности «сыроватые», так что за возможные сбои не отвечаю.

— Да по фигу!.. — обрадовался Сергей. — Сырые еще круче пойдут!

Скриммер мысленно усмехнулся, но комментировать вслух не стал. Вечно Серега во что-нибудь встрянет… Покоритель женских сердец.

— Только учти, никакого бардака и секса! Понял? — насмешливо спросил он, осторожно вынимая разъем из имплантированного в правую височную область гнезда биоинтерфейса. Кладбище древних кораблей, все это время маячившее перед «внутренним взором», исчезло, словно растворившись в душном воздухе прокуренной комнаты.

На экране внешней связи, вмонтированном в компьютерный терминал, лицо Сергея Изотова расплылось в улыбке.

— Да понял я! Не дурак ведь.

— Тогда давай условимся так — придешь через час, все будет в ажуре. — Джой протянул руку, коснулся сенсорной клавиатуры, набрал команду. — Можешь не стесняться, — чувствуя, как после отключения биоинтерфейса наваливается черная усталость, произнес он, — я пойду прогуляюсь.

— Спасибо, Джо, выручил! Я тебе потом…

— Ладно, не суетись, — махнул рукой Скриммер. Сейчас ему хотелось только одного, чтобы лицо Сергея поскорее сгинуло с экрана, оставив его наедине с собой. Усталость после нескольких часов работы казалась черной стеной, которая грозит вот-вот обрушиться и похоронить

под собой все без остатка — и мысли, и чувства, и рассудок…

Сергей говорил еще что-то, но Джой уже не слушал его — махнув рукой, — мол, извини, хреново себя чувствую, — он откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и сказал:

— Дженифер, отбой…

Джеф была хорошим представителем семейства «очеловеченных» операционных систем. Она воспринимала голосовой ряд не хуже, чем набранную в командной строке последовательность. Сухо щелкнул статикой, отключаясь, прибор коммуникации, огни на терминале потемнели — одни погасли совсем, иные налились сочными цветами резерва.

Скриммер протянул руку, нашарил сигареты, прикурил. Первая затяжка показалась горькой до тошноты. Немного кружилась голова, перед закрытыми глазами, как обычно, плавали какие-то смутные образы осколки той реальности, которую только что покинул.

Не любил он подобных проектов — хоть тресни. Мозг Джоя не находил в них ничего сложного, но и притягательного, пленяющего воображение — тоже. После работы усталость была не приятной, а какой-то чугунной, давящей. От разбросанных в космосе обломков кораблей исходило ощущение законченной, трагичной безысходности. Что странно, пустынные пейзажи с деловитыми, снующими туда-сюда, ползающими по обшивке кораблей механизмами имели ту же самую эмоциональную тональность. С той лишь разницей, что она теряла угрюмую окончательность и становилась похожа на что-то запретное, нехорошее, будто разрытая грабителями могила.

«Устал… Просто устал… Зачухался…»

Забытая сигарета дотлела до пальцев, обожгла их.

Джой открыл глаза, кинул окурок в пепельницу и посмотрел на часы.

Таймер весело указывал, что уже за полночь.

Усталость не отпускала, она лишь стала глуше, убралась куда-то внутрь разума. Поднявшись с кресла, он подошел к окну, отдернул плотную штору (окно было завешено, чтобы не бликовали экраны), толкнул раму.

Ночь ворвалась в комнату, проскользнув внутрь холодным языком влажного воздуха, омыла лицо, заклубилась, столкнувшись с теплым, прокуренным квартирным смогом, где застарелый запах табака смешивался со специфическими флюидами аппаратуры.

Джой посмотрел на уплывающие вдаль, змеящиеся по ущельям улиц огни, и ему вдруг нестерпимо захотелось туда — в эту влажную, моросящую сырую муть…

— Джеф, я ухожу, — негромко произнес он. — Утренний таймер отмени. На работу не нужно, завтра выходной, потом отпуск. Закажи продукты, стандартный набор. Звонки записывай.

На терминале понятливо заморгал индикатор. Система восприняла команды и теперь записывала их в планировщик заданий.

* * *

На улице действительно шел дождь. Климат-контроль работал с точностью, по которой вполне можно было сверять часы. Ночью город умывался. Днем же, наоборот, будет тепло, небо останется ясным, лишь поутру в провалах между многоэтажными зданиями станет куриться пар, расплываясь робкими полосками тумана, но их быстро всосут в себя зарешеченные зевы городской вентиляции. Природа подчинилась людям, и теперь дождь шел только по ночам.

Джой остановил лифт на десятом уровне, вышел из здания на влажный тротуар, по краю которого были высажены неприхотливые городские кустарники. Кроме них, широкую пешеходную полосу, вьющуюся вдоль фасадов зданий, отделяли от пропасти-улицы еще и система охранной сигнализации да метровые перила, столбики и перекладины которых замаскировала умытая дождем зелень, так что упасть вниз по рассеянности было бы довольно трудно.

В этот час пешеходов и машин на улицах было мало, в непривычной для слуха городской тишине отчетливо слышались звуки, кажущиеся чуть ли не экзотичными, — вот мягко прошуршал статикой вагончик магнитного монорельса, процокали по покрытию улицы чьи-то каблучки, на неопределенной высоте открылось вдруг окно, и оттуда в тишину выплеснулись неразборчивые возбужденные голоса, чей-то смех…

Джой неторопливо шел, дыша полной грудью. Время для своей прогулки он выбрал удачное — в период, когда над городом, шел дождь, движение замирало. Водителям не рекомендовалось летать в непогоду, так что на два часа таинственная тишина и влажный сумрак окутывали чудовищный мегаполис, и эту хрупкую, искусственную тишину нарушали лишь непривычные слуху городского жителя шумы.

Скриммер знал, пройдет еще час, кончится дождь, и город снова оживет, засияет огнями, запульсирует в бешеном фейерверке голографических реклам, его улицы зальет мертвенно-белый свет, тысячи аэромобилей воспарят со своих стоянок, и этот гвалт будет продолжаться до самого утра, пока не станет всходить солнце. Тогда огромный человеческий муравейник снова затихнет, но ненадолго — ночные его

обитатели исчезнут, а тем, кому с утра на работу, придут им на смену, хлынут на улицы новым потоком машин и лиц.

Через полчаса Джой почувствовал, что замерз.

Он был истинным городским жителем, таким, у кого от долгого пребывания на свежем воздухе начинает кружиться голова. Медики давно придумали этому явлению свое название. Они объясняли его тем, что человеческий организм на протяжении многих поколений приспосабливался к урбанистической среде обитания. В городах, чьи дома подпирают небеса, а население исчисляется миллиардами, как ни бейся, но нормальной экологии не получишь.

Процент кислорода тут ниже, доля вредных примесей выше, химический состав воздуха изменен. Издали любой мегаполис кажется ступенчатой горой, которую окружает зыбкое полупрозрачное марево.

Сейчас, когда идет дождь, город на два часа превращается в исполинский насос — из-за разницы температур вследствие наступившей прохлады он начинает выкачивать воздушные массы из окрестностей, в то время как его воздух, отравленный дневной жизнедеятельностью, жадно всасывают исполинские заборники, расположенные где-то в недрах цокольного этажа. Этот отработанный воздух по специальным тоннелям отводится прочь, за сотни километров от городской черты, в районы гидропонических ферм, чьи опять-таки жадные до площади, а потому многоэтажные сооружения способны очистить его и обогатить кислородом в процессе естественного фотосинтеза растений…

…Почувствовав холод и перестав получать удовольствие от прогулки, Джой свернул к одному из ресторанчиков, чьи двери были открыты для посетителей даже в этот глухой предрассветный час.

В зале было тихо, тепло, уютно и пусто.

Столики располагались по кругу, окольцовывая внушительных размеров полусферу голографического интервизора. В ее призрачном объеме шла какая-то сцена из фильма, войдя с улицы, было трудно понять, что к чему, да Джой и не старался этого сделать, получасовая прогулка под моросящим дождем не только освежила голову, выгнала из нее свинцовую дурь усталости, но и возбудила аппетит, так что он не задумываясь прошел к одному из столиков, уселся, машинально приложив большой палец правой руки к окошку сканера, и, дождавшись появления меню, стал придирчиво читать доступные на этот час пункты, изредка касаясь пальцем начала понравившихся строк.

Ресторан был автоматизирован. Через пару минут в нише, которой оканчивалась пневматическая труба линии раздачи, раздалось шипение и

оттуда выскользнул прозрачный полуцилиндр.

Джой пододвинул его к себе, открыл, машинально отметив, что фильм, идущий по интервизору, был прерван выпуском новостей.

Он не успел притронуться к еде.

Кто-то из немногочисленных посетителей заинтересовался выпуском новостей и прибавил громкость.

— …чрезвычайное происшествие на восемьдесят седьмом уровне сектора А-4. — Слух Скриммера резанул знакомый адрес: он снимал квартиру на 87-А-4…

Подняв голову, он посмотрел на изображение, и вилка в его руке вдруг дрогнула, глухо стукнув о край тарелки.

— Нам удалось первыми попасть на место трагедии, — деловито сообщил голос из-за кадра, в то время как изображение двигалось, смещалось, показывая знакомые Джою повороты лестничных маршей.

Пятна крови, выглядевшие, словно кляксы от пролитого кетчупа, тянулись по полу, их становилось все больше, больше…

Джой совершенно растерялся, не знал, что ему делать, как реагировать на этот внезапный, совершенно дикий, с его точки зрения, репортаж, в котором показывали *его* подъезд…

Это оцепенение продолжалось до того момента, пока в фокусе видеоизображения не появились чьи-то вывернутые под неестественным углом ноги… наплывающая камера двинулась дальше, укрупняя план съемки, и он внутренне похолодел, с трудом узнав в окровавленном, искаженном агонией лице мертвого человека черты Сергея Изотова…

Камера переместилась, двигаясь вдоль испятнанного кровью пола, ко второму телу.

Джой с трудом поборол в себе инстинктивное желание зажмуриться, сморгнуть — все это обрушилось на него внезапно и выглядело так дико, жестоко, неестественно, что не укладывалось в голове…

— Обе жертвы были застрелены выстрелами в упор из импульсного оружия, — сообщил голос из-за кадра, в то время как камера уже ползла вдоль второго тела, показывая стройные женские ноги в порванных чулках…

Джой все же зажмурился, машинально сглотнув.

— …добиты контрольными выстрелами в затылок, что сразу наталкивает на мысль о заказном характере убийства. По свидетельству соседей, убитый Джой Скриммер являлся обыкновенным служащим страховой компании. О женщине на этот час нет никаких достоверных сведений. Дверь квартиры убитого была открыта. Давайте послушаем, как

прокомментирует ситуацию руководитель выездной оперативной бригады отдела по расследованию убийств лейтенант Дорриган.

Джой ощутил внезапную тошноту.

Оттолкнув тарелку, он хотел встать из-за стола, но слова офицера полиции заставили его осесть назад на стул:

— Предположительно преступников было двое. Видимо, они проникли в квартиру обычным путем, по некоторым признакам можно понять, что хозяин сам впустил их, после чего те стали что-то от него требовать, угрожая немедленной расправой над женщиной. Соседи, вызвавшие полицию, слышали доносившиеся из-за стены громкие голоса…

Джой слушал этот ровный, равнодушный, профессиональный голос, а внутри все протестовало — уж кому, как не ему, было знать, Серега не мог просто так влипнуть в какую-нибудь криминальную историю, разве что случайно зацепил не ту подругу…

— …удалось вырваться и выскочить в коридор жилого уровня, — тем временем продолжал излагать лейтенант, — преступники вели огонь из дверей квартиры, после чего спокойно вернулись, исключительно за тем, чтобы изъять жесткие диски домашнего компьютера. Исчезли также и все иные носители информации. Контрольные выстрелы в головы жертв были произведены в тот момент, когда неизвестные, которым удалось скрыться до приезда полиции, покидали здание…

Кадр в сфере интервизора сменился, там появилось изображение целующейся парочки, Джой с большим трудом понял, что это не продолжение репортажа, а обычная рекламная вставка.

Оглушенный, он сидел за столом, совершенно утратив связь с реальностью. Сказать, что короткий репортаж потряс его, — значит, не сказать ничего.

«Серега… Как же так? Как это могло произойти?! Что им было нужно в моей квартире?!»

Словно сомнамбула, он встал из-за столика и пошел к выходу. Оказавшись за дверями ресторана, Джой остановился, наконец осознав, что уже находится на улице. Вид у него был такой, что редкие прохожие машинально сторонились, не понимая — не то парень напился, не то наглотался какой-то дряни. Чего, спрашивается, стоит тут весь бледный, перекошенный, встрепанный, озираясь по сторонам так, словно в первый раз увидел город?

Поймав на себе такой недоуменный, недоброжелательный взгляд, он поспешно отошел в сторону, к перилам ограждения, где среди жиденьких

желто-зеленых кустов прятались редкие скамейки.

Сев на одну из них, он дрожащими пальцами достал сигарету, прикурил, не чувствуя вкуса дыма, несколько раз машинально затянулся.

Мысль о том, что Сереги нет, что друг только что был застрелен на пороге его квартиры, по-прежнему не хотела укладываться в голове.

Встав ее скамейки, он медленно побрел прочь.

Скриммеру вдруг стало страшно. Что теперь делать? Бежать в полицию? А что он им скажет?

Город, отношение к которому у Джоя всегда было равнодушным, спокойным, вдруг показал свою оборотную сторону: оказывается, он мог быть и иным — темным, враждебным, пугающим, угрюмым…

«Зачем они забрались ко мне? Что им было нужно?»

Джой остановился. До него внезапно дошло: его компьютер, судя по словам того лейтенанта, выпотрошен, превращен в гору мертвого железа, вся информация, а вместе с ней и реальности, над которыми он работал, — все исчезло.

И на месте Сереги, по всем раскладам, должен был оказаться он.

«Нет…» — невольно озираясь, подумал Джой. — «Это всего лишь случайность… совпадение…»

Он вдруг вспомнил слова лейтенанта о заказном характере убийства…

«Да кому я нужен-то?!» — шарахнулась в голове одинокая, паническая мысль.

С другой стороны, выполняемая им работа с самого начала показалась Джою странной. Он даже хотел отказаться от нее, не найдя в замысле ничего интересного для себя, и вот теперь впервые серьезно пожалел, что желание заработать все-таки сумело пересилить в нем интуитивное неприятие сюжета.

Деньги… Слишком большие деньги, которые изначально были предложены ему за работу, — вот что настораживало, смущало… Но ведь ему исправно заплатили за прошлые реальности несколько лет назад!

Джой стоял у низкого ограждения тротуара. Его руки тряслись, сигарета, зажатая в побелевших пальцах, мелко дрожала.

Он не понимал, что уже находится недалеко от дома.

* * *

Несколько часов он бессмысленно кружил по городу, не решаясь подойти к собственному жилищу, у подъезда которого все еще сверкали проблесковые маячки полицейских машин.

Джой никогда не имел дела ни с полицией, ни с криминалом — он

жил в своем мире фантомных образов и до последнего часа не представлял, что жизнь со всеми ее реалиями может так грубо, нагло вломиться к нему…

«Господи, я же никому не причинял зла…»

Он вдруг понял, что на самом деле вовсе не так твердо стоит на ногах, как это ему казалось. Одним махом у него отняли все: и фантомную сеть, и его миры, и надежду на будущее, потому что заработанные деньги он исправно вкладывал в домашний компьютер и создаваемые на нем реальности.

Теперь он был нищим, на пороге его квартиры лежал застреленный друг и…

Джой сел на скамейку, уронив голову.

Внезапно с противоположной стороны улицы к нему направился пожилой хорошо одетый мужчина, уже несколько минут пристально наблюдавший за молодым парнем.

Джой сидел, опустив голову, вполоборота к нему. Он вздрогнул всем телом, когда чья-то рука мягко взяла его за локоть.

— Что?! Что вам от меня нужно?! — попытавшись вырваться, вскрикнул он.

— Спокойно… — негромко произнес незнакомец. — Нам необходимо поговорить.

— Кто вы такой?

— Друг. Я, к сожалению, опоздал, но рад, что вы остались живы, господин Скриммер. Люди, посланные за вами, по ошибке устранили другого.

— Откуда… Откуда вы знаете? — голос Джоя был прерывистым, глаза расширились.

Незнакомец не стал отвечать на этот вопрос. Он лишь кивнул в сторону множества проблесковых маячков полицейских флайеров, которые окружили дом Джоя.

— Вы готовы познакомиться с этими господами?

Джой посмотрел в указанном направлении и вдруг понял: нет, ему совершенно не хочется давать пояснения полиции. Что он сможет им сказать?!

Не покривив душой, он отрицательно мотнул головой.

— Тогда думаю, что смогу вам помочь, господин Скриммер. Вы попали в опасную историю, но я помогу вам выпутаться в обмен на некоторое сотрудничество.

Джой обреченно посмотрел на него, вдруг отчетливо осознав: *его жизнь была сломана…* Все пропало, полетело к черту в этот роковой вечер,

и у него, по сути, не осталось ни шансов, ни средств… ничего.

* * *

Глядя на трясущиеся губы молодого человека, Покровский и сам не до конца понимал, что на самом деле произошло этой прохладной дождливой ночью на Дансии.

Он прилетел накануне вечером, собираясь встретиться с этим парнем, выяснить, для кого он изготавливал виртуальные реальности.

Столкнувшись у подъезда искомого дома с нарядами полиции, он понял, что какая-то сила работает в том же направлении, опережая его даже не на шаг, а намного больше…

Именно в эти минуты, глядя на дрожащие губы виртуального Творца, Покровский поймал себя на мысли, что в его голове упрямо вертятся два слова, которые будут переданы им Вадиму спустя несколько часов:

«Форс-мажор».

Глава 12

Вадим вошел в комнату, где за столом сидели Рорих и маленький мутант.

Эрни указал взглядом на пустующий стул:

— Садись.

Ваби все еще настороженно относился к гостю, провожая его цепким взглядом красноватых выпученных глаз. Вадим сел.

— Ну, как сам, рассказывай. — Эрни подцепил вилкой кусок мяса, отправил в рот и принялся жевать. — Я ведь здорово тогда горевал по тебе… сержант.

— Взрывом контузило, — ответил Полуэктов. — Провалялся сутки, пока не подошла орбитальная поддержка. Хорошо хоть не роботов спустили, те, сам знаешь, швыряют в душегубку всех подряд. Ребята сообразили, что еще дышу, выволокли. Крови много потерял, осколком по пояснице полоснуло.

Рорих кивнул.

— А мы тогда этих козлов хорошо покрошили. — Он протянул руку, взял графин и два бокала. — Башку мне уже потом продырявило, пошел, дурак, в корпоративные войска.

— Это на Окраине?

— Ага, сектор Аллора. В «Генезисе» десять лет, потом вот — срубило полморды, получил протез, выходное пособие, все как положено. — Рорих говорил спокойно, без эмоций, но, глядя на него, трудно было поверить, что половина искусственного лица с мини-камерой вместо глаза дались ему так же легко, непринужденно, как он рассказывал об этом. — Дурак был, теперь вот поумнел… — Он усмехнулся своей жуткой полуулыбкой, поднял бокал, качнул им в сторону Вадима. — Давай…

Выпили молча. Каждый в эти секунды думал о своем. Ваби, не принимавший участия ни в разговоре, ни в употреблении спиртного, ел, переводя взгляд с Рориха на Вадима и обратно

— А сюда как? — осторожно поинтересовался Вадим, когда жгучий ком спиртного провалился в желудок.

— Судьба… — философски хмыкнул Эрни. — Так… повздорил с бывшими боссами по «Генезису», теперь вот приходится обретаться на «вражеской территории».

В голове Вадима после этих ничего особо не значащих слов словно

сработал мини-переключатель: определенная информация, выхваченная из фрагментов беседы, вдруг сложилась в достаточно четкую картинку некоторого понимания.

Он покосился на Ваби.

Мутант с Везелвула. Однозначно. Дальше мысль поскакала галопом, складывая факты. Везелвул — большая радиоактивная помойка под пятой корпорации «Генезис» — одного из экономических монстров Окраины. По роду своей работы Вадим был знаком с секретными оперативными сводками. В ведомстве Покровского всегда владели самыми последними и максимально проверенными данными. Галактические события просеивались, отбирались наиболее важные, и их суть всегда доводилась до офицеров. Неизвестно, где и в каких обстоятельствах окажется завтра тот или иной оперативник, — так приблизительно рассуждал Андрей Георгиевич, и ориентироваться в самом свежем раскладе раздирающих обитаемую Галактику законных и незаконных сил каждый из них попросту был *обязан*.

Последняя информация, касавшаяся Везелвула, показалась в свое время Вадиму не очень-то правдоподобной — там произошли накладки, связанные с посещением планеты комиссией по правам Разумных Существ, и «Генезис», осуществлявший разработку радиоактивной свалки руками заключенных, спешно попытался «зачистить» планету от всех следов своей деятельности, послав туда боевой крейсер.

Корабль пропал. На уровне разведок проскочила показавшаяся Вадиму совершенно фантастической информация о том, что поперек горла боевому крейсеру корпорации встала группа калек, ветеранов корпоративных войн, с борта старого транспортного корабля, чьи передатчики приняли посланный гибнущими на Везелвуле людьми сигнал «SOS».

Сейчас, глядя на Рориха и сидящего за столом маленького мутанта, он не мог не изменить своего отношения к той сводке.

Да, Эрни можно было отнести к той категории людей, кто умел поворачивать безнадежные ситуации в свою пользу, это Полуэктов помнил очень хорошо.

Теперь становилось понятно, почему Рорих сидит тут, на Ганио, планете, каждый дюйм которой должен быть ненавистен ему также, как и Вадиму.

«Форс-мажор…» — припомнил он сообщение, оставленное ему Покровским. Надо срочно выбираться отсюда, как только пройдет канал гиперсферной частоты… Нужен корабль, и неплохо бы иметь надежный

ствол… Об этом следовало подумать…

— Вас, по-моему, было пятеро… против целого крейсера? — поставив бокал, спросил Вадим.

Эрни даже не вздрогнул, только видеокамера, установленная в глазнице, едва слышно взвизгнула, поворачиваясь в сторону Полуэктова.

Несколько секунд Рорих смотрел на него, а потом ответил.

— Семеро… включая собаку.

— А остальные? — Вадим красноречиво указал взглядом на Ваби.

— Кто где… — пожал плечами Рорих. — Нас тоже покрошило неплохо… Не все вернулись. А у тебя какой интерес?

Вадим понял, что играть с Эрни и бессмысленно, и несправедливо.

— Выбраться мне надо отсюда. Пошел Форс-мажор.

— Ганианцы?

Вадим кивнул.

— У меня есть и деньги, и полномочия, все, что хочешь. Нет времени и «спины».

— На кого работать? — прищурился здоровым глазом Эрни.

— ЗБ.

Рорих одобрительно кивнул. Еще утром, встретив Вадима и внезапно осознав, что тот лишь маскируется под нищего, он почувствовал, что его рутинное прозябание на Ганио вот-вот окончится. Встреча с другом была как знак. Посмотрев на Ваби, он вдруг толкнул мутанта локтем и спросил:

— Помнишь то слово, что я просил тебя выучить?

Карлик кивнул.

— Повтори.

— Тер-пи-мость… — по слогам произнес тот, перестав жевать и непонимающе уставившись на своего воспитателя.

— Забудь его.

Обернувшись к Вадиму, Рорих весело блеснул искусственным глазом и заявил:

— Рад, что мы встретились, Вадим. Честно говоря, я уже устал изображать из себя почитателя местных традиций. Во куда наперло… — он чиркнул ребром ладони по горлу и добавил:

— Хочется иногда… понищенствовать.

* * *

Ближайшие три часа показали, насколько прав был генерал Покровский в интуитивном определении ситуации.

Вадим понятия не имел, где сейчас Андрей Георгиевич, что он делает,

Полуэктову была известна лишь условленная для данного пароля точка встречи, но, прежде чем выбираться с Ганио, он должен был дождаться результатов работы своего прибора.

Они не заставили себя долго ждать.

Спустя час терминал сетевого компьютера издал долгую тревожную трель. Это заработал канал Гиперсферной Частоты, передавая в гостиничный номер изображение, снятое, вероятно, за сотни световых лет от Ганио.

* * *

Два космических корабля медленно сближались, осторожно маневрируя двигателями ориентации.

Вспышки корректирующих дюз на какие-то мгновения освещали их броню, создавая стробоскопический эффект и не позволяя рассмотреть даже малого фрагмента величественно плывущих навстречу друг другу конструкций.

Вокруг расплескалась бескрайняя чернота. Звезды отсюда казались далекими колючими точками, рассеянными в невообразимой дали. Окружающий космос выглядел бездонным…

— Как это получается? — Рорих не смог скрыть своего изумления. — Это ведь черт знает где!..

Вадим, не отрывая взгляда от изображения, кивнул.

— Да, похоже, где-то на краю Галактики… — согласился он. — Работает выделенный канал Гиперсферной Частоты, связанный с локатором звуковых волн, — спустя несколько секунд добавил Полуэктов. — Прибор прикреплен к обшивке корабля. Он испускает высокочастотные колебания, заставляющие весь корабль, каждый его атом «звучать». Все вибрации снимаются прибором, потом запись обрабатывается микролазером. В результате получается объемное изображение каждого отсека в сопровождении реальных звуковых шумов. Каждый отсек можно рассматривать в отдельности, поворачивать под разными углами, при желании есть возможность заглянуть даже в открытый ящик какого-нибудь стола.

— Неплохо.

— Прибор изобретен еще в двадцатом веке. Современные технологии только сделали его микроскопическим и очень надежным.

— А связь?

— Я же сказал, работает выделенный канал Гиперсферной Частоты, — повторил Вадим.

Рорих предпочел промолчать.

Представив, какие суммы за столь неординарную внепространственную связь выкачиваются сейчас со счетов, он понял — смертельная игра, в которую он только что вступил, идет не на деньги.

…В ходовых рубках кораблей наблюдалась в этот момент схожая картина: ни одного человека за пультами — все управление как с одной, так и с другой стороны осуществляла автоматика.

Компьютерные консоли перед пустыми креслами деловито перемигивались огнями. Показания зеленоватых окошек радаров, расположенных на терминалах слежения, полностью подтверждали мысль об абсолютной заброшенности данного участка космического пространства как в плане человеческой деятельности, так и в смысле наличия естественных, природных объектов.

Излучение поисковых систем бессильно тонуло в пустоте, не находя в радиусе миллионов километров от точки рандеву ни единого материального тела.

Корабли сближались очень медленно. Они были чем-то похожи друг на друга: оба обтекаемой эллипсоидной формы, темные, без огней навигации и габаритной подсветки — зловещие сгустки материи, таинственные и внушающие вполне понятную оторопь…

Управляющим машинам не был нужен свет. На контрольных мониторах обеих рубок в тонкой паутине координат медленно рос стыковочный узел корабля-оппонента. Бортовые компьютеры прекрасно видели и понимали друг друга, поддерживая неуловимый для человеческого восприятия диалог, протекающий на уровне взаимной телеметрии данных.

…Когда расстояние между двумя темными эллипсоидными глыбами сократилось до нескольких сот метров, по команде навигационных систем заработали реактивные двигатели окончательного торможения и вырвавшийся из их сопел огонь на некоторое время осветил броню готовых соприкоснуться кораблей.

В этом ярком, пронзительном свете стали ясно различимы детали конструкций, и теперь можно было понять, что корабли действительно похожи, но далеко не равнозначны.

Оба имели форму вытянутого, неправильного диска диаметром в несколько сот метров, но если броня одного отливала черным лоском недавно реставрированного покрытия, то обшивка второго, наоборот, казалась старой и ноздреватой, как пригретый солнцем мартовский снег, на поверхности которого проступают черные разводы вытаявшей грязи.

Разнились они и в деталях.

Первый корабль казался изящным, полностью обтекаемым. Взгляд скользил по его темной обшивке, с трудом угадывая на ее фоне плавные выступы орудийных портов, углубления диафрагменных люков, предназначенных для подачи в космос каких-то механизмов, — все это было наглухо закрыто, заботливо завуалировано, и лишь на вершине дискообразного корпуса топорщились антенны работающей в данный момент локационной системы.

Второй корабль выглядел более примитивно и одновременно более угрожающе.

Его надстройки казались менее обтекаемыми, они рельефно выпирали наружу, и оттого их истинное предназначение не вызывало никаких сомнений: поперек диска тянулась цепочка покатых орудийных башен, между которыми зловеще выделялись сомкнутые створы электромагнитных катапульт, предназначенных для запуска в космос истребителей поддержки…

…Сияние дюз внезапно истончилось, погасло, и вместе с этим исчезла разница в деталях внешней обшивки. Оба корабля вновь стали темными и безликими.

Их стыковочные узлы соприкоснулись, легкая судорога касания пробежала по исполинским корпусам, в беззвучии вакуума медленно выдвинулись контактные пилоны, срослись, сцепившись электромагнитами удержания, и на несколько секунд всякое движение прекратилось, будто два корабля приноравливались друг к другу, свыкались с временным союзом, прежде чем в соединившей их шлюзовой конструкции раздастся шипение сжатого воздуха и откроются люки.

* * *

Спустя несколько минут после стыковки, когда стихло завывание сирен, по трапам второго корабля прогрохотали шаги. Людей было семеро.

Первым шел высокий, сухопарый, смуглый ганианец средних лет, одетый в полевую военную форму, без знаков различия и планетной принадлежности. Черты его лица не могли не притягивать взгляд. Маленькие глаза, глубоко посаженные под бровями, черные, чуть подернутые желтоватой поволокой зрачки вкупе с едва заметной горбинкой носа создавали ощущение чего-то хищного, отталкивающего, отдающего привкусом осознанной жестокости. Этот человек явно не пребывал в плену иллюзий, он понимал, что, как и зачем делает. Жесткая линия плотно сжатых губ только дополняла это ощущение, а стоило ему усмехнуться в

ответ каким-то своим мыслям, как эта полуулыбка, больше похожая на своего рода *оскал*, завершала облик ганианца, придавая ему недостающий штрих, от которого собеседнику всегда хотелось отвернуться, отвести свой взгляд в сторону…

В этом не было ничего странного, учитывая то, что Хаким Аль Максуд был больше известен на Ганио под кличкой Бешеный.

Вслед за ним, соблюдая некоторую дистанцию, двигались еще шестеро представителей этой неприветливой планеты. Их расовую принадлежность можно было с легкостью определить по темно-коричневому оттенку кожи, такой отпечаток на гены любого коренного ганианца накладывала звезда их родной системы — яростный Халиф, сияющий в небесах Ганио, как горячечный шар пронзительно-голубого цвета.

Поднявшись на предшлюзовую площадку, Хаким остановился, машинально похлопывая себя по бедру забранным в чехол нейросенсорным хлыстом, который заканчивался охватывающей запястье петлей. Он явно нервничал в ожидании предстоящей встречи, и по его лицу, искажая черты, то и дело пробегала зловещая полуулыбка.

За спиной Аль Максуда, соблюдая прежнюю дистанцию в несколько шагов, остановилась его охрана. Эти люди вели себя более раскованно и непринужденно, чем их лидер. В их позах, жестах, негромком разговоре отсутствовало само понятие «дисциплина». Просто группа уверенных в себе вооруженных людей. Лица ганианцев на первый взгляд могли показаться одинаковыми, но на самом деле это была лишь иллюзия, ложное впечатление, которое тут же растворялось под внимательным взглядом.

Они были такими же разными, как представители любой другой расы, просто ганианцы редко селились на чужих мирах, и потому человеку стороннему нужно было некоторое время, чтобы научиться видеть эту разницу черт.

Единственное, что действительно объединяло между собой шестерых сопровождающих и одновременно разительно отличало их от предводителя, — это выражение откровенной скуки на лицах. Они не находили в начавшемся рандеву ничего необычного, экстраординарного, и заботы Хакима, отражавшиеся в его напряженной мимике, явно не напрягали их.

Им было достаточно знать, что они следуют праведным путем всемилостивого Шииста и что на их счетах в банках Ганио копятся деньги.

Остальное было проблемами Аль Максуда.

* * *

После нескольких минут ожидания, в течение которых Хаким успел дважды измерить длину предшлюзовой площадки неторопливым, но напряженным шагом, на контрольной панели, расположенной подле внутреннего люка, один за другим начали загораться сигналы, оповещающие о смене давления в переходных камерах.

Заглушая негромкое постукивание хлыста о бедро Максуда, зашипела пневматика, внутренний люк вздрогнул и начал медленно отползать в сторону, исчезая в толстой переборке шлюза.

Яркий свет из переходной камеры упал на рифленую поверхность пола. Хаким досадливо прищурился, его охрана мигом позабыла о непринужденных позах — бойцы подтянулись, напряженно и недоброжелательно разглядывая открывшийся проем.

В глубине шлюза показались три фигуры.

Эти люди явно представляли одну из «цивилизованных» планет. Впереди шел низкорослый, лысеющий человек в сером деловом костюме. Его лицо лоснилось от пота, шаг был мелким, торопливым, но тут сказывалась не врожденная суетливость, а низкий рост незнакомца и его желание побыстрее преодолеть шлюз, который был залит неприятным, резким дезинфицирующим светом.

По бокам от него двигались двое высоких парней спортивного телосложения. Их шаг был уверенным, глаза внимательными, строгие костюмы темного цвета подчеркивали некую официальную сухость визита…

В иной обстановке их вполне можно было бы принять за помощников какого-либо высокопоставленного дипломатического лица, но сейчас они не собирались скрывать своей истинной роли: оба держали в руках автоматические импульсные пистолеты системы «Гюрза» — оружие профессиональных телохранителей и наемных убийц.

Один из них первым ступил на шлюзовую площадку чужого корабля. Все происходило в полнейшей тишине. Телохранитель цепко обежал глазами замкнутое переборками пространство и так же молча отступил в сторону.

Это действо все больше напоминало встречу враждующих сторон, чем начало деловых переговоров.

— Здравствуй, Хаким. — Голос низкорослого человека оказался неожиданно приветливым, едва ли не радушным. Если он играл, то очень искусно. В отличие от сухопарого, жилистого ганианца Андрей Генрихович

Гамаюнов на первый взгляд производил впечатление человека мягкого. Он был невысок ростом, седой и в свои пятьдесят уже успел отрастить изрядное брюшко.

— Здравствуй, Андрэй! — Аль Максуд сделал шаг навстречу гостю, пожав его влажную ладонь двумя руками, при этом его хлыст повис на запястье, удерживаемый петлей. Хакиму пришлось слегка наклониться, совершая рукопожатие, но этот унизительный жест не смутил ганианца.

Выпрямившись, он отпустил руку Гамаюнова и тут же безо всякого видимого перехода спросил, чуть коверкая произношение интеранглийских слов:

— Ты привэз груз?

Лысеющий бизнесмен, к облегчению Хакима, утвердительно кивнул:

— Все в порядке. Не беспокойся. — Он поднял голову и снизу вверх посмотрел на ганианца. При этом в его глазах блеснули и погасли веселые чертики. — Будешь осматривать?

Хаким колебался долю секунды.

— Да. Я пасмотру, — прищурившись, ответил он.

— Отлично. — Гамаюнов щелкнул пальцами. — Павел, проводи гостей.

Хаким обернулся.

— Анвар, проверь, — приказал он на ганианском.

* * *

— Чем они торгуют? Наркотики? Рабы?

— Нет, — отрицательно качнул головой Вадим, ощущая, как копится, растет внутреннее напряжение. — Смотри…

Рорих повернулся к экрану, на который продолжало проецироваться изображение, но теперь уже не одного, а двух кораблей. Вадим манипулировал картинкой, стараясь скользить вслед за интересующими его в данный момент действующими лицами, переключаясь с одной мизансцены на другую.

Покосившись на терминал, Рорих понял, что система одновременно ведет запись *всей* получаемой информации о двух сцепившихся кораблях. Диск-кристалл без устали моргал индикатором приема данных.

Два главных действующих лица, передвигавшихся в окружении свиты телохранителей, пересекли ярко освещенное пространство шлюза и оказались на схожей площадке второго корабля.

Гамаюнов шел, не оглядываясь. Хаким нарочито замедлил шаг, чтобы не опережать хозяина корабля, на борт которого они только что вступили.

Охрана обоих двигалась следом, причем за ганианцем последовали все шестеро его бойцов.

Гамаюнов свернул направо по пустому коридору. Пройдя по нему несколько метров, он остановился подле внушительных створов грузового ангара и, приложив ладонь к пластине сканера, раскодировал замок.

Два тяжеловесных, бронированных створа, дрогнув, начали раскрываться. За ними открылся огромный, тускло освещенный зал, разделенный на множество проходов узкими, уходящими под самый потолок стеллажами, на которых, удерживаемые электромагнитами, высились штабелированные контейнеры длиной чуть больше человеческого роста.

— Прошу. — Хозяин сделал приглашающий жест. Очевидно, Хакиму данное помещение было хорошо знакомо.

Он не колеблясь прошел между стеллажами, остановился, ткнул пальцем в один из контейнеров, внешне ничем не отличающийся от остальных, и сказал:

— Вот этот.

Андрей Генрихович кивнул, соглашаясь.

— Павел, открой, — с выражением скучающей вежливости на лице приказал он.

Один из телохранителей выступил вперед, подошел к указанному контейнеру, по борту которого тянулась нанесенная через трафарет надпись:

«Гуманитарная миссия Аллора. Медицинское оборудование. Не кантовать».

Далее шел знак, который присваивался только особым категориям грузов. Он предназначался для таможенных систем и означал, что адекватность содержимого контейнера в данном случае гарантируется Советом Колониальной Администрации.

Павел приложил к замку контейнера магнитный ключ. Вспыхнули и погасли крохотные искорки индикаторов. Спустя секунду раздаюсь характерное шипение, и крышка контейнера приподнялась, обозначив щель по всему периметру.

Человек Гамаюнова без труда снял ее и отступил в сторону, позволяя Хакиму Аль Максуду заглянуть внутрь.

В контейнере, удерживаемые специальными захватами, лежали импульсные винтовки. Оружие было старым, и по всем признакам уже побывало в бою. Рядом, в специальных отделениях контейнера, располагались тщательно закрепленные электронные прицелы и системы

подствольных гранатометов.

Аль Максуд пробежал взглядом по содержимому ящика, глазами пересчитал его: десять винтовок, десять прицелов, десять подствольников. Все заботливо упаковано, смазано, лишь царапины на некоторых пластиковых деталях оружия и оборудования говорили о том, что оно уже было в употреблении.

— Хорошо, — отрывисто произнес Хаким, так и не прикоснувшись к содержимому ящика.

Павел посмотрел на хозяина и, дождавшись едва заметного кивка, водрузил крышку на место.

Гамаюнов щелкнул пальцами.

Неизвестно, кому предназначался данный знак, но в глубинах складского ангара что-то пришло в движение, тяжко заворочалось, раздался визгливый звук сервомоторов, вслед за которым пол ангара поколебала тяжкая поступь.

По центральному проходу, в «затылок» друг другу двигались пять погрузочных роботов.

Огромное помещение ожило. Коротко взвыла предупреждающая сирена, и в задней стене пришли в движение сегменты переборки, закрывавшие приемные площадки пяти грузовых шлюзов.

Первый механизм уже остановился. Вместо рук у него присутствовали два штыря, которые он ввел в специальные гнезда стеллажа. Раздалось шипение, что-то щелкнуло, и робот без видимых усилий приподнял целый штабель контейнеров.

Хаким обернулся к Гамаюнову, который равнодушно наблюдал, как первый робот удаляется в сторону шлюза.

— А как с остальным? — повысив голос, чтобы перекрыть грохот работающих механизмов, спросил Аль Максуд.

Андрей Генрихович укоризненно покачал головой.

— У нас есть время, пока роботы перегружают товар, — напомнил он. — Мы давно не общались, думаю, у нас найдется что обсудить, верно?

Хаким бросил взгляд на своих телохранителей.

— Юсуф, проследи за погрузкой. Анвар, ты пойдешь со мной. — Он повернулся к хозяину корабля. — Я не удовлетворен. Мне нужно остальное!

Гамаюнов посмотрел на него, потом перевел взгляд на первого робота, который уже возвращался, транспортируя на борт его корабля пачку иссиня-черных, глянцевитых листов металловодородной брони.

— Думаю, что разговор за обедом пойдет нам на пользу, — с

внезапной сухостью в голосе заявил он.

* * *

— Что это у него в лапах? — осведомился Рорих, постучав ногтем по экрану.

Вадим, который ждал этого мига два долгих, трудных месяца, не отрываясь, смотрел на робота, несущего стопку черных как смоль листов. *Прямо в точку… Оружие, собранное с кладбищ космических кораблей, в обмен на листовые заготовки для обшивки…*

— Броня, — ответил он, осознав, что Эрни задал вопрос. — Слышал про недавний анонс «Аллорских Космоверфей»?

Рорих кивнул, догадавшись, о чем идет речь.

Его взгляд скользил по контейнерам с оружием, а мысленно Эрни представлял, как фигуры в белоснежных скафандрах ползают в вакууме среди окоченевших, застывших трупов, *обирая* их…

Эхо войны… Злое, извращенное, *неправильное* эхо, ибо те, чьи тела плавали в стенах братских могил погибших кораблей, отдали когда-то жизнь ради рождения и жизни сегодняшних поколений…

Теперь, как он понимал, это оружие должно было пойти сюда, на Ганио, чтобы вооружать новые отряды головорезов, разжигать новую войну… но в эти секунды ему страшны и омерзительны были не ганианцы, а те, вторые, которые являлись представителями цивилизованного мира, те, кто с помпой мелькал на экранах сферовизоров, ронял слезу на публичных захоронениях останков, а в душе…

Впрочем, Эрни не знал, есть ли души у такого сорта людей.

Он вздрогнул, когда Вадим, на минуту оторвавшись от экрана, спросил:

— Ты заказал корабль?

— Да. Старт челнока через два часа.

* * *

Помещение, куда Гамаюнов привел своего гостя, предварял небольших размеров тамбур, в котором был установлен привинченный к полу стол в окружении нескольких кресел; стены украшали мониторы внутренней системы безопасности.

Телохранители, не дожидаясь особых команд, молча заняли кресла.

— Проходи, Хаким.

Следующее помещение космического корабля носило явный отпечаток той борьбы противоположностей, которую испокон века вели

между собой два ставших уже антагонизмами понятия: «комфорт» и «функциональность».

Стол, заранее сервированный на двоих, был также привинчен к полу, его окружало узкое пространство, где вряд ли бы разминулись два человека, стены украшали вездесущие мониторы.

Хаким покосился на изображение пустых коридоров корабля, которое транслировалось большинством экранов, и молча сел в кресло.

Андрей Генрихович занял кресло напротив. Налив вино в два высоких бокала, он поднял свой.

— За возобновление нашего партнерства, Хаким.

Ганианец продолжал напряженно молчать. Взяв бокал, он выцедил его содержимое и только тогда, соблюдя свой взгляд на приличия, спросил, глядя на Гамаюнова:

— Меня интересует вторая часть сделки.

Представитель колониальной администрации Аллора, который уже принялся за еду, поднял взгляд от тарелки, заинтересованно взглянув на гостя.

— Пока не получается, — ответил он.

«Какой ты прыткий…» — неприязненно подумал Андрей Генрихович, сохраняя на лице выражение сдержанной заинтересованности.

— Андрэй, ты же знаешь, как это важно, да? — Аль Максуд исподлобья посмотрел на него, словно хотел этим взглядом еще раз подчеркнуть значимость сказанного.

— Понимаю, — согласился Гамаюнов. — Но я и так прыгнул немного выше, чем может позволить себе честный чиновник. Поставки металла на Ганио возобновлены. В следующем месяце ты получишь первую партию.

— Что это будет?

— Два крейсера.

Хаким покачал головой.

— Мало. Медленно…

Гамаюнов помахал вилкой, словно пытался отогнать от себя некий злой дух.

— Я получил лицензию на утилизацию нескольких кладбищ кораблей, — прожевывая, пояснил он. — Но наглеть тоже нужно с умом. Десять лет назад Совет Безопасности уже задал бы себе вопрос: не слишком ли много Ганио потребляет металла? А? И думаю, что парочка крейсеров Конфедерации уже болталась бы на выходе из гипера, у границ территориального пространства твоей планеты, верно?

— Конфедерации нет, — напомнил ему Хаким, без особого

удовольствия принимаясь за еду.

Гамаюнов кивнул.

— Конфедерации нет, но эмбарго осталось. Я же не спрашиваю, куда ты деваешь старые крейсера. — Он усмехнулся, недобро посмотрев на Аль Максуда. — Большие такие крейсера, дырявые, но с пушками. Заметь: с исправными пушками, с рабочими движками… — Он откинулся на спинку кресла. — И зачем только ганианцам вдруг понадобилась большая партия устаревших кораблей? А главное, почему они так обнаглели, что начали нарушать условия договора? — внезапно, словно пулю, выпустил он новый вопрос.

Хаким насупился.

— Ты о чем?

— Не понимаешь?

— Нэт!

— Хорошо, тогда я объясню. — Гамаюнов чуть подался вперед, навалившись животом на стол. — Странные вещи начинают твориться на кладбищах старой техники. Мои фирмы покупают лицензии на их утилизацию, я трачу миллионы на то, чтобы легализовать этот бизнес, и что обнаруживают мои рабочие, когда дело доходит до освоения новых участков? Кто-то уже побывал там! — Гамаюнов продолжал в упор смотреть на Аль Максуда. — Мои люди видели странных роботов, которые дистанционно управляются через сеть Интерстар, по «плавающему» каналу ГЧ. Ты ничего не слышал об этом, Хаким?

— Нэт!

— Нехорошо… Зачем так высоко мнишь о себе? — Гамаюнов откинулся назад, в объятия мягкого кресла, но выглядел он уже далеко не таким безобидным и добродушным, как за несколько минут до этого. Сейчас в его чертах просквозило что-то жесткое, отталкивающее, презрительное. Он смотрел на ганианца, как на некую экзотичную тварь, которая вдруг попыталась отгрызть руку, ее кормящую.

— Ты считаешь себя крутым, умным и бесстрашным, да, Хаким?

Максуд, слушая его, молча багровел, это было заметно даже под коричневатым отливом кожи.

— Буду вынужден тебя разочаровать… — пальцы Гамаюнова неосознанно выбивали медленный ритм ударов по подлокотнику кресла. — Чтобы не сильно зарываться, тебе стоит вспомнить, что именно обнаружил первый картографический корабль Конфедерации на Ганио. Ты знаешь об этом? Помнишь?

— Мои предки жили как…

— Они жили, как первобытные скотоводы, — зло оборвал его Андрей Генрихович. — Пасти верблюдов в пустыне — вот на что хватило мозгов твоих драгоценных пращуров. — Он посмотрел на своего собеседника и медленно произнес:

— Я хочу, чтобы ты понял: без нас вы никто. Что изобрели твои драгоценные соотечественники за века развития? Новый вид упряжи для верблюда? Иной способ пыток? Я, и люди подобные мне, поставляем на Ганио технологии. Ты знаешь, как спускать курок, но не имеешь понятия, как сделать импульсный пистолет. Твое историческое оружие — это палка и камень.

— Зачем ты оскорбляешь меня? — выдохнул Аль Максуд.

— Я восстанавливаю историческую справедливость, чтобы ты понял: Ганио занимается своим разбойным промыслом лишь до тех пор, пока *нам* это выгодно. И не надо вторгаться в *мой* бизнес. Ты не умнее меня, а всего лишь наглее. Мои ребята навестили того бедолагу, который подписался изготавливать для тебя модели кладбищ космических кораблей, чтобы ты мог их грабить с помощью дистанционно управляемых машин.

Веко Максуда дрогнуло.

— Да. Они выпотрошили его компьютер. И у меня есть доказательства, что заказчиком был ты. А теперь подумай, что, если я вторгнусь в твой бизнес? Перестану обменивать твой товар на оружие, а приду со своими ребятами туда, где ты добываешь этот уникальный материал? Думаешь, что плавающий канал ГЧ невозможно вычислить? Ошибаешься. Туманность Ориона — это говорит тебе о чем-нибудь?!

Дальше Андрей Генрихович развить свою мысль не успел — он все-таки перегнул палку.

Выстрел, произведенный из-под стола, снес ему половину черепной коробки, забрызгав стены бледно-серыми ошметьями мозга.

Несколько секунд Аль Максуд сидел неподвижно, глядя, как дергается в кресле напротив обезглавленное тело.

— Ты уже *продал* нам все, что мог, шакал… — медленно процедил он сквозь плотно сжатые зубы.

Коричневое лицо ганианца, несмотря на все самообладание, было в этот миг серым, как пепел.

Он слишком хорошо понимал, что тихий, почти беззвучный выстрел импульсного пистолета не означал решения проблемы.

Встав, Аль Максуд подошел к переборке и коснулся сенсора, управлявшего механизмом дверей.

Как только щель открылась сантиметров на тридцать, он несколько

раз выстрелил в проем, затем не останавливаясь вошел в забрызганное кровью тесное помещение и отрывистым, осипшим голосом приказал своим ошарашенным телохранителям:

— Вычистить оба корабля! Живо!

* * *

Получив короткую передышку в событиях, Вадим отвел взгляд от экрана.

Диск-кристалл продолжал судорожно взмаргивать индикатором записи. Рорих, который присел на скошенный край терминала, подозвал Ваби и что-то негромко сказал ему на ухо. Карлик кивнул и исчез в соседней комнате.

— У них много кораблей? — наконец спросил Эрни, нарушив тягостную тишину.

— Я видел пять.

— И все, как я понял, обшиты этой новой броней?

Вадим неопределенно пожал плечами.

— А у нас? — настаивал Рорих.

— У нас их нет, Эрни. Земля под действием санкций. Элианский протокол, слышал о таком?

— Нет, — покачал головой Рорих и добавил: — Я бы на твоем месте поискал по помещениям Хакима.

— А что?

— Я знаю этого отморозка. Он сейчас наверняка беседует по ГЧ с Ганио.

— У нас нет возможности отследить канал.

— Зато можно услышать, что говорит Бешеный.

* * *

Аль Максуд действительно говорил в этот момент по ГЧ. И Рорих, и Полуэктов — оба знали ганианский в той мере, чтобы обойтись без переводчиков.

Нетрудно было догадаться, о чем идет речь по отрывистым, нервным фразам, которыми обменивался Хаким с невидимым абонентом:

— Нет… Он раскрыл нашу станцию. Что? Это не мое дело, Ванг Шиист! Я воин, а не торгаш!

На несколько минут в отсеке, откуда велись переговоры, наступила тишина. Хаким молча слушал, кивая.

— Хорошо. Мне нужны люди. Я устал играть в прятки. Да, все

корабли укомплектованы. Нет. Я сломаю им хребет! Я заберу их флот и уведу его в туманность!

Опять наступила пауза, но теперь она оказалась очень короткой.

— Э, они не воины! — это произнес Хаким. — Я спущу их орбитальные станции им же на голову! Все, я сказал!

Похоже, что сопротивление на том конце связи было сломлено.

— Я ухожу в туманность, к флоту. Свяжусь оттуда. — Аль Максуд раздраженно хлопнул ладонью по панели связи, заставив ее огоньки судорожно, заполошно взморгнуть.

Некоторое время он стоял, опираясь руками о приборную панель, и его мутный, отсутствующий взгляд был направлен в темные глубины погашенного экрана, где жило его смутное, искаженное отражение.

Справившись с обуревавшими его эмоциями, он наконец выпрямился и произнес, обращаясь в никуда:

— Анвар, Юсуф, вы еще долго там будете возиться? Мы уходим!

Рорих подошел к окну, чуть отодвинул занавеску, выглянув на улицу.

— Уходить надо, Вадим, — произнес он. — Скоро тут не останется ни одного свободного корабля. Дай бог, чтобы наш фрахт не отменили… — Он обернулся, посмотрел на Полуэктова, мысленно представляя, как медленно уходят со своих орбит, падая в бездонную синь атмосферы, орбитальные заводы-станции, по которым только что грозился ударить Хаким Аль Максуд, и добавил:

— Это, по-моему, уже не гладенький форс-мажор, а война?

Глава 13

Для сбора в случае непредвиденных обстоятельств Покровский назначил одну из точек внутри Туманности Ориона, на границе газопылевых облаков и чистого внутрисистемного пространства, окружавшего пронзительно-голубую звезду.

При вычислении места рандеву учитывался дрейф «Альфы», и потому Вадим не был шокирован, увидев на просветлевших после гиперпространственного перехода экранах величественный контур первого колониального транспорта Земли.

Зато на Рориха это произвело неизгладимое впечатление.

Вряд ли Эрни мог с точностью знать контур «Альфы», но сам вид семикилометрового космического корабля, уже завершившего свой виток вокруг трех планет и теперь удалявшегося в сторону светящихся облаков газа и пыли, производил неизгладимое впечатление.

— Что это, Вадим?!

Полуэктов был занят сканированием окружающего корабль пространства.

Фагов вроде бы не наблюдалось.

— Это «Альфа», — ответил он, поворачиваясь к экранам. — Первый колониальный транспорт, стартовавший с Земли в 2207 году.

Эрни с трудом верил своим глазам.

Это было потрясающе… невероятно.

Вадим, взглянув на экраны обзора, тоже почувствовал, как медленная дрожь крадется вдоль загривка.

Огромные ворота вакуум-створов, расположенные по всему периметру вращающегося корпуса «Альфы», были плотно закрыты!

— Что-то случилось? — спросил Рорих, заметив, как побледнел Вадим.

— Будем надеяться, что нет. Похоже, мы не первые, кто прибыл в точку сбора. Включи связь, Эрни, и пусть Ваби на всякий случай не дремлет там в блистере.

— Он никогда не дремлет, — ответил Рорих, отъезжая вместе с креслом к панели, откуда осуществлялось управление связью. — Мне нужны частота и позывные. Там есть кто-то на борту?

— Вероятно… — ответил Вадим, называя нужные цифры.

Сомкнутые ворота шлюзов могли означать лишь то, что Покровский

отправил сюда группу, которая смогла реанимировать установку термоядерного синтеза «Альфы».

«Только бы не ганианцы…»

— Борт, говорит Ноль-семнадцать-два. Передаю данные для опознания. Прошу определить коридор сближения.

Названные Рорихом цифры были позывными Полуэктова. Если на борту Покровский или его люди, они ответят.

— Ноль-семнадцать-два, слышу вас. Попрошу капитана Полуэктова подойти к терминалу связи.

Вадим встал, подошел к устройству передачи данных.

Несколько секунд ушло на сканирование и передачу файлового пакета. Потом внезапно вспыхнул включившийся экран, и на нем возникло лицо Покровского.

— Рад видеть тебя, Вадим.

ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ОН ТОЖЕ БЫЛ РАД ВИДЕТЬ ГЕНЕРАЛА!..

* * *

— Н-да… — просмотрев полную запись событий с диска-кристалла, Покровский встал, меряя по привычке шагами пространство рабочего отсека. — Теперь мне становятся понятны многие нюансы нашего сегодняшнего положения, — признал он. — А оно, кстати сказать, почти безвыходное… Вот так-то…

Вадим, слушая генерала, невольно продолжал озираться по сторонам.

Неужели это была та самая «Альфа», по темным, разгерметизированным отсекам которой он, как чумной, носился всего несколько месяцев назад?!

— Я отправил сюда группу технических специалистов спустя несколько дней после твоего возвращения на Землю, — пояснил Покровский, перехватив блуждающий взгляд Вадима. — Но сейчас не до этого… Эй, господин Творец! — повысив голос, позвал он.

За приоткрытыми дверями отсека возникло движение. Джой Скриммер в какой-то степени пришел в себя за две недели, прошедшие после отлета с Дансии.

— Вот, господа, тот самый деятель, о котором упоминал покойный Гамаюнов, — отрекомендовал Покровский вошедшего. — Это он работал на Аль Максуда, создавая для него виртуальные миры. И именно его намеревались убрать люди Андрея Генриховича.

Джой побледнел. Такие рекомендации ему пришлись не по вкусу.

— А что ты хотел? — сурово спросил у него Покровский. — Думал,

Интерстар безлик, Сеть все спишет?

— Я… Я ведь уже говорил, что понятия не имел!…

— Говорил… — согласился Покровский. — Ты не знал, этот Гамаюнов, напротив, — отлично знал, что делает, а оба вы продавали за деньги все остальное человечество вместе с его историей, памятью, словом, со всеми потрохами!

— Андрей Георгиевич, — перебил Покровского Вадим. — Я все еще не совсем понимаю, при чем тут виртуальные миры? Зачем они понадобились ганианцам? Какой смысл во всей этой возне с Интерстаром?

— Смысл есть, причем огромный! Даю на отсечение что угодно, ганианцы сами ни за что бы не додумались до такой схемы! Они умеют играть на наших слабостях, на разобщенности, алчности, страхе, наконец! Везде находятся люди, готовые продать им свои мозги за сотню-другую кредитов!

Покровский обернулся к Скриммеру и приказал, кивнув на терминал:

— Продемонстрируй их схему добычи металлического водорода, Творец!

Джой покорно поплелся в кресло.

Надев тонкий обруч виртуальной связи, он обернулся и пояснил:

— Когда Андрей Георгиевич рассказал мне об этом месте, я вспомнил созданные мной несколько лет назад реальности и подумал: должен же быть практический смысл в их существовании! Я создавал структуру миров, их декорации, а туда по виртуальным каналам связи должны были приходить некие личности, с тем чтобы управлять механизмами, модели которых я также программировал в определенных точках фантомных миров.

Пальцы Джоя быстро пробежали по сенсорам клавиатуры.

Расположенный рядом объемный монитор, явно доставленный сюда техниками Покровского, ожил, демонстрируя заставку общего входа в сеть Интерстар.

— Мы сейчас сидим на собственном канале, который создает смонтированный на «Альфе» генератор ГЧ, — вполголоса пояснил генерал.

* * *

Джой не мог обижаться на Покровского. Все, что говорил Андрей Георгиевич, было правдой.

Он поднял глаза, сфокусировав мутный от усталости взгляд на вращающейся заставке Интерстара, и вспомнил, как несколько дней назад точно так же впервые погружался в Сеть с терминала, расположенного на

борту древнего корабля.

Великая, безликая свобода… Глянец, мишура, покрывающая сотни миллионов конкретных лиц. Лжереальность.

Сначала ты восторженно погружаешься в нее, думая, что стал всемогущим, как сам господь.

Ты наслаждаешься, не понимая, что тонешь.

Миллиарды байт того, чего нет. Иллюзия, такая сочная, что реальный мир блекнет перед ней. Хочется туда, снова и снова, в мир вседозволенности, в мир нереализованных ощущений, и мозг гибнет под этим сладким гнетом, он больше не хочет тягомотины будней…

Потом внезапно наступает отрезвление.

Ты начинаешь понимать, что все имеет свою цену. На самом деле мир Интерстара — это не только великий, привлекающий иллюзией жизни он-лайн, соединивший сотни миров.

Интерстар — это прежде всего люди, чьи души и мысли обитают в нем. И если человек, по сути своей — мерзавец, то в конечном итоге образ седобородого старца, поучительно рассуждающего о проблемах морали, рано или поздно обернется своим истинным лицом — одутловатой рожей мелкого неудачника, засевшего на халявной линии, специально задерживающегося после работы, чтобы посмотреть порнографический фильм, а заодно порассуждать о вечном…

Мир безграничных, но очень зыбких иллюзий, мир утраченных моральных ценностей, мир, где ответственность за сказанное и содеянное не наступает практически никогда…

Джой не причислял себя к какой-то особой, лучшей части человечества. Он жил, как все, также точно тонул в Сети, и только сейчас, наверное, понял, что ему… повезло. Он, вероятно, тоже утонул бы, если б грубая реальность, внезапно вторгшаяся в его жизнь в виде двух неизвестных убийц, не вышвырнула его вон, сорвав с подпитки сладкого мира грез…

Несколько суток назад Джой сидел, глядя на сочную, вращающуюся заставку Интерстара, и его проблема вдруг начала обретать конкретные черты.

Одно словосочетание, постоянно пульсирующее в мозгу, внезапно выделилось, стало главным.

Безграничные возможности.

Свободный доступ к любым мирам.

Фантомный он-лайн не контролировал никто. Если бы это случилось, то Интерстар мгновенно утратил бы свой смысл.

Зачем ганианцам потребовалось заказывать ему определенные реальности? Почему они были оценены мерой человеческих жизней?!

Джой вдруг почувствовал, что напал на верный, неоспоримый след. Мысль понеслась вперед, взрезая проблему, как нож подгнившее полотнище ткани.

Им не нужно содержать мощные вычислительные центры. Совершенно необязательно создавать машинные комплексы, достаточно лишь иметь немного места на планетных носителях Интерстара, чтобы разместить там с десяток интерактивных реальностей, куда придут люди… Обыкновенные люди, которым все равно, где, как и с кем зарабатывать деньги. Ведь они никогда не увидят плод своих трудов, поскольку *последствия* содеянного или сыгранного в Интерстаре никогда не наступят.

Джой положил пальцы на сенсорную клавиатуру.

Сервисная оболочка проводника представляла практически безграничные возможности поиска по серверам Ганио.

Войдя в пространство центрального узла планеты, выполненного в виде опрокинутой кверху дном чаши, он остановился, оглядываясь по сторонам.

Все доступные взгляду стены были усеяны рекламными ссылками. Джой уже предугадывал, что именно нужно искать, и потому не торопясь пошел вдоль закругляющейся стены, боковым зрением фиксируя, как возникают и гаснут на входе-выходе виртуальных плакатов зыбкие фантомы.

Различные секс-удовольствия, исторические экскурсы в прошлое Ганио, а также религиозные общепознавательные каналы он миновал, лишь мельком останавливая взгляд на текстах заявок.

Наконец он дошел до той части стены, где начинался интересующий его раздел.

Стена пестрела разнообразно оформленными прямоугольниками в человеческий рост.

Работа!!! Реальный заработок! Никакого насилия!

Он сунулся в первую, потом во вторую дверь, но там не нашлось ничего интересного. Требовались виртуальные проститутки, продавцы интерстар-магазинов, секты Шииста вербовали агентов для продвижения в иные миры — в общем-то нормальный стандартный набор вакансий.

Жить в среде Интерстара — это тоже своего рода труд. Неважно, что ты сидишь, откинувшись в кресле, — твой мозг все равно посылает импульсы мышцам. Джой помнил, как болели ноги после первых прогулок по виртуальным мирам. На новичков вообще смотреть было прикольно:

сидит в кресле малыш, получивший свой первый имплант от заботливых родителей на день рождения, дрыгает ногами, пытается даже встать, тычется руками в терминал… Для того чтобы побороть фантомные импульсы организма, существовали специальные комплексы тренировок, но даже опытные виртуальщики не могли добиться полного расслабления мышц в период прогулок по Сети…

Джой прошел десятка три дверей и чувствовал себя уже порядком измотанным, уставшим — эрзац-кофеин, предложенный Покровским, служил плохим заменителем сну, мысли начинали рассеиваться, *сползать*, как принято обозначать подобное рассредоточение внимания в среде тех, кто постоянно путешествует по Сети.

Нет, так не годится.

Джой попытался сосредоточиться.

Что прежде всего необходимо тем, кто занимается неким преступным промыслом? Маскировка в Интерстаре не имеет смысла. Достаточно использовать при любом подключении несколько анонимных узлов, передающих друг другу эстафету переадресации, и твой след затеряется в глобальной Сети. Единственную опасность представляют те, кто непосредственно принимает участие в проекте. Главное, чтобы они не болтали лишнего, чтобы не замечали некоторых странностей, чтобы не произошла та утечка информации, от которой могут оттолкнуться заинтересованные службы…

Впрочем, в Сети каких только миров не встретишь. Но на месте ганианцев Джой бы все равно подстраховался. Здесь важно выбрать наиболее безропотную категорию клиентов. Таких, кому действительно на все наплевать, кто за определенную мзду согласится практически на любое предложение.

«Утонувшие».

Те, для кого виртуальная среда стала единственным местом обитания. Кого ломает без виртуалки, для кого она — наркотик.

В очередную дверь Джой соваться не стал. Он знал, что более всего ценят люди, прочно подсевшие на виртуалку.

Он медленно пошел вдоль стены, внимательно изучая рекламные надписи, пока одна из них не обожгла его сознание:

«Доступ в Интерстар! Халява!!! Мы оплачиваем ваше время пребывания в Сети! Занятие для истинных ценителей — вы тестируете новые, только что созданные реальности! Шесть часов работы на нас дают вам целые сутки бесплатного доступа во все уголки Вселенной!»

Джой, не колеблясь, вошел в мерцающую дверь.

* * *

События развернулись даже более жестко и стремительно, чем предполагал Скриммер.

От него не потребовалось даже подачи минимальных данных о себе, что-то ударило по нервам, вывернуло мозг, будто кто-то подкрался сзади, резко оглушив его кувалдой.

Дезориентация во времени была мгновенной.

Он понял, что его фантом только что прошвырнуло как минимум через десяток станций Гиперсферной Частоты, причем с такой скоростью, что отследить данный путь для него лично стало делом невозможным.

Головокружительный рывок вывел его в непритязательную комнату с голыми стенами. Посреди комнаты стоял стол, на нем лежал лист пластбумаги и световой карандаш.

Форма регистрации составляла всего две строки:

1. Какими типами сервомоторных механизмов вы управляли в реальной жизни?

2. Откуда будет осуществляться бесплатный доступ в Сеть?

В первой строке Джой поставил честный прочерк.

Во вторую по памяти вписал цифровой номер своей домашней машины.

Никаких возражений не последовало.

Дверь за его спиной отворилась, впустив в комнату унылый серый свет.

Джой медленно повернулся, посмотрел сквозь дверной проем на знакомые очертания страшного, сумеречного мира, в реальности которого под смоговыми облаками обитали странные, не похожие ни на что виденное раньше серв-машины, потом заставил себя сдвинуться с места.

Ступив за порог, он понял, что попал в самую точку.

Перед ним действительно простиралась одна из созданных им реальностей. Тусклый свет, больше похожий на серый сумрак, едва пробивался сквозь клубящийся покров облачности. В воздухе плавала взвесь какого-то пепла или сажи. Видимость была почти нулевой.

Джой машинально посмотрел на свои ноги и понял, что они превратились в членистые лапы механического насекомого. Он был машиной. Его мозг соединился в данный момент с куцыми электронными цепями какого-то механизма на безвестной планете.

Справа от выхода из квадратной будки высился корпус транспортного корабля, внешне похожего на только что распустившийся бутон

металлической розы.

Он должен был идти в ближайшее здание, внутри которого возвышались штабеля тонких черных пластин, и нести их на корабль.

Шестичасовой рабочий день начался.

* * *

На этот раз Покровский не позволил Джою монотонно таскать куски обшивки в похожий на черную розу корабль.

— Отклонись в сторону и попробуй пройтись по этому «городу», — распорядился он.

— Мы находимся на поверхности темной планеты, — пояснил Андрей Георгиевич, обернувшись к Вадиму и Эрни, неотрывно следившим за перемещением насекомоподобного механизма, которым через Сеть Интерстар напрямую управлял разум Джоя Скриммера. — Я не знаю, кто подсказал ганианцам такую схему изъятия металловодородных плит, но похоже, что она работает безупречно.

— Подождите, Андрей Георгиевич! — запротестовал Вадим. — Они что, сумели наладить контакт с механизмами?

— Нет, Вадим, — успокоил его Покровский. — Эта «Черная Роза» не настоящий корабль Фагов, а бутафория, обладающая сходством форм. То же касается и механизмов, которыми управляют через Интерстар «утонувшие» виртуальщики. Они не Фаги, а лишь их имитация! Теперь понимаешь, зачем им нужна была станция ГЧ? Обман и воровство, осуществленные через Сеть!

— Не верится мне во все это… — после некоторого раздумья покачал головой Рорих. — Станция ГЧ, межзвездные каналы связи, мощности Интерстар, — перечислил он, — и все лишь для того, чтобы впихнуть волю подсевшего на виртуалку пацана или девчонки в оболочку машины? Где резон? Как оправдать затраты, даже если эти плиты будут сделаны из чистого золота?..

— Ну, во-первых, они намного дороже золота, — поправил его Покровский. — А во-вторых, затраты как раз и не очень велики. Не надо забывать, что станция ГЧ, вкупе с ее интерстаровской аппаратурой не куплена, не создана, а *украдена* ганианцами. Они получили ее даром. И энергия у них, извини, халявная — станция ГЧ имеет свой реактор. А теперь, исходя из этой психологии воровства, грабежа и обмана, попробуем ответить на вопрос: станут ли они разрабатывать специальное программное обеспечение, покупать дорогие машины со сложными компьютерами, способными имитировать поведение Фага, когда такую вот

сервоприводную оболочку на дистанционном управлении можно взять за гроши, заказав ее любому заводу? И ничего при этом не объясняя, между прочим!

Рорих выглядел обескураженным.

— Очевидно, что Фаги неразумны, — продолжал развивать свою мысль Покровский. — Они — машины. На темной планете обитают те механизмы, которые обеспечивают промышленную и технологическую базу терраформирования: они поддерживают заводы, добывают металлический водород из недр газового гиганта, создают себе подобных…

— А ганианцы просто воруют их запас металловодородных плит?! — закончил его мысль Полуэктов.

— Именно. Отсюда я и делаю вывод о «неразумности» Фагов. Машинам неведом термин «воровство». Они знают, что склад должен быть полон. И пополняют запасы тем быстрее, чем больше из них украдут псевдофаги.

— Андрей Георгиевич, разве может все обстоять так просто?!

— Просто? Нет, Вадим, это кажется простым сейчас, когда некоторые вещи стали нам очевидны, и мы имеем возможность наблюдать конечный результат. Не знаю, сколько времени понадобилось ганианцам, чтобы разгадать психологию машин, но то, как эксплуатируют они ее сейчас, стоит крови, поверь.

— Но не их крови, — мрачно заметил Рорих.

— Да, скорее всего они использовали тут рабов, — кивнув, согласился Покровский. — Но люди гибли, вне всякого сомнения. Иначе как объяснить злоключения Вадима? Машины с мирными программами — они, как непуганые звери, — нужно лишь однажды причинить им вред, вмешаться в заданный их программами процесс, чтобы получить статус врага. Люди сталкивались с Фагами и уничтожали их. Отсюда и все последствия.

— Так все-таки Фаги — это машины или организмы? — спросил Рорих.

Покровский исподлобья посмотрел на него:

— Я поясню, — произнес он. — Они машины с биологическим процессором. В них нет ничего мистического, и они всё еще действуют в рамках прежних программ. Их сверхзадача состоит в том, чтобы развиться до такой степени, когда они смогут беспрепятственно воспроизводить достаточное количество себе подобных, а также содержать промышленную базу, которая позволит отрядам, действующим на втором спутнике газового гиганта, преобразовать планету, уничтожив ее исконную биосферу, и создать там новые условия для жизни, схожие с давно уже не

существующим Земным Эталоном.

— А люди? — спросил Рорих.

— А что люди, — вздохнул Покровский. — Обитатели второго спутника больше не рассматриваются Фагами как «хозяева» или «создатели». Они, вероятнее всего, включены в список враждебных экзобиологических организмов. А что стало причиной этого — деформация их генетических «визитных карточек», личная вражда с машинами или же «эксперименты» ганианских пиратов, я не берусь судить…

— А пространственные формы Фагов? — напомнил ему Вадим. — Они ведь уже не похожи на мирных терраформеров?

— Естественно. Это реакция машинного анклава на внешние условия. Им потребовался источник сырья, которого оказалось недостаточно на самой планете, и они создали новую форму машин, добывающих металлический водород. Столкновение с плазмоидами привело к разработке и строительству «Черных Роз» и Фагов-истребителей. Понятная и вполне объяснимая реакция саморазвивающейся системы на условия воздействия внешней среды. Не нужно забывать — эти машины создавались для работы в отрыве от Земной цивилизации. В них изначально заложена функция саморазвития!

— И люди теперь отнесены ими в категорию врагов?

— Несомненно. Но в этом скорее всего повинны не Фаги…

— Андрей Георгиевич, я вошел… — раздался приглушенный голос Джоя Скриммера.

Начавший было разгораться спор моментально угас. Все повернулись к объемному экрану, куда выводилось изображение событий, происходящих за сотни тысяч километров от «Альфы», под пепельно-серой облачностью окутанного смогом планетоида.

* * *

Помещение, куда попал управляемый Скриммером робот, оказалось огромным.

Эта была не та архитектура, которая присуща людям. Длинное помещение с низким, давящим потолком было погружено во мрак. Ничего, привычного глазу — нет отдельных комнат, участков, никаких перегородок, как-то разделяющих разные комплексы, — все свито в один трудно поддающийся осмыслению бесконечный агрегат…

По центру необъятного приземистого зала вел единственный проход.

Джой медленно перемещался по нему, стараясь вертеть головой во все стороны.

Тут, очевидно, выращивали новых Фагов. Уже собранные оболочки плавали в плоских чанах, наполненных какой-то темной, маслянистой жидкостью. В сумраке с трудом угадывались смутные контуры погруженных в жидкость механических тел. От переплетения труб, расположенных под низким потолком, к чанам спускались жгуты кабелей и шлангов.

Скриммер остановился. Похоже, что парню просто стало страшно…

Внезапно сбоку от него в темноте зашевелился какой-то смутный, едва различимый силуэт. Джой повернул своего робота в сторону наметившегося движения и едва не заорал: из чана в проход выбирался внезапно оживший механизм, разительно похожий на отвратительного, осклизлого паука…

— Я… Андрей Георгиевич… Я не могу… Не могу больше…

Покровский, внимательно посмотрев на побелевшее лицо.

Джой коснулся какой-то кнопки на терминале управления.

— С анклавом Фагов нам еще предстоит разобраться… — произнес он, массируя виски Скриммеру. — Их пространственные формы, по моему мнению, очень опасны и не имеют права на существование, а что касается наземных механизмов…

Он не договорил, потому что в этот миг негромко прошипела, открываясь, дверь отсека.

* * *

Человек, появившийся на пороге, показался Вадиму смутно знакомым: в душе шевельнулось какое-то мимолетное, не очень давнее воспоминание…

И вдруг он понял: да это же Беркли! Джонатан Беркли, ведущий специалист станции «Гамма»… Вот так сюрприз! Профессор был явно не в себе.

— Эй… Он что, увидел привидение? — тихо спросил Рорих, толкнув Полуэктова локтем.

Вадим в первый момент подумал, что внешний вид профессора порожден вполне понятным изумлением, вызванным их внезапной встречей, но нет… ученый даже не посмотрел в его сторону. Прямо с порога он повернулся к Покровскому.

— Я… Я…

Вадим, в немом изумлении наблюдавший эту сцену, вдруг понял, что побелевшие губы Беркли мелко дрожат. Тот пытался что-то сказать, но не мог, мешало сильное волнение. В иной обстановке ученый, может быть, и

выглядел бы смешным — бледный, весь какой-то всклокоченный, заикающийся на каждом слове, но Вадим очень хорошо помнил, как сам в недавнем прошлом испытывал на борту «Альфы» одно потрясение за другим и выглядел при этом, вероятно, не лучше…

— Что случилось, профессор? — мгновенно насторожился генерал.

Беркли присел на краешек свободного кресла, обвел присутствующих каким-то диким, сумасшедшим взглядом.

— Я… Я сейчас… — Он похлопал себя по карманам, достал скомканную разовую салфетку, смахнул ею крупные градины выступившего на лбу пота. — Извините… Сейчас…

Все это выглядело так странно и нелепо, что усмешка застыла на губах Рориха.

«Альфа» казалась ему вовсе не тем местом, где Покровский стал бы собирать кучку хнычущих параноиков. Что-то потрясло пожилого ученого до самых глубин души, так сильно, что он не мог совладать с обрушившимися на него чувствами.

— Господа, это Джонатан Беркли, один из лучших специалистов Элианского Института Изучения Космоса, — запоздало представил вошедшего Покровский. — Я пригласил его на борт «Альфы» в качестве научного консультанта по некоторым проблемам, связанным с…

— Я разговаривал… с ним!.. — перебив генерала, дрожащим голосом произнес Беркли. — Вы… Вы понимаете?! Я РАЗГОВАРИВАЛ С НИМ!

— С кем, Беркли?

— С ним… С этим существом… которого они называют… Богом!.. Всё… Простите, ради всего святого… Я успокоился… Успокоился… Нет! — Он вдруг вскинул голову. — Я бы никогда не поверил! Но мы общались!

В глазах ученого, в его облике, жестах — во всем читалось крайнее потрясение.

Вадим уже понял, о чем говорит профессор.

— Через терминал компьютера? — спросил он, разбивая своим голосом внезапно воцарившуюся в отсеке звонкую тишину.

— Да…

— Кто он? — спросил Покровский.

«Кто он?»

Наверное, Вадим был не единственным, кто сжался, ожидая ответа на вопрос, который задавали себе миллиарды людей на протяжении сотен веков.

«Кто он?»

Дрожащий палец Беркли указал на экран обзора.

— Вот… — обломанный ноготь профессора ткнулся в стекло, указывая на тусклый, переливающийся коричневатым мерцанием пухлый шар газового гиганта. — Он там… Он неживой… Он есть сумма, конфигурация электромагнитных полей этой планеты… Он ее разум, дух…

На несколько секунд в отсеке опять повисла гнетущая, ошеломленная тишина. Все взгляды были обращены к экрану.

— Он рассказал вам о себе, профессор? — наконец нарушил паузу голос Вадима. — Он действительно бог?

— Да. — Губы Беркли все еще продолжали дрожать.

— Он создал нас? — резко спросил, обернувшись, Покровский. Генерал чувствовал, что не только для него лично очень многое зависит от ответа на заданный Джонатану вопрос.

— В прямом смысле — нет, — ответил Беркли, продолжая обводить собравшихся в отсеке полубезумным взглядом. — Мы — результат эволюции на планете Земля, так же как приматы Прокуса — результат местной эволюции, — наконец выдавил из себя ученый. — Но он… Он создал ДНК, понимаете? Он создал молекулу жизни, но вовсе не для того, чтобы из нее произошли мы! Всё… Всё вывернулось наизнанку! Даже Предтечи… Вы знаете, кем были Предтечи?!

* * *

Никто по-настоящему не мог утверждать, кем или чем на самом деле являлись пронзительно-голубые плазмоидные шары, миграция которых три миллиона лет назад смела с лица Галактики несколько разумных рас древности. Одни считали их сгустками праматеринского вещества Вселенной, сохранившегося с момента Большого Взрыва, другие просто ограничивались констатацией факта, что эти «амебы космоса» — суть какая-то древняя, неразумная форма пространственной жизни, но оказывается, ближе всех к истинному понимаю их природы подошел тот неизвестный ученый, с чьей легкой руки появился этот термин: Предтечи.

Это стало понятно со слов Беркли, когда после дозы успокоительного он наконец смог связно говорить, толково излагая те мысли, что теснились в его голове.

— Как вы умудрились общаться с ним, профессор? — спросил Вадим, подавая профессору пластиковую бутылку с водой. — Мне это практически не удалось, хотя он дважды пытался выйти на связь со мной через терминалы «Альфы».

Беркли посмотрел на него и вздрогнул, узнав.

— Господин Гаррисон? Я рад, что вы живы…

Вадим отрицательно покачал головой.

— Полуэктов, профессор. Капитан сил Земной Безопасности Вадим Полуэктов. Извините, что втравил вашу станцию в неприятности…

— Полноте… — покачал головой Джонатан. — То, что мне удалось узнать сейчас, стоит любых невзгод.

— Так все-таки? — повторил свой вопрос Вадим. — Как вам удалось?

— Он сам вышел на связь… — признался Беркли.

— Он выдал большой текст? — вмешался в их диалог Покровский. — Вы записали его?

— Нет… — растерялся Беркли. — Поймите, Андрей Георгиевич, это было так неожиданно, так внезапно… Он смог ответить лишь на несколько моих вопросов, потом связь необъяснимо оборвалась.

— В таком случае почему вы так уверены, что правильно поняли суть происходившего? — настаивал на своем генерал. — Что он успел передать вам?

— Да всё, всё! Я же специалист, понимаете?! Я задал ему несколько ключевых вопросов, а все остальное можно вывести и так!.. Вадим, — обратился он к Полуэктову, — вы помните ту лекцию, после которой подошли ко мне за разрешением на старт? Да, да, я видел, как вы стояли в проходе у стены и смотрели на голографическую модель Вселенной!

— Помню, конечно.

— Тогда вы должны меня понять! — с жаром воскликнул Беркли.

— Подождите, профессор! Объясняйте для всех! — раздраженно потребовал Покровский.

* * *

Через несколько минут, когда немного улеглись эмоции, Джонатан Беркли смог продолжить.

Можно было понять его волнение. По сути, он стал первым, кто получил четкое, точное представление о том, как действительно происходило зарождение жизни во Вселенной.

Наверное, потому голос ученого продолжал дрожать:

— Господа… Вот уже несколько тысяч лет мы изучаем биосферы — сначала Земную, затем и других планет. За это время сделано множество открытий, связанных с эволюцией живой материи, загадкой оставался лишь один, основополагающий вопрос: как возникла первая способная к воспроизводству самой себя органическая молекула?

Ни одна теория до сих пор не выдерживала элементарных опытов. Мы

брали неорганические вещества, смешивали их внутри колб, имитируя первобытные атмосферы различных планет, поддерживали в колбах соответствующее давление и температуру среды, пропускали через эту смесь ультрафиолетовое излучение и разряды электричества, но в результате в лучшем случае получали лишь некоторые фрагментарные аминокислоты, которые не могли называться прототипом самой примитивной жизненной формы.

Беркли, волнуясь, облизал пересохшие губы, забыв о бутылке с водой, которую подал ему Вадим.

— Вероятность случайного возникновения жизни настолько мала, что все чаще и чаше мы обращали свой взгляд в царство «мертвой», как было принято считать, материи… Но, господа, если дать определение жизни, — что она такое?

Покровский, к которому был обращен взгляд Джонатана, смог лишь отрицательно покачать головой, как бы утверждая: никто не знает этого определения наверняка.

Беркли немного успокоился, воодушевляясь.

— Определение жизни, причем очень точное, всеобъемлющее, — было дано очень давно, по-моему, еще в двадцатом веке… — объяснил он. — Медников, русский ученый тех лет, сказал буквально следующее: «Когда мы встретим во Вселенной структуру, пусть самого фантастического вида и строения, которая будет способна поддерживать свою целостность и воспроизводить саму себя способом матричной репликации, мы будем вынуждены признать ее живой…»

— Что такое «матричная репликация»? — вполголоса спросил Рорих у Вадима.

— Это «копирование с образца», воспроизводство точной копии с оригинала… — так же тихо ответил ему Полуэктов.

Профессор тем временем продолжил:

— Исходя из этого определения, многие ученые начали поиск иной первичной формы жизни — неорганической. Они рассуждали так: свет и электромагнитный импульс способны хранить и передавать информацию. Они могут в некоторых случаях образовывать стабильные, самодостаточные структуры. На подобных принципах функционируют наши современные мыслящие машины, как фотонные, так и электронные. Но мы, оказывается, не открыли что-то новое — миллиарды лет назад электромагнитный разум уже возник, осознал себя за миллионы световых лет отсюда, в одной из молодых галактик, которая сейчас уже остыла, превратившись в мертвое, лишенное света вещество!

Казалось, это последнее восклицание далось Беркли с большим трудом. Его голос вновь сел от подкатившего к горлу волнения:

— Когда он начал мыслить, осознавать окружающий мир Вселенной, то, развиваясь и познавая ее, понял, что рано или поздно будет обречен на гибель. Его судьба — остыть вместе с солнцем, вокруг которого обращалась породившая его газовая планета. Но, как любое существо, осознавшее факт своего существования, он не желал умирать. Никогда. Он хотел пережить не только смерть родной звезды, но и пульсацию Вселенной… — Беркли вдруг начал говорить взахлеб, глотая и комкая окончания слов: — Думаю, что ему потребовались миллионы лет манипуляций веществом, чтобы создать устойчивый носитель информации. Он не мог спроектировать компьютер и космический корабль в нашем понимании этих терминов. Ему оказались подвластны давление и температура, он мог управлять химическими реакциями, но у него не было рук, чтобы ваять, и потому его создания получились соответственными — нити синтезированной им дезоксирибонуклеиновой кислоты, свитые для надежности, *химической статичности*, в двойную спираль. Их окружало облачко водорода в корпускуле электромагнитного поля. На нитях ДНК была записана программа, как должны расположиться плазмоиды в атмосфере газовой планеты, чтобы там снова возникли определенные электромагнитные поля, в комбинации которых был записан ОН.

— Выходит, он клонировал себя?

— Да. Тысячекратно. Миллионы, миллиарды раз. Когда наша Солнечная система еще пребывала в состоянии горячего пылевого облака, Он создал плазмоидов и послал их в путешествие по Вселенной на поиски новых планетных пристанищ…

— И они?..

— Они миллиарды лет путешествовали в пространстве. Кому-то удалось колонизировать газовые планеты, и Он очнулся в новых мирах тысячами своих ипостасей, иные плазмоиды гибли, но их собратья делились, поглощая доступное вещество, и продолжали эту бесконечную одиссею. А жизнь на планетах зародилась так: если разделить двойную спираль ДНК, то каждая ее нить станет химически активной, начнет присоединять к освободившимся связям новые атомы других элементов. Понимаете? Брошенная, пусть даже порванная, фрагментированная нить ДНК, попавшая в благоприятные условия, *неизбежно* должна инициировать собственное развитие, существование!

— То есть он не знал, что зарождает жизнь?! — потрясенно спросил Покровский.

— Естественно. ДНК создавалась им как носитель информации, куда был закодирован он сам! — воскликнул в ответ Джонатан. — Но сложная органическая молекула оказалась настолько удачной, что смогла реплицироваться, воспроизводить свои копии в естественных условиях планет! Вы понимаете? Они действительно были нашими Предтечами! Те плазмоиды, которые по каким-то причинам гибли, на самом деле давали жизнь, засеивая миры, куда им довелось упасть по тем или иным причинам. Вот почему в основе всех биосфер лежит универсальный код!

— А как же тогда быть с Галактическим Вихрем, с миграцией Предтеч, произошедшей три миллиона лет назад? Они ведь смели несколько разумных цивилизации прошлого!

Беркли кивнул, соглашаясь.

— Миграция плазмоидов была спонтанной и шла отсюда, из этой системы. Вы обратили внимание на то, что печально известный Рукав Пустоты начинается неподалеку от Туманности Ориона? Три миллиона лет назад эта звезда вспыхнула, сжигая планеты, и Он, жестоко травмированный в этот миг неистовой солнечной вспышкой, погибал. Плазмоиды — это его автоматы выживания, реинкарнации. Им достаточно одного сигнала, чтобы начать делиться и отправиться в путь на поиск нового, более благополучного пристанища для его сознания.

— А в этом случае было как-то иначе?

— Да. Он не погиб. Вспышка звезды лишь искалечила, деформировала его сущность Трудно найти в нашем языке эквивалентное слово, но, допустим, предположим — он потерял сознание или стал невменяем. Плазмоиды всё синтезировались и синтезировались, а он не осознавал, что это происходит. Тысячи голубых шаров всплывали из атмосферы газовой планеты, чтобы начать свой путь, и попадали в центр бушующей в пространстве солнечной бури. Жесткое излучение перерождавшейся звезды пронзало их, выбивая целые участки программной ДНК, как бывает с человеком при ядерном взрыве. В итоге часть плазмоидов была искалечена. Многие тысячи их погибли, некоторые уцелели и отправились в путь, а еще некоторая часть потеряла огромные фрагменты своих программ. В итоге из них выжили лишь те, у кого сохранилась программа воспроизводства. Понимаете? Выжили те, кто смог делиться, снова и снова, порождая новые тысячи, миллионы таких же деформированных, потерявших истинную цель плазмоидов. Они-то и стали той древней космической чумой, проказой, которая смела три разумные расы на пути своей миграции.

Беркли вдруг выдохся, умолк.

Все сказанное им было так поразительно, фантастично и в то же время… правдоподобно, что ни Вадим, ни Рорих, ни Покровский, ни тем более Ваби, который все это время насупившись рассматривал панорамы космоса на экранах обзора, не нашлись, что ответить ему.

Вадим молча протянул профессору позабытую им бутылку с водой, и Джонатан жадно припаи к пластиковому горлышку.

Генерал, в голове которого многие факты вдруг начали вставать на свои места, потрясенно смотрел на пухлый шар газового гиганта и думал:

«Господи, ну что же это за реальность такая, где брошенные на произвол судьбы роботы растаскивают на металл самого бога, а злые и жадные люди подстегивают их своей алчностью?..»

Нужно было принимать решение. Это Покровский осознавал четко.

— Всем офицерам корабля собраться в зале совещаний командного отсека через десять минут! — склонившись к панели интеркома, приказал он.

* * *

Через полчаса Андрей Георгиевич по привычке мерил шагами покрытие пола, искоса поглядывая на присутствующих в зале.

Мог ли он подымать несколько месяцев назад, что в одном из помещений древнего колониального транспорта рядом с ним соберутся представители тех самых планет, которых он считал ответственными за сегодняшнее положение Земли?

«Стар ты стал, Андрей Георгиевич… — мысленно упрекнул себя Покровский. — Космополит из тебя — никакой…»

«И все же решение нужно принимать», — думал он, искоса поглядывая то на Вадима, то на Рориха, рядом с которым притих мало что понимающий в научном споре Ваби, то на Джоя, который представлял Дансию — тихую, аграрную планету, сыгравшую в свое время роковую роль в поражении Земли, а рядом с ним эмоционально размахивал руками Джонатан Беркли, уроженец Элио, одной из главных планет-победительниц. Он что-то растолковывал нескольким окружившим его офицерам Земной Безопасности.

Покровский смотрел на это *странное*, с его точки зрения, собрание и продолжал упрямо думать о том, что еще вчера они не ужились бы и в метре друг от друга. Что их объединило сегодня? Стены древнего колониального транспорта, со старта которого, собственно, и началась эпоха расселения людей в Галактике?

Общая беда, угроза в лице ганианцев, готовых вот-вот развязать

новый космический джихад во славу всемилостивого Шииста?

Взгляд Покровского упал на тускло-коричневый, клубящийся ядовитой облачностью шар газового гиганта.

Может быть, преклонение перед сверхъестественным, труднодоступным для понимания?

Нет… Их объединил не бог, не древнее загадочное существо, из тела которого обосновавшиеся на черной планете роботы-терраформеры добывали металлический водород, медленно убивая прародителя всего сущего.

Их объединила ответственность за все происходящее в мире.

— Господа, — произнес Покровский, привлекая к себе всеобщее внимание.

Гул голосов в отсеке моментально стих

— Господа, я буду говорить предельно откровенно и сжато. Все мы очень разные люди. Каждый прошел свой, определенно нелегкий путь, прежде чем обстоятельства свели нас вместе. За каждым из нас, — в этом месте Покровский усмехнулся, — и прежде всего за моей спиной, стоят определенные интересы вполне конкретных планет. Против нас — эволюционировавшие исчадия древних технологий планетного преобразования, фанатики-ганианцы, которые владеют сейчас как минимум пятью готовыми к старту крейсерами, чья броня выдерживает удар аннигиляторов «Свет». Под нами — умирающая колония, люди которой уже начали терять свою сущность в бесконечной цепи вынужденных реинкарнаций. Над нами, если выражаться образно, — бог, древнее существо, лично мне не совсем понятное, умирающее под прессингом все тех же терраформеров, которые, как ни смешно и парадоксально это прозвучит, строят свои корабли, тела, если хотите, из его вещества.

Несколько секунд Покровский помедлил, собираясь с мыслями.

— Я вижу перспективу развития ситуации так: если Хаким Аль Максуд по кличке Бешеный выведет отреставрированные крейсера из Туманности Ориона на оперативный простор Галактики, то погибнут миллиарды людей. Если роботам-терраформерам позволить и дальше осваивать пространство туманности, то рано или поздно они также выйдут за ее пределы и станут чумой, проклятием, худшим, чем пресловутые Предтечи.

Он посмотрел на собравшихся и продолжил, медленно прохаживаясь между ними:

— Два с лишним месяца назад, когда «Альфа» только была обнаружена, я послал сюда группу специалистов-техников. Они блестяще

справились с поставленной перед ними задачей, и сейчас установка термоядерного синтеза корабля вновь запущена в эксплуатацию. Одновременно я начал готовить специалистов иного толка, и сейчас на борту присутствуют люди, — он сделал легкий кивок в сторону офицеров ЗБ, — которые в состоянии управлять кораблем. Не скрою, я собирался использовать колониальный транспорт вовсе не так, как диктуют сейчас обстоятельства. «Альфа», по моим расчетам, должна была вернуться к Земле, стать щитом между прародиной и остальным экспансировавшим в Галактику Человечеством.

Он перевел взгляд на Беркли.

— Господин профессор, что вы скажете, если мы оставим это древнее существо погибать под ударами терраформеров?

Джонатан побледнел.

— То есть как?! — заикаясь вскричал он.

— Вы считаете, что мы в состоянии помешать Фагам? — спокойно осведомился Покровский.

— Нет, но…

— Ладно… — генерал хмуро посмотрел на собравшихся в отсеке. — К каждому из вас я мог бы найти свой подход. Извините, профессор, что использовал вас в качестве наглядного примера. Кого-то я мог заинтриговать, кому-то приказать, кого-то заинтересовать материально или же просто запугать, на худой конец. Но я не стану этого делать. Перед нами выбор: либо мы становимся экипажем «Альфы» и взваливаем на свои плечи все существующие проблемы, либо…

Беркли порывисто вскочил со своего места.

— Господин Покровский! Мы не можем… не можем бросить его!

Голоса, зазвучавшие в отсеке, не казались единодушны настолько, чтобы делать из этого однозначный вывод.

— Тихо!..

Генерал пристукнул ладонью по столу, подле которого стоял.

— Чтобы никто не питал иллюзий, я объясню некоторые нюансы существующего положения. Вопросов и минусов очень много, но есть и плюсы. К первым из них я отношу фактор внезапности. Ганианцы не подозревают о существовании «Альфы». Фаги не принимают «Альфу» в расчет — на их веку корабль как минимум раз пятнадцать-двадцать выплывал из газопылевых облаков и снова скрывался в них. Для машин колониальный транспорт не более чем небесное тело, явление природы. Теперь о тактико-технических характеристиках. Ганианские корабли, так же как Фаги, покрыты энергопоглощающей броней. Ее принцип

заключается в том, что этот материал поглощает энергию направленного в корабль разряда и большую ее часть просто отводит в бортовые накопители. Получается, что мы, пытаясь поразить такой корабль лазерным лучом, будем лишь «накачивать» его собственную защиту. Он воспользуется аккумулированной, поглощенной энергией, чтобы усилить свое защитное поле, произвести ответный залп и т. д. Из этого следует очевидный вывод: большинство современных боевых кораблей окажутся бессильны как перед ганианцами, так и перед Фагами. Иное дело — «Альфа». Скажите, профессор, — обратился он к Беркли, — силовое защитное поле в состоянии остановить или отразить обыкновенную болванку, кусок металла, летящий со скоростью сотен километров в секунду?

— Нет, конечно! Но откуда мы возьмем такое варварское оружие?

— «Альфа» строилась как боевой корабль как раз в эпоху «варварского», как вы выразились, оружия. У колониального транспорта нет энергетической защиты, он уязвим для лазеров и аннигиляторов, но его чудовищная силовая установка, конструктивная *живучесть*, когда поражение одного или нескольких отсеков не приводит к гибели всего корабля, вкупе с бортовым вооружением дают серьезный шанс на успешное противостояние с Фагами и ганианцами.

— Почему и с теми, и с другими? — задал вопрос Рорих.

— А разве одна из действующих тут сил останется созерцать в стороне? — обернувшись, спросил у него один из земных офицеров.

— Спокойно, господа, не начинайте спор, — осадил их Покровский. — Минусов много, и главный из них — это малочисленность подготовленного мной экипажа плюс древность «Альфы», ненадежность многих ее систем после тысячелетнего дрейфа. Но на устранение недостатков и комплектацию боевых отсеков у нас нет времени. Действовать нужно сейчас, немедленно, пока ганианцы не покинули четвертую планету системы. Как только их корабли совершат прыжок отсюда, их уже не остановит никто. Поэтому я не стал искать обходных путей в разговорах с вами, — признал Покровский. — Каждый из вас волен подумать и принять решение, оставаться ему на борту или же покинуть «Альфу».

Он остановился в центре отсека и произнес, дождавшись, пока в зале установится гробовая тишина:

— Я принимаю на себя обязанности командира колониального транспорта. По моему приказу корабль прекращает свой дрейф и берет курс на сближение с четвертой планетой системы, чтобы подвергнуть

орбитальной бомбардировке базу ганианских пиратов. Те из вас, кто останется со мной, займут места на боевых палубах корабля.

Он на несколько секунд замолчал, а потом добавил:

— Нас очень мало, господа. Но те, кто останется, должны сделать это добровольно.

Глава 14

— Ну что, Эрни, как в старые добрые времена? — Вадим остановился подле космического истребителя, похлопав машину по холодной броне. — Давненько мы с тобой не ходили в паре, а?

Рорих кивнул, не торопясь к своей машине, которая застыла поодаль, на соседней стартовой плите.

Он присел, заглянул в глаза Ваби, который провожал их до стартовых ангаров. В зрачках карлика таилась печаль.

— Грустишь?

Ваби отрицательно потряс головой.

— Двое. — В своей лаконичной манере произнес он, указав взглядом на машины.

Рорих понял, что имеет в виду его маленький коренастый друг.

— Да, нас будет только двое. Я и Вадим, — согласился он. — Больше некому лететь. А ты будешь прикрывать отсюда, с борта корабля. Запомнил, кого нужно слушать?

— Лейтенант Морриган.

— Молодец. Вадим, иди сюда! — позвал Рорих. Полуэктов подошел.

— Ну… — Рорих сжал кулак. — Чтобы количество выходов в космос…

— Равнялось количеству возвращений в шлюз, — кивнул Полуэктов, завершая его мысль.

Ваби, не понимавший смысла этой старой присказки, сжал кулак.

Так, на счастье. Он любил Рориха, как старшего брата, как отца. Эрни знал это и потому не сильно завидовал тем, кто окажется в радиусе огня орудии, которыми станет управлять маленький мутант.

— По машинам! — раздался в тиши ангара окрик техника. — Время! Мы на подходе!..

Первый колониальный транспорт Земли вздрогнул, когда исполинские суппорты пришли в движение, раздвигая пространственную вилку его ходовых секций.

Словно не было этой тысячи лет забвения, слепого, неуправляемого дрейфа сквозь газопылевые облака Туманности Ориона.

Ярко вспыхнули по всей семикилометровой длине «Альфы» искры габаритных и навигационных огней. В гробовой тишине вакуума закрывались последние, остававшиеся до этого открытыми люки.

Поредевшие антенны локационной системы начали медленное вращение.

Корабль оживал. Он готовился к бою.

— Осмотреться в отсеках! — голос капитана Покровского зазвучал в бортовой Сети. — Пять минут до запуска маршевых секций основной тяги!

Доклады с постов были сухи, лаконичны:

— Реакторный, готовность подтверждаю!

— Ходовая рубка, расчет сближения с планетой завершен! Данные введены в бортовой компьютер!

— Орудийная палуба два, — герметичность портов подтверждаю. Личный состав экипирован в скафандры!

— Стартовые шлюзы открыты! Пошел обратный отсчет истребителям поддержки!

— Ракетная палуба, аппараты бомбометания заряжены!

Два толчка судорогой пробежали по корпусу «Альфы» — это от срезов стартовых шлюзов отошли два космических истребителя поддержки.

Покровский проводил их долгим взглядом.

«Мало… Как нас мало…»

— Закончена синхронизация двигательных секций.

И, как набат, в динамиках интеркома вдруг зазвучал обратный отсчет.

Голос бортовой киберсистемы вибрировал в переборках, глох в бесконечных пустых коридорах, полз короткой бесконтрольной дрожью по спинам людей:

— «Ноль-три… Ноль-два… Ноль-один… Ноль-ноль!..»

В корме «Альфы» внезапно вспухли три ослепительных, режущих глаз солнца.

Корабль, получив импульс ускорения, стал медленно, как казалось со стороны, разворачивать полусферический нос к четвертой планете системы.

* * *

Реголитный песок пустыни отливал коричневатой желтизной. На нем лежали глубокие, черные тени от острых, иззубренных камней, а раскинувшийся вокруг пейзаж казался призраком на фойе красновато-черных небес, миражом, рожденным в воспаленных мозгах.

Генри Вудмен, устраиваясь в тени огромного корпуса космического корабля на короткий отдых, очень остро ощущал неправильность, противоестественность окружавшего его мира.

Эта планета испокон веков являлась мертвой, безвоздушной, но вот

сюда пришли люди, раскинули купол энергетического пузыря, накачали под него воздух, возвели несколько климатических станций, и на тебе — живи.

Нет… — подумал он, — жизнь кончилась давно, в тот момент, когда его взяли в плен на родном Эресе посреди бескрайнего заповедника. А рабское существование тут, под красновато-черными, рождающими тошнотворные приступы агорафобии небесами, являлось медленной, но верной и неумолимой смертью.

Силовой пузырь удерживал воздух и тепло, но пленка энергетической защиты не могла воспрепятствовать ускоренным частицам жесткого излучения звезды пронзать тела рабов, которые копошились подле исполинских, закованных в невиданную черную броню кораблей.

Они все были неизлечимо больны. По крайней мере, те, кто пробыл тут достаточно долго.

…Один из охранников-ганианцев, одетый в защитный костюм, остановился напротив, видимо, решая про себя, стоит ли дать этому тщедушному рабу под дых, чтобы не отлынивал от работы, но Генри равнодушно продолжал устраиваться на отдых, зная, что произойдет в следующую минуту.

Звук, который пронесся над песками реголитной пустыни, быт долгим, тягучим… от него неприятно заныло в груди, а в голове вскипело что-то черное, злое, но Генри был учен, а значит, осторожен… Он подавил в себе вспышку неприязни, стараясь, чтобы на изможденном худобой лице не отразилось никаких чувств, и звук пролетел мимо…

Пристально смотревший на него охранник отвернулся.

— У-а-у-лл-аа!.. — вновь пронесся над песками вибрирующий призыв электронного муллы к ежедневной вечерней молитве

Генри не выносил этого звука, который напоминал ему завывание животного, но начавшаяся молитва подразумевала короткую передышку в изнуряющей работе.

В обшивке корабля над головой Генри открылся люк.

Раб, который вылезал наружу, выглядел на удивление худым и изможденным, даже по меркам существующих тут, под куполом, нечеловеческих условий. В первый момент создавалось впечатление, что это и не человек вовсе, а так, обтянутый кожей скелет, которому каким-то образом удавалось двигаться.

Генри не видел его раньше и сейчас с понятной заинтересованностью разглядывал собрата по несчастью, поражаясь его худобе и лихорадочному блеску глаз, которые казались преувеличенно большими на жутко исхудавшем лице.

Заинтересовавший Генри узник неловко выполз из люка и стал спускаться нет, — сползать по приставной лестнице. При этом его руки заметно дрожали от незначительных усилий.

«Э, брат, да тебе не протянуть и недели», — подумал Генри, наблюдая за его неуверенными движениями. Дождавшись, пока заключенный коснется ледяного песка и повалится на него, Генри быстро привстал, на карачках добрался до распростершейся ничком мумии и без видимых усилии оттащил его в тень.

Человек едва ли адекватно воспринимал реальность.

Единственное, что выдавало в нем жизнь, были глаза. Они смотрели на окружающий мир пустыни взглядом безумца, но в этом взгляде еще присутствовал намек на жизнь, чего не скажешь об изможденном, мелко подрагивающем теле.

За год плена Генри научился не рассуждать и не навязываться с досужими расспросами к тем, кто не в состоянии ответить на них. Хочешь помочь человеку — помогай. Слова тут не нужны. Они вообще порой теряют всякий смысл в тех условиях, в которых приходилось существовать рабам.

Запрокинув голову своего нового знакомого, Генри оглянулся — не смотрит ли в его сторону охранник? — потом быстрым, вороватым движением извлек из подпоротого ворота своей пропитанной потом одежды самую большую ценность, которую удалось сохранить в плену, — замусоленный катышек пищевого стимулятора, последний из упаковки неприкосновенного запаса, что вшивалась в униформу каждого смотрителя заповедников Эреса, и, разжав зубы продолжавшему дрожать пленнику, заставил его судорожно сглотнуть маленькую пилюлю.

Через минуту или две взгляд несчастного немного прояснился.

Генри вдруг поймал себя на мысли, что ему страшно и одновременно любопытно смотреть в эти огромные глаза.

— Как тебя зовут? — негромко поинтересовался он, краем глаза наблюдая за четырьмя конвоирами. Заунывные ноты вечерней молитвы, исторгнутые из электронной глотки переносного коммуникатора, продолжали звучать над ледяными песками реголитной пустыни, отвлекая их внимание.

Человек-скелет действительно понемногу приходил в себя. Он перестал дрожать, его мышцы или, вернее, прилипшие к костям сухожилия слабо напряглись, взгляд вдруг утратил безумный блеск, стал осмысленным и настороженным.

— Как зовут-то? — негромко повторил Генри свой вопрос.

Незнакомец некоторое время молчал, потом его губы дрогнули, словно он не был уверен в их способности воспроизвести нужные звуки, и Генри услышал негромкий, похожий на шелестящее дуновение ветерка ответ:

— Алексей… Багиров… Смотри, какая звезда падает…

* * *

Звезда не падала. Она приближалась.

Падали едва заметные для глаза темные точки.

Вот одна из них соприкоснулась с куполом силовой защиты, на миг вспыхнула, преодолевая барьер, и…

Оглушительный взрыв пошатнул немногочисленные строения, встряхнул космические корабли, взметнув в бездонные небеса несколько центнеров лунного грунта… и пошло…

Бомбы сыпались с небес одна задругой, заставляя бешено пульсировать накрывающий базу силовой пузырь, превращая пространство под ним в сплошной сумеречный от поднятого вверх песка ад, но генераторы удерживающего воздух поля были заглублены в скальное основание, и им не могли повредить пляшущие по ледяной пустыне разрывы.

Зато они волной оранжевых вспышек прокатились по куполообразным строениям, щедро засевая ледяной песок порванными в клочья телами ганианцев.

Генри Вудмен, оглушенный и дезориентированный первой волной взрывов, вскочил на ноги, запрокидывая голову к небесам.

Он понятия не имел, что случилось, кто так дерзко напал на базу, но…

Может быть, год рабства превратил его рассудок в ничто, но ему хотелось хохотать, подставив лицо под этот смертоносный ливень низвергающегося с небес металла…

Чья-то рука вцепилась в его голень, настойчиво дернула вниз, к проклятому ледяному песку.

Он упал.

Багиров что-то говорил ему, едва шевеля губами.

Генри вдруг понял, что оглох от взрывов, но смысл адресованных ему слов оказалось не так уж и сложно понять — рука Багирова вскинулась в выразительном жесте, указывая в сторону стоявшего неподалеку полностью заправленного, готового к старту древнего орбитального штурмовика.

Генри сам недавно обслуживал его и точно знал, что к чему.

Вот он, пришел ваш судный час, суки… Он готов был взвыть от

внезапно подкатившего к горлу чувства. Генри знал, что после года, проведенного тут, он уже не жилец, но теперь… Теперь он имел шанс не подохнуть, а умереть…

Подхватив под мышки невесомое тело негаданного товарища, он поволок Багирова по песку в сторону покосившегося на один бок орбитального штурмовика.

Там как раз было два кресла в кабине — для пилота и бортстрелка.

* * *

Уцелевшие после бомбежки машины взлетали с искалеченной, перепаханной воронками поверхности планетоида, словно потревоженные черные мухи.

«Альфа», закончив бомбометание, медленно выходила на орбитальный виток.

Это был один из критических моментов атаки.

Огромный колониальный транспорт не обладал подвижностью истребителя — все его маневры растягивались во времени и пространстве, напоминая неторопливые движения некоего космического левиафана…

— Борт, говорит Первый. Вижу результат бомбометания. Два корабля из пяти повреждены. Наблюдаю старт малых машин поддержки. Иду на перехват.

Голос Полуэктова казался спокойным, но на самом деле капитана в эти секунды охватила короткая дрожь предчувствия.

Это ощущалось как внезапное откровение — остро и необъяснимо: Вадим вдруг подумал, что врагов слишком много, и этот бой, вероятно, станет его последней схваткой.

Космический истребитель с борта «Альфы» не обладал энергетической защитой, но его мощь, рожденная установкой управляемого термоядерного синтеза, казалась неисчерпаемой.

Глухо взвыли расположенные за переборками рубки боевые эскалаторы, подавая лотки с боекомплектом к трем вакуумным орудиям, одно из которых располагалось в днище, под самым носом, а два других — в специальных боковых выступах на стыке корпуса и коротких атмосферных крыльев машины.

Вадим уже видел врага без посредства приборов: рой черных мушек карабкался вверх, преодолевая гравитацию планеты. На фоне ее желто-коричневой поверхности перехватчики противника выглядели контрастными точками.

— Рорих, приготовься… — произнес Вадим, посмотрев вниз, где

продолжало клубиться облако поднятой взрывами реголитной пыли.

В этот момент мерцание силового пузыря, накрывавшего базу ганианцев, истончилось, вспыхнуло и исчезло.

Атмосфера под куполом моментально взвихрилась, оседая вниз хлопьями замерзшего кислородного снега.

Всё… Кто не успел спрятаться в герметичных отсеках, были уже мертвы.

Исчезновение силового пузыря над базой могло означать лишь одно — какой-то из крейсеров готов к старту.

«Позже… Мне с ним пока не тягаться…»

Рой черных точек продолжал приближаться, расти, уже распадаясь на отдельные, вполне узнаваемые контуры машин класса «Гепард».

«Вот почему корабль Фагов атаковал меня на входе в систему!» — внезапно осенило Вадима. — «Фаги наверняка сталкивались с машинами ганианцев, и в памяти терраформеров те прочно заполучили категорию „враг“!..»

Через секунду Вадиму стало не до выкладок и озарений.

«Гепарды» шли плотной группой, образуя щит силовых полей.

Пост роение было грамотным: в такой группировке они могли с большим шансом на успех атаковать средних размеров крейсер.

Ганианцы наверняка видели два приближавшихся к ним истребителя, но пятнадцать силовых щитов, сомкнутых вместе, по всем канонам космического боя позволяли презреть на время две маленькие точки — совокупная мощность полутора десятков генераторов защиты могла погасить разряд любого импульсного лазера, а новый тип энергопоглощающей брони лишь усиливал преимущество подобного строя, делая силовой щит малых кораблей практически непреодолимым для лучевого оружия.

— Рорих, атакую.

Вадим бросил истребитель вниз, к планете, прошел над оседающими облаками пыли и замерзшего воздуха, а затем резким импульсом ускорения начал выходить из пике, задирая нос корабля к черному ромбовидному щиту из пятнадцати «Гепардов», которые уже опасно приблизились к маневрирующей «Альфе», очевидно, предвкушая, как сейчас вонзят разряды когерентной фотонной энергии в обшивку колониального транспорта.

Палец Вадима скинул скобку предохранителя с гашетки вакуумных орудий.

Для снарядов, изобретенных в далеком двадцать третьем веке, не

существовало преград в виде искривляющих, гасящих и рассеивающих когерентный свет силовых щитов. В их добрых, старых бронебойных жалах крылся один вид энергии — поступательная, кинетическая мощь движения твердого тела, которую не могли остановить линии напряжений силовой защиты.

Щеки Вадима начали отекать от перегрузки.

Планета медленно проваливалась вниз, строй вражеских кораблей укрупнялся, рос в паутине координат прицельной сетки.

Цифры в окошке дальномера медленно, но неуклонно стремились к нулю.

1800 метров… 1750… 1700…

В следующий миг палец Вадима сжат бугорок сенсора залпового огня.

Корабль завибрировал, загудел, выплевывая три параллельные трассы снарядов; с предупреждающим писком сработал автоматический вариатор целей, когда ближайший из «Гепардов» разрезало на три неравных куска, и он развалился, окутавшись мутным выхлопом замерзающей атмосферы. С резким толчком сработали двигатели коррекции, смещая нос истребителя на величину поправки, и трассы снарядов хлестнули по новой цели, взламывая черную броню, вырывая безобразные куски обшивки, а сзади уже тянулись очереди вакуумных орудий с машины Рориха…

Строй вражеских кораблей распался, его разметало, словно кучку листвы под порывом шквального ветра. Два истребителя проскочили сквозь разлетающиеся в пространстве обломки, и в эфире внезапно зазвучал восторженный, полный какого-то нечеловеческого упоения торжествующий возглас Рориха:

— Ехххааа!

* * *

«Альфа» к этому времени уже совершила виток вокруг мертвого шара планеты и начала удаляться в сторону газового гиганта.

Все шло согласно разработанному плану.

Два крейсера ганианцев оказались серьезно повреждены бомбежкой, из трех оставшихся один взлетал, два других все еще оставались на поверхности, и было неясно, смогут ли они немедленно стартовать?

От расклада сил, которые встретятся в пространстве, зависело очень многое. «Альфа», несмотря на свои исполинские размеры и потенциальную живучесть, обладала ограниченной маневренностью, ее экипаж был смехотворно мал, а энергетическая защита у колониального транспорта отсутствовала напрочь.

Все это прекрасно понимал Покровский, занимавший в этот момент место командира корабля.

— Вадим, Эрни, подтягивайтесь, — приказал он. Канал связи оставался открытым, шифровать его было некогда, да и незачем.

Колониальный транспорт продолжал запланированное отступление, выкарабкиваясь из гравитационных объятий безвоздушной планеты.

Впереди лежало несколько миллионов километров пустоты, разделявшей место первой атаки и основной амфитеатр боевых действий.

— В отсеках, приготовиться к маршевому ускорению!

На дисплеях ходовой рубки уже бежали цифры обратного отсчета, когда по внутренней связи раздался доклад лейтенанта Морригана:

— Сэр, наблюдаю старт с планеты трех тяжелых кораблей противника.

У Покровского что-то оборвалось внутри. Три крейсера в дополнение к тому, который уже вышел в околопланетное пространство?!

Отчаиваться и рассуждать слишком поздно.

— Морриган, сбрось минное заграждение, как только подтянутся истребители! — Покровский переключил канал связи: — Полуэктов, Фрайг тебя раздери, где вы болтаетесь?!

Вадим слышал голос Покровского, но ответить не мог.

Его душа вместе с истребителем рушилась вниз, навстречу желто-коричневой равнине, покрытой клубами пыли, из которой к багряному сиянию туманности всплывали сразу три крейсера ганианцев.

* * *

Зенитно-заградительный огонь отсутствовал, если внизу и остались боеспособные после бомбежки расчеты, то они не могли стрелять, опасаясь зацепить стартующие крейсера.

Зато сами корабли не собирались дожидаться конца бесноватой атаки двух космических истребителей. Крейсер, который успел подняться выше других, внезапно выбросил сетку лазерных лучей. Несколько секунд пространство над ним было располосовано ослепительными шнурами, затем они погасли так же внезапно, как возникли, — перезаряжались лазеры главного калибра, их раскаленные стержни, выполненные из искусственных кристаллов рубина полутораметровой длины, сейчас охлаждал жидкий азот. Одновременно устройства «накачки» копили энергию, готовясь к новому импульсу.

Падая навстречу смутным силуэтам кораблей, Вадим успел заметить между стартующими крейсерами еще одну машину, которая выглядела

маленькой точкой, жучком на фоне своих исполинских собратьев.

«Какой-то штурмовик…» — подумалось ему. Модель навскидку он определить не смог, да это было и неважно.

— Эрни, видишь малую машину?

— Ну?

— Следи за ней. Как бы не зашла в хвост.

— Штурмуй, прикрою.

Его истребитель уже не пикировал — он рушился вниз.

Ускорение, помноженное на гравитацию планеты, привело к эффекту, обратному перегрузке, — в кабине на несколько мгновений внезапно наступила невесомость.

Корабли ганианцев росли, укрупнялись, заполняя собой все обозримое пространство. Сетка заградительных лучей то вспыхивала, то угасала на миг, но маленькой машине удавалось проскочить между ослепительными шнурами импульсных лазеров.

Вадим понимал, что, вероятнее всего, идет в последнюю атаку.

У него не останется времени, чтобы отвернуть, вырвать свой истребитель из смертельного падения, но в этот миг он не испытывал ни страха, ни горечи, ни упоения — пришла странная, отрешенная пустота, будто это не он управлял машиной, падающей по убийственной траектории на один из трех натужно карабкающихся вверх крейсеров.

С дистанции в десять километров он выпустил рой ракет, половина бортового боекомплекта ушла вниз, ослепительными факелами обогнав пикирующую машину.

Крейсер отреагировал новой вспышкой заградительного огня, несколько ракет взорвались, но три или четыре достигли черного корпуса, взламывая его термодинамическим ударом боеголовок.

Попадание произвело ошеломляющий эффект, исполинский корабль мгновенно окутался облаками газовых выбросов, в местах пробоин все прилегающие к обшивке отсеки подверглись мгновенной декомпрессии. Затем что-то беззвучно полыхнуло в верхней части развороченного корпуса, и сразу же, буквально в миг попадания, заработали его установки маршевой тяги, вырывая крейсер из-под удара атакующего истребителя

Запоздалая очередь вакуумных орудий успела вспороть участок брони в корме, но покалеченный титан уже ушел из-под прицела бортовых орудий…

Истребитель Полуэктова нырнул в образовавшуюся между кораблями брешь, мимо, вскользь зацепив обшивку, сверкнуло несколько лазерных лучей, и его машина, продолжая траекторию снижения, влетела в

клубящиеся над поверхностью планеты облака поднятой бомбовыми ударами реголитной пыли.

* * *

Рорих видел безумную атаку ведущего, но не мог ни помочь, ни помешать ей — когда пилот истребителя уже принял решение, остановить его на такой скорости может разве что мгновенная смерть.

Когда вражеский крейсер в момент попадания врубил маршевую тягу, Рорих не поверил своим глазам.

«Тяни, Вадим, тяни…» — умоляюще думал он, глядя, как машина Полуэктова нырнула в клубящиеся облака пыли. У командира внезапно появился реальный шанс выжить, и Эрни надеялся, что он воспользуется им.

Развернув свой истребитель, он пошел в атаку на поврежденный крейсер. Четверо на одного — такой расклад никак не шел в пользу «Альфы», и самоубийственный рывок Вадима был рожден именно этим неравным счетом.

Рано хоронить командира. Следовало завершить начатое им.

Рорих кинул беглый взгляд на приборы. По радару расползалось сонмище точек, но взгляд Эрни безошибочно разобрал картину: первый стартовавший с базы крейсер уже удалился к самому срезу экрана, он начал погоню за «Альфой» и был сейчас не в счет, два других расползались в разные стороны, пытаясь преодолеть гравитацию планеты и выйти в район высоких орбит, где могли начать осмысленное маневрирование, подбитый же Вадимом корабль натужно полз параллельно затянутой пылевыми облаками поверхности, не меняя высоты полета, а вслед за ним неотступно следовал тот штурмовик, который привлек внимание Полуэкгова еще в самом начале атаки.

«Что он делает?»

Маленький корабль стремительно настигал исполина, из которого в околопланетное пространство продолжали извергаться смешанные с обломками газовые шлейфы. Вот он почти поравнялся с ним; лазерный луч, вырвавшись из штурмовика, ужалил черную броню и несколько раз бессильно полоснул по ней.

Бесполезно. Черный материал глотал энергию светового пучка, восстанавливая при этом напряжение своего защитного поля

Кто бы ни управлял штурмовиком, но пилот понял, что энергетическое оружие бессильно перед черной броней. Маленький корабль еще несколько секунд висел на фоне исполина, прорисовываясь

едва различимой точкой, а потом, сверкнув ослепительным выбросом из дюз маршевой тяги, ринулся на таран в район ближайшей проделанной ракетой пробоины.

Тяжелый крейсер содрогнулся от удара, в космос выметнуло новые фонтаны смешанных с газом обломков, и исполин, еще несколько мгновений двигавшийся по инерции, вдруг начал разваливаться на части, переломившись сразу в нескольких местах.

Рориху пришлось резко развернуть машину, чтобы не столкнуться с падающими на поверхность планеты многотонными обломками.

Справившись с управлением, он стремительно пронесся по кромке клубящихся облаков и, опомнившись, хрипло спросил в коммуникатор:

— Вадим?

Тишина.

— Командир, ты жив?

Тишина. Глухая тишина на несущей волне их связи.

* * *

— Связь с Первым прекратилась, сэр!..

Покровский тяжело поднял голову, посмотрел на офицера связи, кивнул.

— Что Второй? — справившись с подкатившей к горлу горечью, спросил он.

— Автоматический маяк пока работает. Идет сильное запаздывание сигнала. Он по-прежнему в районе планеты.

«Эх, Вадим, Вадим».

Покровскому не хотелось верить в гибель капитана. Он не мог принять ее ни умом, ни сердцем.

— Продолжать ускорение! — стараясь подавить эмоции, приказал он.

Когда-то давно на далекой Земле у боевых кораблей, но не космических, а плававших по поверхности водных пространств планеты, был такой сигнал, который капитану приходилось подавать в критические мгновения боя.

«Следую своим курсом».

Это означало, что выжившие барахтающиеся в воде люди из состава экипажей подбитых и затонувших во время боя судов должны спасаться сами, кто как мог, ибо проходящий мимо корабль не имел права остановиться. Значит, его миссия была слишком важна и от ее выполнения зависели уже не единицы, не десятки, а тысячи и миллионы жизней.

— Передай открытым текстом: «Продолжаю движение».

Покровский на миг отвернулся от экранов, чтобы не видеть разлившейся по ним багряной черноты.

Разбомбив базу ганианцев, «Альфа» возвращалась в район газового гиганта, вокруг которого обращались две планеты — черная и зеленовато-синяя.

Они летели на помощь богу.

* * *

— Три крейсера противника в кильватере, дистанция — семь тысяч километров! — голос в интеркоме слегка дрожал.

— Наблюдаю пять неопознанных объектов, следуют встречным курсом, — спустя несколько секунд пришел второй доклад.

Покровский переключил изображение на тактическом мониторе.

Вот они — пять «Черных Роз». Опираясь на данные наблюдений, можно было с уверенностью сказать — им навстречу вышел весь флот Фагов.

Покровский смотрел на увеличенное изображение пяти объектов и понимал: люди никогда не строили ничего подобного.

Каждый из приближающихся к «Альфе» кораблей был огромен, никак не меньше нескольких километров в поперечнике, и при более внимательном рассмотрении походил на бутон иссиня-черной розы с намеренно отогнутыми верхними лепестками, образующими остроугольный венчик.

Обшивка пришельцев имела чешуйчатую структуру. Бронеплиты их корпусов, каждая толщиной в несколько метров, наслаивались друг на друга, образуя уступчатые структуры, плохо сочетающиеся с элементарными понятиями о принципах конструирования аэродинамических форм.

Черные бутоны с шероховатыми, чешуйчатыми лепестками неторопливо плыли в пространстве навстречу древнему колониальному транспорту.

* * *

Тишина…

Она окружала его темным, плотным саваном безвременья

Весь мир, вся Вселенная внезапно оглохли.

Космический истребитель беззвучно скользил над унылой, изъязвленной кратерами метеоритных ударов поверхностью мертвой планеты, а за ним тянулся шлейф кристаллизованного газа, вырвавшийся из

уродливого обрубка, который остался на месте одной из надстроек машины.

Очнувшись, Вадим понял, что потерял сознание от перегрузки, когда заставил свой корабль выходить из смертельного пике. В первый момент он всерьез испугался, что оглох, но осмотревшись, понял: машина разгерметизирована, в кабине царит вакуум, панель связи светится злобными глазками индикаторов повреждений.

Скафандр на нем остался цел.

Луч лазера прошел вскользь, оплавив броню, срезав, будто ножом, надстройку с антеннами, повредив обшивку хвостовой части машины, но в общем истребитель был управляем — это он определил однозначно, несколько раз отработав струйными рулями ориентации.

Помимо связи, он лишился радара. Экран боевого монитора потемнел, но внешний обзор кабины работал исправно, визуальные датчики, заглубленные в броню, были размещены по всему корпусу истребителя, и даже потеря пятидесяти процентов из них не могла лишить пилота возможности созерцать окрестный космос.

Оглянувшись по сторонам, Вадим вздрогнул от неожиданности.

В глубочайшей окружающей его сознание тишине скользящий параллельно его курсу истребитель Рориха казался призраком.

Одному богу известно, как Эрни сумел найти его в сумятице боя, но факт оставался налицо — машина ведомого пристроилась рядом, охраняя подбитый истребитель Полуэктова от любых поползновений со стороны врага.

На мгновение Вадим ощутил волну тепла, которая родилась где-то под сердцем.

Мир на поверку оказывался не так уж и плох, пока в нем существовали такие понятия, как любовь, преданность, дружба. За этот мир стоило драться.

Он позволил этим чувствам всею на миг полонить разум.

Взявшись за рули ручного управления, Вадим слегка покачал короткими атмосферными крыльями машины, сигналя общеизвестным кодом:

«Потерял связь».

Машина Рориха отработала двигателями, уходя в сторону:

«Держись, командир».

Вадим понимал, что должен освободить ведомого. Эрни и так нарушил их взаимную договоренность во что бы то ни стало продолжать бой. Расклад сил между «Альфой», ганианцами и Фагами был слишком

неравен

Он опять взялся за штурвал, сигналя серией импульсов коррекции

«Из боя не вышел. Следую в автономном режиме. Уходи».

Машина Рориха еще несколько секунд двигалась параллельным курсом, прежде чем он включил маршевую тягу.

Через несколько мгновений его истребитель уже превратился в едва заметную на фоне сияния туманности точку.

Тишина снова навалилась на Вадима.

Шар безвоздушной планеты уже сползал на задний экран обзора, а впереди, на орбитах зеленовато-голубого шарика, похоже, разгорался смертельный бой между «Альфой» и неизвестным ему количеством вражеских кораблей.

Не размышляя более, Вадим взял курс на частые, режущие глаз вспышки лазерного огня.

* * *

Бой в пространстве над ночной стороной той планеты, куда Вадим сажал челнок с «Альфы», разгорался в этот момент со скоростью взъярившегося лесного пожара.

Весь расчет капитана Покровского строился не на прямом столкновении с врагами, а на умелом маневрировании между ними.

Черные корабли уже выпустили сонмища Фагов, которые стремительно приближались к «Альфе», двигаясь со стороны газового гиганта системы. Крейсера ганианцев по-прежнему висели за кормой, медленно, но неуклонно сокращая дистанцию…

Покровский чувствовал, наступает критический, роковой миг.

— Вращение на корпус!

Пятикилометровый цилиндр, лежащий в основе конструкции колониального транспорта, вздрогнул и начал движение вокруг оси корабля.

В гробовой тишине вакуума беззвучно открылись спрятанные в его обшивке орудийные порты.

Снаружи это выглядело достаточно безобидно — просто в броне корабля разошлись остроугольные сегменты люков, откуда в космос выдвинулись странного вида установки

Внутри колониального транспорта, наоборот, звуки заработавших по всему периметру обшивки подающих приводов наполнили корабль зловещим предчувствием близкой схватки.

Вся поверхность вращающеюся корпуса была разделена на четыре

условных сектора.

— Орудийным секторам-палубам, доложить готовность!

Покровский знал, как мало людей сейчас находится у установок «Ураган». Большинство орудий пришлось вывести в стандартный режим заградительного огня, и лишь немногие из них управлялись операторами.

Выслушав доклады готовности, он снова взглянул на тактический монитор. Противодействующие им силы сближались, неумолимо сжимая «Альфу» с двух сторон. Фаги, строившие сейчас в пространстве свою традиционную «стену», никоим образом не являлись союзниками ганианцев. Покровский не сомневался — происходи схватка между колониальным транспортом и крейсерами где-нибудь на окраине системы, ни один черный корабль не проявил бы при этом беспокойства. Именно этим свойством машинной логики долгие годы пользовались ганианцы. Машины охраняли свою территорию, и им не было дела до иных участков пространства, не входящих в зону их «жизненных интересов».

Ганианцы, ослепленные яростью после дерзкой бомбардировки их базы, упорно продолжали преследовать колониальный транспорт, который, уходя в сторону газового гиганта, все глубже и глубже затягивал их именно в эту зону, бдительно охраняемую кораблями Фагов.

Теперь все должно было решиться в течение ближайших нескольких минут.

«Альфа», зажатая между двух огней, являлась сейчас раздражителем для обеих сторон.

«Черные Розы» и реставрированные ганианцами крейсера начали атаку на колониальный транспорт практически одновременно.

Дистанция между ними сокращалась стремительно, неумолимо…

— Огонь!

Голос Покровского охрип в эти секунды от запредельного напряжения нервов.

Сто сорок расположенных по периметру вращающегося корпуса установок «Ураган» взорвались короткими хоботками статики, выплевывая в космос тонны бортового боекомплекта.

Вращение корпуса придало им эффект веерного рассеивания, и в эти секунды казалось, что нет вокруг колониального транспорта ни единого участка пространства, который бы не пронзали разогнанные импульсами вакуумных орудий смертоносные снаряды.

Эффект был убийственным — десятки, если не сотни атакующих Фагов взрывались, рождая ослепительные вспышки; построенная ими пространственная стена рассыпалась, словно непрочный карточный домик,

от крейсеров и величественных металлических роз в пространство полетели куски вырванной снарядами глянцевитой брони, но это еще не означало ни победы, ни перелома, инерция движения вражеских кораблей по-прежнему влекла их вперед, на извергающую огонь «Альфу».

В следующий миг дистанция между ними сократилась до рубежа эффективного лазерного огня.

Орудия «Альфы» не могли бесноваться вечно, наступил роковой миг смены боекомплекта, и заградительный огонь затух.

— Донная тяга!

Ответный залп, произведенный сразу с обеих сторон, совпал с моментом включения двигателей колониального транспорта.

Сотни лазерных лучей успели полоснуть по обшивке «Атьфы», прежде чем импульс ускорения из сопел донной тяги поднял ее над потоками когерентного излучения.

— Первая палуба, декомпрессия отсеков… Мы теряем атмосферу… Боже…

Спину Покровского покрыл ледяной пот.

Он чувствовал сотрясения от попаданий, что-то взрывалось, по обшивке «Альфы» прокатилась конвульсивная волна ударов, смешанная в его сознании с докладами, идущими из пораженных отсеков.

Разрушения были огромными, жертвы — невосполнимыми, но его план удался, лазерный огонь лишь вскользь зацепил колониальный транспорт, который, подчиняясь энергии реактивных струй, всплыл выше плоскости залпа, и большая часть когерентного излучения пронзила пустоту, поражая цели, атакующие «Альфу» с другой стороны.

Фаги и ганианцы наконец увидели друг друга.

Инерцию их движения уже невозможно было остановить, и две силы неизбежно сошлись практически в той точке, где за минуту до этого висел колониальный транспорт.

— Огонь! Всем, кто выжил, приказываю — ОГОНЬ!

Окутанная облаками кристаллизованного газа, объятая нимбом обломков «Альфа» вновь полыхнула яростным заградительным залпом, посылая в пространство тысячи снарядов ежесекундно.

Покровский видел, как взорвалась одна из «Черных Роз». Вслед за ней вспыхнул крейсер ганианцев, потерявший управление в разверзшемся аду. Два других корабля столкнулись с их обломками, пространство вскипело, а установки «Ураган» продолжали бить, довершая разгром.

Когда наступил короткий миг смены боекомплекта, под «Альфой», на фоне зеленовато-голубого шара планеты, парили одни обломки.

Флот Фагов и крейсера ганианских пиратов смешались в едином коловращении изуродованной материи.

Побелевшие пальцы Покровского отпустили подлокотник кресла.

Победа была полной, неоспоримой.

— Всем, кто меня слышит… — хрипло произнес он в коммуникатор. — Доложить о потерях…

Эпилог

Рассвет разгорался, долгий, немыслимый, будто затянувшаяся агония.

Сумеречная красно-коричневая равнина, пересеченная цепью пологих холмов, притихла под низким, давящим небом.

Собирался дождь. В прорехах между облаками, гонимыми «верхним» ветром, еще проглядывал пухлый шар газового гиганта, вокруг которого вращалась планета. Испускаемый им отраженный свет был холодным — согреть землю могло лишь солнце, но краешек светила едва проклюнулся в прослойке чистого неба у горизонта, а ОН висел в небесах постоянно. Его призрачное, неживое сияние не грело, а лишь разгоняло сумерки, не позволяя кромешной тьме завладеть землей, — наверное, поэтому каждый рассвет на планете казался именно таким: невыносимо долгим.

Лиза стояла на обрывистом краю прибрежного холма. Ей нравился долгий рассвет, хотя у человека, не прожившего тут всю свою жизнь, подобная феерия кровавых красок наверняка бы вызвала гнетущее чувство обреченности.

Начал накрапывать мелкий дождь. Посмотрев на небеса, с которых всю ночь, пронзая облака, падали звезды, она зябким движением поправила одежду, и мягкая ткань беззвучной волной обняла тело, скрыла фигуру девушки в своих складках, сразу же лишив ее индивидуальности. Теперь на краю обрыва стояло некое закутанное в ниспадающую хламиду существо. Плотный капюшон, скрывший прическу и затенивший черты лица, придавал ее фигуре еще большую таинственность и как бы завершил эту трансформацию безликости.

Она смотрела на горизонт, где разгорались краски наступающего дня, и вспоминала недалекое прошлое, то самое прошлое, в котором она была воином и сражалась на одном из этих холмов, едва не отдав свою душу дьявольским механическим созданиям, которые пришли с соседнего материка накануне дня ее нового рождения

Сейчас она уже не могла вспомнить, сколько раз рождалась и взрослела в ледяной тиши Храма.

Цепь реинкарнаций добавила ей с десяток боевых имплантов, дополнивших строение тела, и это неизбывное, непреходящее чувство холодной, пустой тоски, поселившейся в душе.

Никто не мог осудить ее за то, что теперь она избрала новый жизненный путь. Лиза мысленно повторяла себе эту фразу вновь и вновь,

будто оправдывалась перед невидимым оппонентом за собственное осознанное, *вымученное* решение.

Убивать можно до бесконечности, но есть ли в этом смысл? Ненависть к чужим, такая горячая, гулкая, тоже, оказывается, имеет свой предел. Она не затухает со временем, но трансформируется в это непонятное чувство сосущей пустоты, бессмысленности…

Иногда она злилась сама на себя за подобные мысли, с тоской вспоминая те дни, когда ярость являлась единственным мерилом жизни, делая существование простым и понятным…

Что мешало ей оставаться воином?

Глаза Лизы блеснули под тенью капюшона.

Странный, непонятный человек несколько месяцев назад спас ее от Фагов. Он пробыл с ней совсем недолго, но успел разбудить что-то древнее, давно потерянное, дремлющее в груди. Он не преклонялся перед богом и задавал вопросы, на которые не было ответов в этой реальности.

Она смотрела на него сначала глазами старухи, потом маленькой, не помнящей себя девочки… и вот она выросла. ОН вернул ей память, отданную на хранение в момент реинкарнации, заставил быстро повзрослеть ее тело, чтобы она могла вновь вступить в схватку с ЕГО врагами, но сколько ни молила Лиза, ОН не смог дать ей ответ на этот вопрос:

«Что такое Любовь?»

Она еще стояла, в глубокой задумчивости глядя на слоистую структуру угрюмых облаков, когда привычные звуки рассвета нарушил идущий издалека басовитый гул.

Лиза не вздрогнула, не испугалась, не напряглась — она просто повернула голову, и мгновенно блеснувшая догадка тут же превратилась в абсолютную уверенность.

Высоко над холмом, в хмурых небесах, по которым ветер гнал косматые тучи, наметилось легкое зарево, словно солнце пыталось встать в неурочном месте, проклюнувшись совсем не там, где ему положено сиять.

Падучая звезда появилась неожиданно и эффектно — прорезав клубящуюся гряду облаков, в хмурую прослойку сумерек между небом и землей ворвался ослепительный, роняющий капли раскаленной ауры шар. Он пронесся, чертя ниспадающую дугу, от далекой линии горизонта к чернеющей за холмами кромке синего леса, потом затормозил, поджидая оставленный далеко позади звук, а когда тот накатился, ударил по земле, поднимая с нее тугой воздушной волной мелкий мусор и водяную взвесь, ослепительная аура вокруг корабля потускнела, и он предстал во всей красе

своих форм — серый, слегка серебрящийся, обтекаемый, с тремя расположенными под углом в сто двадцать градусов выступами ходовых двигательных секций.

Сейчас плазмогенераторы корабля уже отработали свое, он снижался, опираясь на два коротких, скошенных крыла, под которыми угадывались выступы турбин.

Лиза спокойно наблюдала за его снижением. Если это прибыл очередной Фаг, то ему лучше не приближаться к ней.

Ее рука скользнула под ниспадающие складки одежды, извлекла из невидимого внутреннего кармана что-то маленькое, холодно и неприятно блеснувшее в свете занимающегося утра. Откинув капюшон, она одним точным движением оголила участок шеи в том районе, где начинался затылок, тонкие пальцы раздвинули края неприметного бескровного надреза на коже, и маленький предмет вошел в предназначенное ему гнездо с едва слышным звуком щелкнувшего фиксатора.

Медленная дрожь проскользнула по мышцам девушки. Кожу едва заметно пощипывало — менялся электрический потенциал некоторых клеток.

Она ощутила легкое головокружение. Затем признаки дурноты исчезли так же внезапно, как появились, — сработали встроенные биологические схемы контроля. Ее организм активировал их на уровне инстинктов.

Корабль садился. Он исчез из поля зрения. Лизу это не устраивало, она хотела видеть его, и поэтому пошла вперед, рукой раздвигая ветви кустарника, растущего по склону холма.

Ее движения были спокойными, четкими. Никакой дрожи, перевозбуждения мышц, невроза. При использовании имплантов это недопустимо, биологически совместимые системы не выносили излишка адреналина в крови, и его выброс в такие моменты подавлялся.

Холодное, фактически отрешенное спокойствие в бою плюс способность к реинкарнации — вот что позволило остаткам людей выжить и делало их тем противником, на которого иные Фаги опасались нападать без десятикратного перевеса.

Ненависть людей была холодна, как лед, и она оставляла после себя лишь мертвую материю.

Фаги боялись людей и не представляли, что сила — это лишь тень, оборотная сторона слабости. Побеждая в бою, люди отдавали на заклание богу нечто гораздо более ценное, чем приобретаемое хладнокровие и биохимические преимущества, — данный обмен был *неадекватен*, хотя

мало кто из ныне живущих подозревал, что в прошлом их первые сущности были способны на какие-то утраченные ныне чувства.

* * *

Корабль сел у подножия прибрежного холма.

Лиза ощущала исходящий от него жар. Она притаилась под сенью пограничных кустов, внимательно наблюдая за пришельцем.

Она ожидала, когда Фаг покинет свой корабль и окажется вне защиты его брони.

Шли секунды, но нос корабля оставался плотно сомкнут. Сегменты его обшивки и не думали расходиться, вместо этого в корпусе открылся люк, и оттуда на раскаленный песок выпрыгнул… человек!..

Лиза мгновенно узнала его.

Это был он… он… тот самый, который спас ее несколько месяцев назад.

Вадим…

Она стояла под сенью кустов, ощущая, как гулко и неровно бьется сердце…

На запястье со щелчком открылась крохотная обтянутая живой кожей крышечка, под которой пряталась мини-панель…

Господи… Что же делать…

Лиза лихорадочно озиралась…

Сейчас он подойдет… Увидит эту откинутую крышечку, заметит, как она лихорадочно пытается попасть дрожащим ногтем в нужный микропереключатель и…

Лизу мутило. Выброс адреналина в кровь мешал ей думать, в ушах шумело…

Чувства сменяли друг друга с сумасшедшей стремительностью. Она никогда не испытывала ничего подобного ни в бою, ни при перерождениях тела…

Что-то новое… или давно позабытое?.. возрождалось в ней.

Закусив губу, Лиза посмотрела на ряд мерцающих кнопок и захлопнула крышечку на запястье. Пусть пищит.

Она не хотела возвращения к холодному, отрешенному созерцанию жизни.

* * *

Посадив покалеченный в бою корабль, Вадим выбрался из кабины на горячий прибрежный песок. Открыв забрало гермошлема, он отошел от

раскаленной обшивки, вдыхая горьковатый, бедный кислородом утренний воздух.

Это был мир его второго рождения.

Мир, в котором у него были назначены два свидания — одно с повисшим над головой богом, а другое…

Он обернулся, узнавая окрестности.

Тихо потрескивала, остывая, обшивка истребителя.

Со светлеющих небес сорвалась бледная падучая звезда.

Юная девушка, закутанная в знакомый балахон, шла к нему от зарослей кустарника, и ее глаза больше не казались глазами древней старухи.

В них жило что-то новое, безумное, рожденное этим мигом внезапной, но предначертанной встречи.

notes

Примечания

1

Процион — Альфа Малого Пса.

2

Бортовая Операционная Система.